

поступило
5. X. 1945г

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и Р. К. П. (большевиков)

СЕДЬМОЙ СЪЕЗД РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

1-4

СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ

6—8 МАРТА 1918 Г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

2

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ Р.К.П. (Б-КОВ)
КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И Р.К.П. (БОЛЬШ.)
(ИСТПАРТ)

СЕДЬМОЙ СЪЕЗД РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ
6—8-го марта 1918 года

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

THIRD INTERNATIONAL
 ANNUAL MEETING

„Мосполиграф“. 1-я Образцовая типография, Янгинская, 71.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Протоколы 7-го Съезда нашей партии выходят в свет с опозданием более чем на 5 лет. Сейчас же после Съезда и даже некоторое время после него протоколы эти по своему характеру не могли быть опубликованы, ибо в эпоху Брестского мира наша партия победоносным германским империализмом была приведена фактически в состояние партии, вынужденной действовать в отношении к этому империализму полулегально и даже нелегально. Как и до революции как против правительства Керенского-Милюкова, так и против германского империализма нашей партии приходилось прибегать к правилам конспирации.

Но конспирировать приходилось не только в отношении правительства Вильгельма,—конспирацию приходилось соблюдать и в отношении правительств Антанты, которые сразу стали в непримиримо-враждебные отношения к новой Советской власти и о неизбежной борьбе с которыми приходилось думать нашей партии на своем 7-м Съезде.

Ныне брестская эпоха принадлежит уже истории, оправдавшей нас, а не наших врагов,—и мы спокойно можем предать гласности протоколы полулегального Съезда партии, руководившей первой в мире пролетарской революцией.

Для редактирования протокола Центральным Комитетом нашей партии была создана специальная редакционная комиссия в составе т.т. Бухарина, Вардина, Гессена, Невского и Сольца. Приступив к работе, редакционная комиссия прежде всего обнаружила, что хранившиеся в Истпарте стенограммы Съезда страдают известными пробелами. Самый существенный пробел заключается в том, что в стенограмме нет начала основного доклада тов. Ленина о войне и мире, нет резолюции Ленина и Зиновьева в связи с выборами в Ц. К. и т. д.

В некоторых речах встречались неясности, и там, где эту неясность было невозможно устранить, мы вынуждены были совершенно выбрасывать соответствующие места из стенограмм. К счастью, таких выкидок было произведено очень не много. В литературном отношении стенограмма почти совершенно не была обработана, и 5 лет спустя подвергать ее полной редакционной переработке мы не считали возможным. Мы исправили лишь наиболее кричащие с литературной стороны несообразности, в общем оставив прежний «корявый» стиль.

В порядке дня Съезда говорится об организационном и политическом отчете Ц. К. Организационный отчет был сделан Я. М. Свердловым, политического же отчета на Съезде специально сделано не было: доклад тов. Ленина о войне и мире заменил собою и политический отчет Ц. К.

Наконец, точный состав Съезда не установлен. Печатаемый ниже список делегатов не полон.

Теперь об основной резолюции Съезда о войне и мире. Она, разумеется, была написана В. И. Лениным. В собрании сочинений Владимира Ильича этой резолюции нет,—редакция издания отметила, что она этой резолюции найти не могла. Мы ее печатаем в приложении. Как видно из протоколов, вопрос об этой резолюции на Съезде специально обсуждался по предложению тов. Ленина. Проект резолюции был роздан делегатам Съезда. После того, как она была принята большинством голосов, Съезд постановил ее не печатать, ограничившись сообщением в газетах о том, что Съезд постановил Брестский мир ратифицировать. Тогда тов. Ленин предложил, чтобы все делегаты сдали обратно в президиум проект резолюции, чтобы она ни в каком случае не могла попасть в печать. Однако Съезд это предложение отклонил, обязав делегатов хранить резолюцию в безусловной тайне. После того, как Брестский мир был уже аннулирован, эта резолюция делегатом Съезда тов. Вардиным была напечатана в газете «Коммунар» в № от 1 января 1919 года. Печатаемый ниже текст резолюции нами взят именно из упомянутого номера «Коммунара». Таким образом никаких сомнений в ее подлинности быть не может.

На первый взгляд публикуемые протоколы производят безотрадное впечатление. В партии имелся глубокий раскол, она переживала тягчайший кризис, местные организации были слабы и дезорганизованы. Съезд отражал состояние всей нашей партии,

всего рабочего класса, всей России; он отражал первые месяцы революции с ее неустойчивостью, неопределенностью, с ее дезорганизацией в тылу и на фронте. Это была тяжелая картина, это было тяжелое время.

Но вот Съезд принимает правильное решение по основному политическому вопросу о войне и мире. В заключительной речи Я. М. Свердлова Съезд намечает правильное решение организационного, внутри-партийного вопроса. В результате партия преодолевает тягчайший внешний и внутренний кризис, укрепляет свои ряды, укрепляет рабочий класс, спланивает под советским знаменем всю страну и одерживает величайшие победы над старым миром.

Ознакомившись с публикуемыми ныне протоколами, наши враги несомненно попытаются использовать их против нас. Совершенно спокойно мы можем заявить всем врагам и друзьям: партия, вышедшая из такого адски-трудного положения, партия, выковавшая величайшее единство внутри себя, единство миллионных масс в огромной стране,—эта партия и впредь встретит спокойно и уверенно самые тяжкие испытания.

Никакая партия не гарантирована от тяжелых кризисов. Но одни партии кризисы убивают, другие выходят из них обогащенными опытом и еще более окрепшими. За время революции мы видели много партий, для которых кризисы оказались смертельными. Лишь одна Р. К. П. шла и идет вперед, несмотря ни на что, ибо эта партия организационно опирается на класс будущего — пролетариат,—а идеологически—на революционный марксизм. Эти два основных элемента делают нашу партию непобедимой.

Ред. Комиссия.

Заседание первое.

(6-го марта.)

Заседание съезда происходило в Таврическом дворце.

Заседание открывается в 8 ч. 45 м. веч. т. Свердловым.

Тов. Свердлов. По поручению Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. объявляю заседание VII Съезда партии открытым.

Предварительно ознакомлю присутствующих членов с составом настоящего Съезда.

По имеющимся данным, на Съезде представлено делегатами с правом решающего голоса 148.152 и делегатами с совещательным голосом—21.010 членов партии. Ц. К. постановлено, что Съезд должен считаться правомочным, если будет присутствовать более половины делегатов предшествующего VI Съезда партии. В настоящее время на-лицо 36 делегатов, и, кроме того, имеются сведения, что еще несколько делегатов, находящихся уже в пути, должны прибыть в ближайшее время.

Сейчас предлагаю Съезду сконструироваться—избрать президиум, выработать регламент. Вчера, на совещании делегатов Съезда, где присутствовали 17 человек с правом решающего голоса, было решено составить президиум из пяти лиц. Предлагаю Съезду утвердить принятое совещанием число членов президиума. Ввиду того, что других предложений не имеется, разрешите считать принятым. Прошу называть кандидатов.

(Предлагаются кандидатуры т.т. Бухарина, Ленина, Свердлова, Крестинского, Шелавина и Соловьева.)

Тов. Свердлов. Всего указано 6 человек (перечисляет кандидатуры). Предлагаю Съезду утвердить президиум из 6 лиц. Возражений не имеется. Позвольте перейти к чтению, а затем и обсуждению регламента.

Тов. Голощекин. Прошу слова для заявления.

Тов. Свердлов. Слово для заявления будет предоставлено вам по утверждению регламента в соответствующем порядке.

Вчерашним совещанием постановлено предложить Съезду следующий регламент:

1. Заседания Съезда происходят с 10 часов утра до 2 часов дня, с 4 до 7 часов дня и с 8 до 10 часов вечера.

2. Президиум избирается Съездом из 5 человек.

3. Для докладов предлагается 1 час и для заключительного слова—20 минут.

4. Ораторам предоставляется в первый раз 15 минут, второй—5 минут. По каждому вопросу можно говорить лишь 2 раза.

5. Личные заявления, внеочередные заявления и фактические замечания вносятся в президиум в письменном виде и оглашаются в конце заседания и прений по ним не допускается. Внеочередные заявления за подписью не менее 5-ти лиц оглашаются немедленно.

6. Президиуму предоставляется право предлагать Съезду поставить вне очереди тот или иной вопрос.

7. Слово к порядку и предложения вносятся в президиум в письменном виде.

8. Говорить к порядку допускается одному—«за», одному—«против» и не более 3-х минут.

9. По поводу предложений дается слово двоим: одному—«за», одному—«против» по 5-ти минут.

10. По мотивам голосования дается слово на 3 мин. до голосования.

11. Группа в 10 товарищей может выставить содокладчика.

12. Все вопросы решаются простым большинством голосов. По требованию 10 товарищей должно быть произведено поименное голосование.

Тов. Ногин. Я вношу поправку о недопущении прений по очередным заявлениям.

Тов. Свердлов. Если Съезду угодно будет обсуждать какой-нибудь вопрос, то, конечно, такое право ему предоставляется.

Председатель. Голосуется поправка, внесенная тов. Ногиным. За—17, против—большинство. Поправка отвергается.

Тов. Соловьев. Прошу слова по поводу регламента. Предлагаю слово по мотивам голосования предоставлять после голосования.

Тов. Свердлов. Кто за то, чтобы давать слово по мотивам голосования после самого голосования? Кто против? Большинством принято предложение регламента давать слово до голосования. Желающих высказаться более не имеется. Я ставлю на голосование утверждение регламента в целом. Кто против? Таковых не имеется. Регламент считается утвержденным. Позвольте перейти к следующему вопросу—обсуждению порядка дня Съезда.

Тов. Фенигштейн. Я предлагаю избрать мандатную комиссию.

Тов. Свердлов. Совершенно правильно. Возражений против избрания мандатной комиссии не имеется? Тогда прошу указать число членов ее. (Предлагается—3.) Предложено—3. Иных предложений не имеется. Прошу называть кандидатов. (Предлагаются кандидатуры т.т. Бокия, Сафронова, Наумова, Аванесова, Шотмана и Соловьева.) Названо пять кандидатов. (Производится голосование канд.) Избранными считаются тов. Бокий—18 голосов, тов. Шотман—15 гол. и тов. Аванесов—21 гол. Разрешите перейти к обсуждению порядка дня.

На вчерашнем предварительном совещании было постановлено предположенный порядок дня Съезда изменить следующим образом: вопрос о текущем моменте обратить в вопрос о войне и мире, так как по создавшимся политическим условиям обсуждение текущего момента естественно сведется только к обсуждению вопроса о войне и мире. Пункт о пересмотре программы постановлено оставить, присоединив к нему вопрос о наименовании партии. Пункт о профессиональных союзах, фабрично-заводских комитетах и проч. решено вычеркнуть из порядка дня, ввиду невозможности, за недостатком времени, надлежаще обсудить его на данном съезде и включить вместо него пункт «организационные вопросы». Этот принятый совещанием порядок дня был утвержден с тем, чтобы в первую голову был поставлен отчет Ц. К. Предлагаю Съезду утвердить указанный порядок дня. Возражений не имеется? Таким образом принят следующий порядок дня:

I) Отчет Ц. К.

II) Вопрос о войне и мире.

III) Пересмотр программы и наименования партии.

IV) Организационные вопросы.

V) Выборы Ц. К.

(Тов. Свердлов передает председательствование тов. Шелавину.)

Тов. Шелавин. Слово для отчета Ц. К. предоставляется тов. Свердлову.

Тов. Свердлов. Отчет Ц. К. распадается на две части: отчет организационный и отчет политический. Ц. К. приходится давать организационный отчет за период времени от VI до VII Съезда, в течение которого Ц. К. пришлось проделать огромную работу. Позвольте указать несколько цифровых данных. На VI партийном Съезде было представлено до 180 тысяч членов; в партии же насчитывалось, по имевшимся данным, до 200 тысяч. В настоящее время точных сведений об общем числе членов партии у нас не имеется. Материалом для суждения о росте партии может служить рост отдельных партийных организаций. За 7—8-ми месячный период партия возросла в колоссальных размерах. Многие организации увеличились в 2—3 раза. Так, сильное увеличение числа членов партии можно указать в Петрограде и Москве. На настоящем Съезде представлено от Петрограда—36 тыс. членов, но надо принять во внимание, что большое количество рабочих отправилось на внутренний и внешний фронты, иначе мы имели бы представленными не менее 50 тыс., тогда как на прошлом Съезде было представлено только около 30 тыс. Таким образом, увеличение почти вдвое. Московская организация на прошлом Съезде представляла 14—16 тыс. членов, теперь же 20—21 тыс., хотя из Москвы были также отправлены очень большие кадры красногвардейцев. Уральская область на VI Съезде—18 тыс., к настоящему же Съезду число членов партии возросло там до 40 тыс. В общем можно считать, что число членов партии увеличилось в 1½ раза, хотя за этот период много организаций исчезло совсем, но зато образовалось и укрепилось много новых.

К прошлому Съезду насчитывалось около 205 организаций. С октября по 25 декабря создано новых: около 100—рабочих и около 80—солдатских. Сейчас общее число членов партии, можно полагать, достигает 300 тыс. человек.

Были моменты, особенно в июле, в августе, когда Ц. К. приходилось выполнять огромную организационную работу в самых тяжелых условиях почти нелегального существования. Тогда в Петрограде выходила лишь одна газета, да и то не всегда. Доставка ее на места было сопряжено с огромными трудно-

7

стами: приходилось вкладывать в буржуазные газеты, чтобы она дошла до места своего назначения, пересылать с оказией и т. д. В то же время создавались новые организации, росла работа в старых. Отовсюду сыпались требования о присылке работников. Ц. К. приходилось посылать своих членов, отдавать много сил работе на местах. Создавалась гора работы, которая всецело валилась на секретариат, препятствуя другой творческой организационной работе. Наряду с технической работой выдвинулся вопрос о создании новых областей. Так, была создана Поволжская область, закреплены Донская и Черноморская. К этому прибавилась и работа над объединениями организаций, так как наряду с обычными рабочими организациями существовали военные: Ц. В. О. при Ц. К. С последней пришлось много возиться, так как в ее рядах намечались тенденции, с которыми никак нельзя было согласиться. Ц. К. удалось победить сепаратистские стремления этой организации и слить ее с общепартийной. Наравне с этим встал вопрос об объединении центральных предприятий в руках Ц. К. До июля, например, Центральный Орган партии «Правда» и книгоиздательство «Прибой» были совершенно отделены от Ц. К. и существовали, как самостоятельные предприятия. Ц. К. было выделено организационное бюро из 5 человек, которым в короткое время было проведено и закончено объединение. Теперь я перейду к отчетам предприятий. Прямое всеобщее отчет Ц. О. «Правда». Ее тираж за июль—август—март—возрос с 60 тыс. до 218—220 тыс. В октябрьские дни тираж «Правды» достигал 220 тыс.; в последние же дни упал до 85 тыс. Это объясняется тем, что провинция «Правды» почти не получает, так как транспорт настолько затруднен, что высылка газеты является почти невозможной. Сейчас, если посылаем что-нибудь, то только с оказией, а в таких случаях предпочтительнее отправлять брошюры, а не газеты. «Правда» в эти дни фактически материально живет только Питером.

Капитал «Правды» при основании ее был ничтожен. Для открытия ее пришлось достать в союзе трактирщиков 20 тыс. рублей. С этим капиталом начала она свое существование. Теперь же ее касса—943 тыс. рублей, включая в эту сумму долги. Из последних до 450 тыс. долга числится за партийными организациями и их можно считать потерянными; долги с частных лиц мы еще можем получить, ждать же возврата их партийными организациями дело безнадежное. Наличностью сейчас

имеется: в кассе «Правды» до 500 тыс., в Ц. К. до 100 тыс. и в «Прибое» до 30 тыс., не считая долгов. Общая касса Ц. К. равняется 650 тыс. рублей. Эти деньги получены исключительно или с предприятий, или с членских взносов. Советская власть партии до сих пор ничего не давала. Правда, Советом Народных Комиссаров была утверждена ассигновка в 250 тыс., но за неимением денег она по сию пору не получена. С другой стороны, нужно указать, что членские взносы поступали крайне неаккуратно, и, таким образом, большая часть сумм, имеющихся у Ц. К., получена с предприятий. Цифры показывают, что главную долю дала «Правда».

Перехожу к практическим выводам, которые можно сделать относительно дальнейшей организационной работы партии. До настоящего времени у нас существовало деление на рабочие и военные организации. Теперь сама жизнь диктует уничтожение этого деления, уничтожение специально военных организаций. Поскольку у нас не существуют войска—постольку отжили свой век эти организации. Но зато выдвигается новая задача—это создание крестьянских организаций. До октябрьских дней среди крестьян наблюдался необыкновенный рост членов партии. Наши организации работой среди крестьянства совершенно не занимались. После октября стала выходить крестьянская газета, но специальных организаций, которые бы вели работу в среде крестьян, у нас до сих пор нет. Съезду предстоит разрешить вопрос о слиянии военных организаций с общепартийными и о создании новых крестьянских. Эти вопросы сейчас нужно отложить и обсудить их в числе организационных вопросов. Мы должны будем на этом Съезде разрешить вопрос об уничтожении организаций военных и о выделении из общепартийных—крестьянской секции.

Более подробный отчет о деятельности Ц. К. в общем докладе дать трудно. Другая сторона деятельности Ц. К. будет предложена на обсуждение Съезда в политической части доклада. Товарищам, желающим более подробно ознакомиться с финансовым и другим отчетом Ц. К., предлагается обратиться в Ц. К. и на их рассмотрение будут представлены все необходимые книги и документы.

Тов. Шелавин. Предлагаю Съезду принять доклад тов. Свердлова к сведению и перейти к заслушиванию второго, политического доклада Ц. К.

Тов. Зиновьев. Я предлагаю Съезду ограничиться проделанной в сегодняшний вечер работой и слушание политического доклада отложить до следующего заседания, ввиду того, что Съезд успеет пополниться членами, находящимися уже в пути, прибытие которых ожидается с минуты на минуту. Через полчаса должно состояться важное заседание для заслушивания отчета мирной делегации, и часть членов Съезда должна будет присутствовать на нем. Доклад же о политической стороне деятельности Ц. К. настолько важен, что желательно присутствие возможно большего числа членов Съезда.

Тов. Шелавин. Внесено предложение о закрытии сегодняшнего заседания и перенесении политического доклада на следующее заседание. Против никто не высказывается? Объявляю заседание закрытым.

Следующее заседание назначается на 7 марта в 10 ч. утра. Заседание закрывается в 9 час. 25 мин. вечера.

Заседание второе.

(7 марта, утреннее.)

Заседание открывается в 12 час. дня.

Начало речи не застенографировано.

Тов. Ленин... ведет к диким бессмысленным попыткам империалистов наступать, запутаться еще больше в войне, которая будет тлеть годами. Вот на этой почве необходимо было во что бы то ни стало перейти поскорее к активной политике мира, необходимо было взять в руки Советов власть, смести до конца помещичье землевладение. Вы знаете, его поддерживал не только Керенский, но и Авксентьев, доходя даже до ареста членов земельных комитетов. И вот эта политика, этот лозунг «власть Советам», насаждаемые нами в сознание широчайших народных масс, дали нам возможность в октябре победить так легко в Петербурге, превратили последние месяцы русской революции в одно сплошное триумфальное шествие.

Гражданская война стала фактом. То, что нами предсказывалось в начале революции и даже в начале войны—и к чему тогда в значительной части социалистических кругов относились с недоверием или даже с насмешкой, именно — превращение империалистической войны в войну гражданскую, 25 октября 1917 года стало фактом для одной из самых больших и самых отсталых стран, участвовавших в войне. В этой гражданской войне подавляющее большинство населения оказалось на нашей стороне, и вследствие этого победа давалась нам необычайно легко.

Войска, уходящие с фронта, приносили оттуда всюду, куда только они являлись, максимум революционной решимости покончить с соглашательством, и соглашательские элементы, белая гвардия, сынки помещиков, оказались лишенными всякой опоры в

населении. Война с ними постепенно, с переходом на сторону большевиков широких масс и войсковых частей, двигавшихся против нас, превратилась в победное триумфальное шествие революции. Это мы видели в Питере, на Гатчинском фронте, где казаки, которых Керенский и Краснов пытались вести против красной столицы, заколсбались, это мы видели потом в Москве, в Оренбурге, на Украине. По всей России вздымалась волна гражданской войны, и везде мы побеждали с необыкновенной легкостью именно потому, что плод созрел, потому, что массы уже проделали весь опыт соглашательства с буржуазией. Лозунги «вся власть Советам», практически проверенные массами долгим историческим опытом, стали их плотью и кровью.

Вот почему сплошным триумфальным шествием были первые месяцы русской революции после 25-го октября 1917 года. За этим сплошным триумфальным шествием забывались, отодвигались на второй план те трудности, на которые социалистическая революция наткнулась сразу и не могла не наткнуться. Одно из основных различий между буржуазной и социалистической революцией состоит в том, что для буржуазной революции, вырастающей из феодализма, в недрах старого строя постепенно создаются новые экономические организации, которые изменяют постепенно все стороны феодального общества. Перед буржуазной революцией была только одна задача — смести, отбросить, разрушить все путы прежнего общества. Выполняя эту задачу, всякая буржуазная революция выполняет все, что от нее требуется: она усиливает рост капитализма.)

В совершенно ином положении революция социалистическая. Чем более отсталой является страна, которой пришлось, в силу зигзагов истории, начать социалистическую революцию, тем труднее для нее переход от старых капиталистических отношений к социалистическим. Здесь к задачам разрушения прибавляются новые, неслыханной трудности, задачи — организационные. Если бы народное творчество русской революции, прошедшее через великий опыт 1905 года, не создало Советов еще в феврале 17-го года, то ни в каком случае они не могли бы взять власть в октябре, так как успех зависел только от наличия уже готовых организационных форм движения, охватившего миллионы. Этой готовой формой явились Советы, и потому в политической области нас ждали те блестящие успехи, то сплошное триумфальное шествие, которое мы пережили, ибо новая форма политической власти была

наготове, и нам оставалось только несколькими декретами превратить власть Советов из того эмбрионального состояния, в котором она находилась в первые месяцы революции, в форму законно-признанную, утвердившуюся в Российском государстве— в Российскую Советскую Республику. Она родилась сразу, родилась так легко потому, что в феврале 1917 года массы создали Советы, раньше даже чем какая бы то ни было партия успела провозгласить этот лозунг. Само народное творчество, прошедшее через горький опыт 1905 года, умудренное им,— вот кто создал эту форму пролетарской власти. Задача победы над внутренним врагом была в высшей степени легкой задачей. Задача создания политической власти была в высшей степени легка, ибо массы дали нам скелет, основу этой власти. Республика Советов родилась сразу. Но оставались еще две гигантской трудности задачи, решение которых никоим образом не могло быть тем триумфальным шествием, каким шла в первые месяцы наша революция,— у нас не было и не могло быть сомнения, что в дальнейшем социалистическая революция станет перед гигантской трудности задачей.)

2 (Во-первых, это были задачи внутренней организации, стоящие перед всякой социалистической революцией. Отличие социалистической революции от буржуазной состоит именно в том, что во втором случае есть готовые формы капиталистических отношений, а Советская власть— пролетарская— этих готовых отношений не получает, если не брать самых развитых форм капитализма, которые в сущности охватили небольшие верхушки промышленности и совсем мало еще затронули земледелие. Организация учета, контроль над крупнейшими предприятиями, превращение всего государственного экономического механизма в единую крупную машину, в хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководились одним планом,— вот та гигантская организационная задача, которая легла на наши плечи. Но нынешним условиям труда она никоим образом не допускала решения на «ура», подобно тому, как нам удавалось решить задачи гражданской войны.) Этого решения не допускала самая суть дела. Если мы так легко побеждали наших калединцев и создали Советскую Республику при сопротивлении, не заслуживающем даже серьезного внимания; если такой ход событий предопределен был всем объективным предыдущим развитием, так что оставалось сказать только последнее слово, сменить вывеску, вместо «Совет существует, как организация профессиональная»

написать: «Совет есть единственная форма государственной власти», — то совсем не так обстояло дело в отношении задач организационных. Тут мы встретили гигантские трудности. Тут сразу было ясно всем, кто желал вдумчиво отнестись к задачам нашей революции, что только тяжелым, долгим путем самодисциплины можно побороть то разложение, которое война внесла в капиталистическое общество, только чрезвычайно тяжелым, долгим, упорным путем можем мы это разложение преодолеть и победить те увеличивающие его элементы, которые смотрели на революцию, как на способ отделаться от старых пут, сорвав с нее что можно. Появление в большом числе этих элементов было неизбежно в мелко-буржуазной стране в момент невероятной разрухи, и с ними предстоит борьба в 100 раз более трудная, никакой эффектной позиции не обещающая, — борьба, которую мы только-только начали. Мы стоим на первой ступени этой борьбы. Тут нам предстоит тяжелые испытания. Здесь мы по объективному положению дела ни в коем случае не сможем ограничиться триумфальным шествием с развернутыми знаменами, каким шли против каледонцев. Всякий, кто попытался бы перенести этот метод борьбы на организационные задачи, стоящие на пути революции, оказался бы целиком банкротом как политик, как социалист, как деятель социалистической революции.

И то же самое ожидало некоторых из наших, увлекшихся первоначальным триумфальным шествием революции молодых товарищей, когда перед последней конкретно встал ^{А. С. Редкофорт} вторая из гигантских трудностей, легших на ее плечи, — международный вопрос. Если мы так легко справились с бандами Керенского, если так легко создали власть у себя, если мы без малейшего труда получили декрет о социализации земли, рабочем контроле, если мы получили так легко все это, то только потому, что счастливо сложившиеся условия на короткий момент прикрыли нас от международного империализма. Международный империализм со всей мощью его капитала, с его высокоорганизованной военной техникой, представляющей настоящую силу, настоящую крепость международного капитала, ни в коем случае, ни при каких условиях не мог ужиться рядом с Советской Республикой и по своему объективному положению, и по экономическим интересам того капиталистического класса, который был в нем воплощен, — не мог в силу торговых связей, международных финансовых отношений. Тут конфликт является неизбежным. Здесь величайшая трудность

русской революции, ее величайшая историческая проблема: необходимость решить задачи международные, необходимость вызвать международную революцию, пределать этот переход от нашей революции, как узко национальной, в мировую. Эта задача стояла перед нами во всей своей невероятной трудности. Повторяю, что очень многие из наших молодых друзей, считающих себя левыми, стали забывать самое важное, а именно: почему в течение недель и месяцев величайшего триумфа после октября мы получили возможность столь легкого перехода от триумфа к триумфу. А, между тем, это было так только потому, что специально сложившаяся международная конъюнктура временно прикрыла нас от империализма. Ему было не до нас. Нам показалось, что и нам не до империализма. А отдельным империалистам было не до нас только потому, что вся величайшая социально политическая и военная сила современного мирового империализма оказалась к этому времени разделенной междоусобной войной на две группы. Империалистские хищники, втянутые в эту борьбу, дошли до невероятных пределов, до мертвой хватки, до того, что ни одна из этих групп сколько-нибудь серьезной силы сосредоточить против русской революции не могла. Мы попали как раз в такой момент в октябре: наша революция попала как раз—это парадоксально, но это справедливо—в счастливый момент, когда неслыханные бедствия обрушились на громадное большинство империалистических стран в виде уничтожения миллионов людей, когда война измучила народы неслыханными бедствиями, когда на 4-м году войны воюющие страны подошли к тупику, к распутию, когда встал объективно вопрос, смогут ли дальше воевать, доведенные до подобного состояния, народы. Только благодаря тому, что наша революция попала в этот счастливый момент, когда ни одна из двух гигантских групп хищников не могла немедленно наброситься одна на другую, ни соединиться против нас,—только этим моментом международных политических и экономических отношений могла воспользоваться и воспользовалась наша революция, чтобы пределать это свое блестящее триумфальное шествие в Европейской России, перекинуться в Финляндию, начать завоевывать Кавказ, Румынию. Только этим объясняется то, что у нас явились в передовых кругах нашей партии партийные работники интеллигентсверхчеловеки, которые дали себя увлечь этим триумфальным шествием, которые сказали: «С международным империализмом мы справимся; там тоже будет триумфальное шествие, там настоя-

щей трудности нет». Вот в этом — расхождение между объективным положением русской революции, которая только временно воспользовалась заминкой международного империализма, так как временно застопорила машина, которая должна была двигаться против нас, как железнодорожный поезд движется против тачки и дробит ее,—а машина застопорила потому, что столкнулись две группы хищников. Там и тут росло революционное движение, но во всех без исключения империалистских странах оно находилось в большинстве случаев еще в начальной стадии. Его темп развития был совсем не тот, что у нас. Для каждого, кто задумывался в экономические предпосылки социалистической революции в Европе, не могло не быть ясно, что в Европе неизмеримо труднее начать, а у нас неизмеримо легче начать, но будет труднее продолжать, чем там, революцию. Это объективное положение создало то, что нам предстояло пережить необычайно трудный, крутой излом в истории. От сплошного триумфального шествия в октябре, ноябре, декабре на нашем внутреннем фронте, против нашей контр-революции, против врагов Советской власти, нам предстояло перейти к стычке с настоящим международным империализмом, в его настоящем враждебном отношении к нам. От периода триумфального шествия предстояло перейти к периоду необычайно трудного и тяжелого положения, от которого отделаться словами, блестящими лозунгами — как это ни приятно было бы — конечно, нельзя, ибо мы имели в нашей расстроенной стране неизмеримо уставшие массы, которые дошли до такого положения, когда воевать дальше никаким образом невозможно, которые разбиты мучительной трехлетней войной настолько, что приведены в состояние полной военной негодности. Еще до Октябрьской революции мы видели представителей солдатских масс, не принадлежащих к партии большевиков, которые перед всей буржуазией не стеснялись говорить правду, состоящую в том, что русская армия воевать не будет. Это состояние армии создало гигантский кризис. Страна мелко-крестьянская в своем составе, дезорганизованная войной, доведенная ею до неслыханного состояния, поставлена в необычайно тяжелое положение: армии нет у нас, а приходится продолжать жить рядом с хищником, который вооружен до зубов, который еще пока оставался и остается хищником, и которого, конечно, агитацией насчет мира без аннексий и контрибуций прогнать было нельзя. Лежал смиренный домашний зверь рядом с тигром и убеждал его, чтобы мир был без аннексий

и контрибуций. Тогда как последнее могло быть достигнуто только нападением на тигра. От этой перспективы верхушки нашей партии—интеллигенция и часть рабочих организаций—попытались отделаться, прежде всего, фразами, отговорками: «Так быть не должно». Этот мир был слишком невероятной перспективой, чтобы мы, шедшие до сих пор в открытый бой с развернутыми знаменами, бравшие криком всех врагов, чтобы мы могли уступить, принять унижительные условия. Никогда. Мы слишком гордые революционеры, мы прежде всего заявляем: «Немец не сможет наступать».

Такова была первая отговорка, которой утешали себя эти люди. История поставила нас теперь в необычайно трудное положение; приходится неслыханно трудной организационной работой пройти ряд мучительных поражений. Конечно, если брать это дело во всемирно историческом масштабе, не подлежит никакому сомнению та истина, что если бы наша революция осталась одна, если бы не было революционного движения в других странах, то дело наше было бы безнадежным. Если мы взяли все дело в руки одной большевистской партии, то мы брали его на себя, будучи убеждены, что революция зреет во всех странах, и, в конце концов,—а не в начале начал,—какие бы трудности мы ни переживали, какие бы поражения нам ни были бы суждены, международная социалистическая революция придет,—ибо она идет; дозрест,—ибо она зреет, и созреет. Наше опасение от всех этих трудностей—повторяю—во всеевропейской революции. Исходя из этой истины, совершенно абстрактной истины, и руководясь ею, мы должны следить за тем, чтобы она не превратилась со временем в фразу, ибо всякая абстрактная истина, если вы ее будете применять без всякого анализа, превращается в фразу. Если вы скажете, что за каждой стачкой кроется гидра революции, кто этого не понимает, тот не социалист,—то это верно. Да, за каждой стачкой кроется социалистическая революция. Но если вы скажете, что каждая данная стачка—непосредственный шаг к социалистической революции, то вы скажете пустейшую фразу. Это «кажущийся божий раз на этом месте» мы слышали и набрали оскоминку так, что рабочие все эти анархистские фразы отбросили потому, что, как несомненно, за каждой стачкой кроется гидра социалистической революции, так же ясно, что пустяком является утверждение, будто от каждой стачки можно перейти к революции. Как совершенно бесспорно, что все трудности нашей

революции будут превзойдены лишь тогда, когда созреет мировая социалистическая революция, которая теперь везде зреет,— настолько совершенно абсурдно утверждение, что каждую данную конкретную сегодняшнюю трудность нашей революции мы должны припрятать, говоря: «Я ставлю карту на международное социалистическое движение,—я могу делать какие-угодно глупости». «Либкнехт выручит потому, что он все равно победит». Он даст такую великолепную организацию, наметит все заранее так, что мы будем брать готовые формы, как мы брали готовое марксистское учение в Западной Европе,—и благодаря чему оно победило у нас, может быть, в несколько месяцев, тогда как на его победу в Западной Европе требовались десятки лет. Итак, совершенно никчемная авантюра—перенесение старого метода решения вопросов борьбы триумфальным шествием на новый исторический период, который наступил, который перед нами поставил не гнилушек Керенского и Корнилова, а поставил международного хищника—империализм Германии, где революция только зрела, но заведомо не созрела. Такой авантурой было утверждение, что враг против революции не решится наступать. Брестские переговоры не представляли еще из себя момента, когда мы должны были принять какие-угодно условия мира. Объективное соотношение сил соответствовало тому, что получения передышки будет мало. Брестские переговоры должны были показать, что немец наступит, что немецкое общество не настолько беременно революцией, что она может разразиться сейчас, и нельзя поставить в вину немецким империалистам, что они своим поведением не подготовили еще этого взрыва или, как говорят наши молодые друзья, считающие себя левыми, такого положения, когда немец не может наступать. Когда им говорят, что у нас армии нет, что мы были вынуждены демобилизоваться,—мы вынуждены были, хотя несколько не забыли о том, что около нашего смиренного домашнего зверя лежит тигр,—они не хотят понять. Если мы вынуждены были демобилизовать армию, то мы отнюдь не забыли, что путем одностороннего приказа втыкать штык в землю войну кончить нельзя.

Как вообще вышло так, что ни одно течение, ни одно направление, ни одна организация нашей партии не были против этой демобилизации? Что же мы—совершенно с ума сошли? Нисколько. Офицеры, не большевики, говорили еще до октября, что армия не может воевать, что ее на несколько недель на фронте не удержать. Это после октября стало очевидным для всякого.

кто хотел видеть факт, неприглядную горькую действительность, а не прятаться или надвигать себе на глаза шалку и отделяться гордыми фразами. Армии нет, удержать ее невозможно. Лучшее, что можно сделать,—это как можно скорее демобилизовать ее. Это—большая часть организма, которая испытывала неслыханные мучения, истерзанная лишениями войны, в которую она вошла технически неподготовленной и вышла в таком состоянии, что при всяком наступлении предается панике. Нельзя винить за это людей, вынесших такие неслыханные страдания. Мы в сотнях резолюций, с полной откровенностью, даже в течение первого периода русской революции, говорили: «Мы захлебнулись в крови, мы воевать не можем». Можно было искусственно оттягивать окончание войны, можно было проделать мошенничество Керенского, можно было отсрочить конец на несколько недель, но объективная действительность прокладывала себе дорогу. Это—большая часть русского государственного организма, которая не может выносить долее тяготы этой войны. Чем скорее мы ее демобилизуем, чем скорее она рассосется среди частей, еще не настолько больных, тем скорей страна сможет быть готовой для новых тяжелых испытаний. Вот что мы чувствовали, когда единогласно, без малейшего протеста принимали это решение, с точки зрения внешних событий нелепое,—демобилизовать армию. Это был шаг правильный. Мы говорили, что удержать армию—это легкомысленная иллюзия. Чем скорее демобилизовать армию, тем скорее начнется оздоровление всего общественного организма в целом. Вот почему такой глубокой ошибкой, такой горькой переоценкой событий была революционная фраза: «Немец не может наступать», из которой вытекала другая: «Мы можем объявить состояние войны прекращенным. Ни войны, ни подписания мира». Но если немец наступит? «Нет, он не сможет наступать». А вы имеете право ставить на карту не судьбу международной революции, а конкретный вопрос о том, не окажетесь ли вы пособниками немецкого империализма, когда этот момент наступит? Но мы, ставшие все с октября 17 года оборонцами, признающими защиту отечества,—мы все знаем, что порвали с империалистами не на словах, а на деле: разрушили тайные договоры, победили буржуазию у себя и предложили открытый честный мир, так что все народы могли увидеть на деле все наши намерения. Каким образом люди, серьезно стоящие на точке зрения обороны Советской Республики, могли идти на эту авантюру, которая принесла

свои плоды? А это факт,—потому, что тот тяжелый кризис, который переживает наша партия в связи с образованием в ней левой оппозиции, является одним из величайших кризисов, переживаемых русской революцией.

Этот кризис будет изжит. Пиком образом ни наша партия, ни наша революция на нем себе шеи не сломают, хотя в данный момент это было совсем близко, совсем возможно. Гарантией того, что мы себе на этом вопросе шеи не сломаем, является то, что вместо старого способа решения фракционных разногласий, старого способа, который состоял в необыкновенном количестве литературы, дискуссий, в достаточном количестве расколов,—вместо этого старого способа события принесли людям новый способ учиться. Этот способ—проверка всего фактами, событиями, уроками всемирной истории. Вы говорите, что немец не может наступать. Из вашей тактики вытекало, что можно объявить состояние войны прекращенным. Вас история проучила, она эту иллюзию опровергла. Да, немецкая революция растет, но не так, как нам хотелось бы, не с такой быстротой, как российским интеллигентам приятно, не таким темпом, который наша история выработала в октябре,—когда мы в любой город приходим, провозглашаем Советскую власть, и $\frac{9}{10}$ рабочих приходят к нам через несколько дней. Немецкая революция имеет несчастье идти не так быстро. А кто с кем должен считаться: мы с ней или она с нами? Вы пожелали, чтобы она с вами считалась, а история вас проучила. Это урок. Потому, что насколько абсолютна истина, что без немецкой революции мы погибли, может быть, не в Питере, не в Москве, а во Владивостоке, в еще более далеких местах, в которые нам, быть может, предстоит переброситься, и до которых расстояние, может быть, еще больше, чем расстояние от Петрограда до Москвы, но во всяком случае при всевозможных мыслимых перипетиях, если немецкая революция не наступит, — мы погибнем. Тем не менее, это ни на каплю не колеблет нашей уверенности в том, что мы самое трудное положение должны уметь вынести без фанфаронства.

Революция придет не так скоро, как мы ожидали. Это история доказала, это надо уметь взять, как факт, надо уметь считаться с тем, что мировая социалистическая революция в передовых странах не может так легко начаться, как началась революция в России, когда громадной части населения было совершенно все равно, какие там пароды на окраинах живут, что там проис-

ходит. В такой стране начать революцию было легко, это значило—перышко поднять.

А начать без подготовки революцию в стране, где развился капитализм, дал демократическую культуру и организованность последнему человеку,—неправильно, нелепо. Тут мы еще только подходим к мучительному периоду начала социалистических революций. Это факт. Мы не знаем, никто не знает, может быть—это вполне возможно—она победит через несколько недель, даже через несколько дней, но этого нельзя ставить на карту. Нужно быть готовым к необычайным трудностям, к необычайно тяжелым поражениям, которые неизбежны, потому что в Европе революция еще не началась, хотя может начаться завтра, и когда начнется, конечно, не будут нас мучить наши сомнения, не будет вопросов о революционной войне, а будет одно сплошное триумфальное шествие. Это будет, это неминуемо будет, но этого еще нет. Вот простой факт, которому нас история научила, которым она нас очень сильно побила,—а за битого двух небитых дают. Поэтому я считаю, что после того, как история нас на этой надежде,—что немец не сможет наступать, и можно валить «на ура»,—очень сильно побила, этот урок войдет, благодаря нашим советским организациям, в сознание масс всей Советской России очень быстро. Они все шевелится, собираются, готовятся к съезду, выносят резолюции, обдумывают то, что произошло. У нас происходят не старые дореволюционные споры, которые оставались внутри узко-партийных кругов, а все решения выносятся на обсуждение масс, требующих проверки их опытом, делом, никогда не дающих себя увлечь легкими речами, никогда не дающих сбить себя с пути, предписываемого объективным ходом событий. Конечно, от трудностей, стоящих перед нами, можно отговориться, если вы имеете перед собою интеллигента или левого большевика: он, конечно, может отговориться от вопросов о том, что армии нет, от того, что революция в Германии не наступает. Массы миллионные,—а политика начинается там, где миллионы; не там где тысячи, а там где миллионы, там только начинается серьезная политика,—миллионы знают, что такое армия, видели солдат, возвращающихся с фронта. Они знают, если брать не отдельных лиц, а настоящую массу, что воевать мы не можем, что всякий человек на фронте все, что мыслимо было, вынес. Масса поняла истину, что если армии нет, а рядом с вами лежит хищник, то вам придется подписать нантиягчайший, унижительный мирный

договор. Это неизбежно, пока не родится революция, пока вы не оздоровите своей армии, пока не вернете ее по домам. До тех пор больной не выздоровеет. А немецкого хищника мы «на ура» не возьмем, не скидем, как скинули Керенского, Корнилова. Вот урок, который массы вынесли без оговорок, которые пытались преподнести им некоторые, желающие отделаться от горькой действительности.

Сначала сиюшнее триумфальное шествие в октябре, ноябре, — потом вдруг русская революция разбита в несколько недель немецким хищником, русская революция готова припять условия грабительского договора. Да, повороты истории очень тяжелы, — у нас все такие повороты тяжелы. Когда в 1907 году мы подписали неслыханно позорный внутренний договор со Столыпиным, когда мы вынуждены были пройти через хлев столыпинской Думы, принимали на себя обязательства, подписывая монархические бумаги, мы переживали то же самое в маленьком масштабе, по сравнению с теперешним. Тогда люди, принадлежащие к лучшему авангарду революции, говорили (у них тоже не было тени сомнения в своей правоте): «Мы — гордые революционеры, мы верим в русскую революцию, мы в легальные столыпинские учреждения никогда не пойдем». Пойдете. Жизнь масс, история — сильнее, чем ваши уверения. Не пойдете, так вас история заставит. Это были очень левые, от которых при первом повороте истории ничего, как от фракции, кроме дыму не осталось. Если мы сумели остаться революционерами, работать при мучительных условиях и выйти из этого положения снова, сумеем выйти и теперь, потому что это не наш каприз, потому что это объективная неизбежность, которая в стране, разоренной до последней степени, создавалась потому, что европейская революция, вопреки нашему желанию, посмела залоздать, а немецкий империализм, вопреки нашему желанию, посмел наступать.

Тут надо уметь отступать. Невероятно горькой, печальной действительности фразой от себя не закрыть; надо сказать: дай бог отступить в полном порядке. Мы в порядке отступить не можем, — дай бог отступить в полу-порядке, выиграть малейший промежуток времени, чтобы большая часть нашего организма хоть сколько-нибудь рассосалась. Организм в целом здоров: он креодолеет болезнь. Но нельзя требовать, чтобы он преодолел ее сразу, моментально, нельзя остановить бегущую армию. Когда я одному из наших молодых друзей, который желал быть левым, говорил:

товарищ, отправьтесь на фронт, посмотрите, что там делается в армии,—это было принято за обидное предложение —«нас хотят сослать в ссылку, чтобы мы здесь не агитировали за великие принципы революционной войны». Предлагая это, я, право, не считывал на отправку фракционных врагов в ссылку: это было предложение посмотреть на то, что армия начала неслыханно бежать. И раньше мы это знали, и раньше нельзя было закрывать глаза на то, что там разложение дошло до неслыханных фактов, до продажи наших орудий немцам за гроши. Это мы знали, как знаем и то, что армию нельзя удержать, и отговорка, что немец не наступит, была величайшей авантюрой. Если европейская революция опоздала родиться, нас ждут самые тяжелые поражения, потому что у нас нет армии, потому что у нас нет организации, потому что этих двух задач решить сейчас нельзя. Если ты не сумеешь приспособиться, не расположен идти ползком на брюхе, в грязи, тогда ты не революционер, а болтун, и не потому я предлагаю так идти, что это мне нравится, а потому, что другой дороги нет, потому, что история сложилась не так приятно, что революция всюду созревает одновременно.

Дело происходит так, что гражданская война началась, как попытка столкновения с империализмом, доказавшая, что империализм гнил совершенно, и что поднимаются пролетарские элементы внутри каждой армии. Да, мы увидим международную мировую революцию, но пока это очень хорошая сказка, очень красивая сказка,—я вполне понимаю, что детям свойственно любить красивые сказки. Но я спрашиваю: серьезному революционеру свойственно ли верить сказкам? Во всякой сказке есть элементы действительности: если бы вы детям преподнесли сказку, где петух и кошка не разговаривают на человеческом языке, они не стали бы ею интересоваться. Так точно, если народу говорить, что гражданская война в Германии придет, и вместе с тем ручаться, что вместо столкновения с империализмом будет полевая международная революция, то народ скажет, что вы обманываете. Этим вы только в своем понимании, в своих желаниях проходите через те трудности, которую история преподнесла. Хорошо, если немецкий пролетариат будет в состоянии выступить. А вы это измерили, вы нашли такой инструмент, чтобы определить, что немецкая революция родится в такой-то день? Нет, вы этого не знаете, мы тоже не знаем. Вы все ставите на карту. Если революция родилась,—так все спасено. Конечно! Но, если она не выступит так, как мы желаем, возъ-

15

мет да не победит завтра,—тогда что? Тогда масса скажет вам: вы поступили как эгоисты,—вы ставили карту на этот счастливый ход событий, который не наступил, вы оказались непригодными оставаться в том положении, которое оказалось вместо международной революции, которая придет неизбежно, но которая сейчас еще не созрела.

Наступил период тяжчайших поражений, нанесенных вооруженным до зубов империализмом стране, которая демобилизовала свою армию, должна была демобилизоваться. То, что я предсказывал, наступило целиком: вместо Брестского мира мы получили мир гораздо унижительней, по вине тех, кто не брал его. Мы знали, что по вине армии заключаем мир с империализмом. Мы сидели за столом рядом с Гофманом, а не с Либкнехтом,—и этим мы помогли немецкой революции. А теперь вы помогаете немецкому империализму, потому, что отдали свои миллионные богатства,—пушки, снаряды,—а это должен был предсказать всякий, кто видел состояние армии, до боли невероятное. Мы погибли бы, при малейшем наступлении немцев, неизбежно и неминуемо, это говорил всякий добросовестный человек с фронта. Мы оказались добычей неприятеля в несколько дней.

Получивши этот урок, мы наш раскол, кризис наш изживем, как ни тяжела эта болезнь, потому что нам на помощь придет неизмеримо более верный союзник: всемирная революция. Когда нам говорят о ратификации этого Тильзитского мира, послыханного мира, более унижительного, грабительского, чем Брестский, я отвечаю: Безусловно да. Мы должны это сделать, ибо мы смотрим с точки зрения масс. Попытка перенесения тактики октября-ноября внутри одной страны, этого триумфального периода революции, перенесения с помощью нашей фантазии на ход событий мировой революции—эта попытка обречена на неудачу. Когда говорят, что передышка—это фантазия, когда газета, называемая «Коммунист»,—должно быть, от Коммуны,—когда эта газета наполняет столбец за столбцом, пытаясь опровергать теорию передышки, тогда я говорю: мне много пришлось пережить фракционных столкновений, расколов, так что я имею большую практику, но должен сказать, что вижу ясно, что старым способом—фракционных партийных расколов—эта болезнь не будет излечена, потому что ее излечит жизнь раньше. Жизнь шагает очень быстро. На этот счет она действует великолепно. История гонит так быстро ее локомотив, что раньше, чем успеет редакция

«Коммуниста» издать очередной номер, большинство рабочих в Питере начнет разочаровываться в его идеях, потому что жизнь показывает, что передышка—это факт. Вот сейчас мы подписываем мир, имеем передышку, мы пользуемся ею для защиты отечества лучше,—потому что если бы мы имели войну, мы имели бы ту панически бегущую армию, которую необходимо было бы остановить и которую наши товарищи остановить не могут и не могли, потому что война сильнее, чем проповеди, чем 10 тысяч рассуждений. Если они не поняли объективного положения, они остановить армию не могут, они ее не остановили бы. Эта большая армия заражала весь организм, и мы получили новое неслыханное поражение, новый удар немецкого империализма по революции,—тяжелый удар потому, что легкомысленно оставили себя без пулеметов под ударами империализма. Между тем этой передышкой мы воспользуемся, чтобы убедить народ объединяться, сражаться, чтобы говорить русским рабочим, крестьянам: «Создавайте дисциплину, дисциплину строгую, иначе вы будете лежать под пятой немецкого сапога, как лежите сейчас, как неизбежно будете лежать, пока народ не научится бороться, создавать армию, способную не бежать, а идти на неслыханные мучения». Это неизбежно потому, что немецкая революция еще не родилась и нельзя ручаться, что она придет завтра.

Вот почему теория передышки, которая совсем отвергается потоками статей «Коммуниста», выдвигается самой жизнью. Всякий видит, что передышка налицо, что всякий пользуется ею. Мы предполагали, что Петроград будет потерян нами в несколько дней, когда подходящие к нам немецкие войска находились на расстоянии нескольких переходов от него, а лучшие матросы и путиловцы, при всем своем великом энтузиазме, оказывались одни, когда получился неслыханный хаос, паника, заставившая войска добежать до Гатчины, когда мы переживали то, что брали назад не сданное, при чем это состояло в том, что телеграфист приезжал на станцию, садился за аппарат и телеграфировал: «никакого немца нет. Станция занята нами». Через несколько часов телефонный звонок сообщал мне из комиссариата путей сообщения: «Занята следующая станция, мы приближаемся к Ямбургу. Никакого немца нет. Телеграфист занимает свое место». Вот что мы переживали. Вот та реальная история 11-дневной войны. Ее описали нам матросы, путиловцы, которых надо взять на съезд Советов. Пусть они расскажут правду. Это страшно горькая, обид-

ная, мучительная правда, но она в сто раз полезнее, она понимается русским народом.

Я предоставляю увлекаться международной полевой революцией потому, что она наступит. Все придет в свое время, а теперь беритесь за дисциплину, подчиняйтесь во что бы то ни стало, чтобы был образцовый порядок, чтобы рабочие, хоть один час в течение суток, учились сражаться. Это немного потруднее, чем нарисовать прекрасную сказку. Это есть сейчас, этим вы помогаете немецкой революции, международной революции. Сколько нам дали дней передышки,—мы не знаем, но она дала. Надо скорее демобилизовать армию, потому что это больной орган, а пока мы будем помогать финляндской революции.

Да, конечно, мы нарушаем договор, мы его уже 30—40 раз нарушили. Только дети могут не понять, что в такую эпоху, когда наступает мучительный, долгий период освобождения, которое только что подняло, создало Советскую власть на три ступени своего развития, только дети могут не понимать того, что здесь должна быть длительная, осмотргительная борьба. Позорный мирный договор поднимает восстание, но когда товарищ из «Коммуниста» рассуждает о войне, он апеллирует к чувству, позабыв то, что у людей сжимались руки в кулаки и кровавые мальчики были перед глазами. Что они говорят? «Никогда сознательный революционер не переживет этого, не пойдет на этот позор». Их газета носит кличку «Коммунист», но ей следует носить кличку «Шляхтич», ибо она смотрит с точки зрения шляхтича, который сказал, умирая в красивой позе со шпагой: «мир—это позор, война—это честь». Они рассуждают с точки зрения шляхтича, а я—с точки зрения крестьянина.

Если я беру мир, когда армия бежит, не может не бежать, не теряя тысячи людей, так я возьму его, чтобы не было хуже. Разве позорен договор? Да меня оправдает всякий серьезный крестьянин и рабочий потому, что они понимают, что мир есть средство для накопления сил. История знает,—на это я ссылаюсь не раз,—история знает освобождение немцев от Наполеона после Тильзитского мира; я нарочно назвал мир Тильзитским, хотя мы не подписали того, что там было: обязательства давать нашим войскам на помощь завоевателю для завоевания других народов, а до этого история доходила, и до этого дело дойдет и у нас, если мы будем надеяться на международную полевую революцию. Смотрите, чтобы история не довела вас и до этой формы военного

рабства. И пока социалистическая революция не победила во всех странах, Советская Республика может впасть в рабство. Наполеон в Тильзите принудил немцев к неслыханно позорным условиям мира. Там дело шло так, что несколько раз заключался мир. Тогдашний Гофман—Наполеон ловил немцев на нарушении мира, и нас поймает Гофман на том же. Только мы постараемся, чтобы он поймал не скоро.

Последняя война дала горькую, мучительную, но серьезную науку русскому народу—организовываться, дисциплинироваться, подчиняться, создавать такую дисциплину, чтобы она была образцом. Учитесь у немца его дисциплине, иначе мы —погибший народ и вечно будем лежать в рабстве.

Так, и только так шла история. История подсказывает, что мир есть передышка для войны, война есть способ получить хоть сколько-нибудь лучший или худший мир. В Бресте соотношение сил соответствовало миру побежденного, но не унижительному. Псковское соотношение сил соответствовало миру позорному, более унижительному, а в Питере и Москве, на следующем этапе, нам предпишут мир в четыре раза унижительнее. Мы не скажем, что Советская власть есть только форма, как сказали нам молодые московские друзья, мы не скажем, что ради тех или иных революционных принципов можно пожертвовать содержанием, а мы скажем: «Пусть русский народ поймет, что он должен дисциплинироваться, организовываться, тогда он сумеет вынести все тильзитские миры. Вся история освободительных войн показывает нам, что если эти войны захватывали широкие массы, то освобождение наступало быстро. Мы говорим: если история идет таким образом, нам предстоит сменить мир, возвратиться к войне,—и это может быть предстоит на-днях. Каждый человек должен быть готовым. Нет тебе сомнений для меня, что немцы подготавливаются за Нарвой, если правда, что она не была взята, как говорят во всех газетах; не в Нарве, а под Нарвой; не в Пскове, а под Псковом, немцы собирают свою регулярную армию, свои железные дороги, чтобы следующим прыжком захватить Петроград. Этот зверь прыгает хорошо. Он это показал. Он прыгнет еще раз. В этом нет ни тени сомнений. Поэтому надо быть готовым, надо уметь не фанфаронить, а брать даже один день передышки, ибо даже одним днем можно воспользоваться для эвакуации Питера, взятие которого будет стоить неслыханных мучений для сотен тысяч наших пролетариев. Я еще раз скажу, что готов подписать и буду считать обязанностью

подписать в двадцать раз, в сто раз более унижительный договор, чтобы получить хоть несколько дней для эвакуации Питера, ибо я облегчаю этим мучение рабочих, которые иначе могут подпасть под иго немцев; я облегчают вывоз из Питера тех материалов, пороха и пр., которые нам нужны, потому, что я—оборонец, потому, что я стою за подготовку армии—пусть в самом отдаленном тылу, где лечат сейчас теперешнюю демобилизованную бо́льшую армию.

Мы не знаем, какова будет передышка,—будем пытаться ловить момент. Может быть, передышка будет больше, а может быть, она продлится всего несколько дней. Все может быть, этого никто не знает, не может знать потому, что все величайшие державы связаны, стеснены, принуждены бороться на несколько фронтов. Поведение Гофмана определяется, с одной стороны, тем, что надо разбить Советскую республику, а с другой стороны, тем, что у него на целом ряде фронтов—война, а с третьей стороны, тем, что в Германии революция зреет, растет,—и Гофман это знает,—он не может, как утверждают, сию минуту взять Питер, взять Москву. Но он может это сделать завтра, это вполне возможно. Я повторяю, что в такой момент, когда факт болезни армии налицо, когда мы пользуемся каждым моментом, во что бы то ни стало, хотя бы для дня передышки, мы говорим, что всякий серьезный революционер, связанный с массами, знающий, что такое война, что такое масса, должен ее дисциплинировать, должен ее излечить, пытаться ее подымать для новой войны,—всякий такой революционер нас оправдает, всякий позорный договор признает правильным, ибо последнее—в интересах пролетарской революции и обновления России, освобождения ее от больного органа. Подписывая этот мир, как понимает всякий здравомыслящий человек, мы не прекращаем нашей рабочей революции; всякий понимает, что, подписывая мир с немцами, мы не прекращаем нашей военной помощи: мы послали финнам оружие, но не отряды, которые оказываются негодными.

Может быть, мы примем войну; возможно, завтра отдадим и Москву, а потом перейдем в наступление: на неприятельскую армию двинем нашу армию, если создастся тот перелом в народном настроении, который зреет, для которого, может быть, понадобится много времени, но он наступит, когда широкие массы скажут не то, что они говорят теперь. Я вынужден брать хотя бы тягчайший мир потому, что я не могу сказать себе

теперь, что это время пришло. Когда наступит пора обновления, то все почувствуют это, увидят, что русский человек не дурак; он видит, он поймет, что надо воздержаться, что этот лозунг нужно провести,—в этом главная задача нашего партийного съезда и съезда советов.

Надо уметь работать на новом пути. Это неизмеримо тяжелее, но это вовсе не безнадежно. Это вовсе не сорвет Советскую власть, если мы глупейшей авантюрой сами не сорвем ее. Придет время, когда народ скажет: я не позволю больше себя мучить. Но это может случиться, если мы не пойдем на эту авантюру, а сумеем работать в тяжелых условиях, при неслыханно унижительном договоре, который мы подписали на днях, ибо одной войной, одним мирным договором такой исторический кризис не решается. Немецкий народ по своей монархической организации был связан в 1807 году, когда подписал свой Тильзитский мир, после нескольких унижительных миров, которые превращались в передышку для нового унижения и нового нарушения. Советская организация масс облегчит нашу задачу.

Наш лозунг должен быть один—учиться военному делу настоящим образом, ввести порядок на железных дорогах. Без железных дорог социалистическая революционная война—вреднейшее предательство. Необходимо создать порядок и нужно создать всю ту энергию, всю мощь, которые создадут лучшее, что есть у революции.

Ловите передышку, хотя бы на час, раз вам ее дали, чтобы поддерживать контакт с дальним тылом, там создавать новые армии. Перед нами вырисовывается эпоха тягчайших поражений, она налицо, с ней надо уметь считаться, нужно быть готовыми для упорной работы в условиях нелегальных, в условиях заведомого рабства у немцев; этого нечего прикрашивать: это действительно Тильзитский мир. Если мы сумеем так действовать, тогда мы, несмотря на поражения, с абсолютной уверенностью можем сказать, что мы победим. (Аплодисменты.)

Слово предоставляется тов. Бухарину.

Тов. Бухарин. Товарищи, прежде всего я должен сказать, что та характеристика, которую нам дал тов. Ленин, страдает неточностью. Нигде—ни в наших речах, ни в нашей печати,—тов. Ленин не мог указать таких мест, из которых следовало бы, что мы не поняли того переходного момента, который сейчас налицо, что мы не дооценили всех тех трудностей положения,

которые сейчас имеются. Наоборот мы всегда говорили, — это можно было бы доказать фактами, — что рано или поздно русская революция, развившаяся до определенного момента сравнительно быстрым темпом и в относительно легких условиях, в силу неопределенных законов, должна будет столкнуться с международным капиталом. Этот момент теперь наступил. Уже в самом начале революции мы говорили, что русская революция либо будет спасена международной революцией, либо погибнет под ударами международного капитала. Это было основным нашим тезисом и совершенно естественно, раз мы говорили даже о возможности гибели русской революции, никто не может нам сказать, что мы не предвидели тех трудностей, тех тяжелых перспектив, которые нам предстоят. Точно так же мне кажется совершенно неправильным утверждение т. Ленина, которым он спекулировал все время, якобы «герои фразы» уверили, что немец не будет наступать». Товарищи, я могу сослаться хотя бы на одни свои передовицы в «Правде». Будучи ее редактором, я неоднократно писал, что возможно наступление немцев, что оно вполне реально, что такие перспективы на лицо. Это — факты, которых нельзя опровергнуть. Дело совсем не в том: разногласия наши определяются не фактом возможности или невозможности немецкого наступления. Они лежат гораздо глубже. Сейчас я только отвечаю на те возражения т. Ленина, которые вселяют в вас известное предубеждение против нашей позиции, которые представляют нас в качестве «героев фразы», но именно те, кто так относится к нашей позиции, как раз не видят всей тяжести положения. И когда тов. Ленин говорит нам, что сейчас жизнь учит нас, что жизнь учит рабочий класс, подразумевая под этим примеры, вроде того, что московский пролетариат перешел от позиции революционной войны с империалистами к позиции мира, видя в этом революционный закат, — я говорю, что эта последняя оценка неверна, потому что известны и другие факты, которые также нужно учитывать. Эти факты говорят вот что: параллельно с возвратом к точке зрения необходимости подписания мира идет возврат к точке зрения необходимости Учредительного Собрания и единого фронта. Об этом позабыл т. Ленин. А между тем, этот факт есть результат переживаемого налета, чрезвычайно тяжелого, мучительного процесса распада нашего пролетариата, как производительного класса. У нас в настоящее время рабочий класс стоит перед страшной экономической разрухой, в связи с растущей безработицей; он

распадается, как класс. Это не просто физическая усталость, это распад пролетариата, как класса. Совершенно понятно, что в такой нездоровый момент должно существовать и будет существовать упадочное настроение. И действительно, мы наблюдаем такие факты, что целый ряд пролетариев, самоотверженно бросавшихся в самую жаркую борьбу, переходит к точке зрения подпизанни мира. Я утверждаю, что переход к этой точке зрения, быть может на $\frac{9}{10}$ вовсе не есть результат революционного закала, а факт проявления общей усталости, распада пролетариата, который может быть,—мы полагаем, мы уверены,—удастся преодолеть, но который невозможно замалчивать. Из одного уже этого следует, что дело обстоит совсем не так, как рисовал т. Ленин, когда говорил о нашей газете «Коммунист». Он говорил, что вся наша революционная фразеология основана на том, что мы не желаем, не хотим, не можем привыкнуть к позорным, как он выразился, тяжелым условиям мира, которые предлагают нам немские империалисты, что мы просто, поддаваясь чувству, говорим о позоре, привыкнув к прежним триумфам нашей революции. Это неверно, отвечаем мы; всякий, кто возьмет три вышедших номера «Коммуниста», не найдет там того, о чем говорит т. Ленин. Наоборот, мы считаем необходимым самый серьезный, деловой анализ момента. Ни в одной статье т. Ленин не найдет того, о чем он говорил, не найдет революционной фразы потому, что мы говорим вовсе не революционными фразами, а по существу оцениваем все международное положение. Мы утверждаем, что выгоды, истекающие из подписания мирного договора, являются иллюзией. Это иллюзиями живет т. Ленин, а не мы.

Товарищи, современное международное положение, положение вещей в Западной Европе можно охарактеризовать, как распад, как разрушение старых капиталистических отношений. Государственная капиталистическая машина, которая помогла капиталистам удерживаться в процессе мировой войны, в настоящее время начинает трещать, распадаться; при этом совершенно естественно, что распадение начинается прежде всего в экономически более отсталых странах. Такие страны первыми начинают выбывать из строя: например, почти совершенно выбывает из строя Австрия, которая не может уже воевать, в которой уже далее не может сохраниться даже относительное социальное равновесие, существовавшее до сих пор, которая находится едва ли не в процессе разложения, распада, при чем этот распад захватывает

даже некоторые буржуазные группировки. С другой стороны, социальные противоречия пережили перелом, благодаря венским стачкам и будапештским событиям, создавшим Советы Раб. Депутатов. В Австрии эти Советы, судя по газетам, живы еще до сих пор, а в Германии их образование задерживается. События эти показывают, что сейчас мировое движение рабочего класса переживает перелом в сторону революции. Из этого, конечно, нельзя никаким образом делать заключения, что революция будет завтра, но из этого необходимо сделать то заключение, что сила австро-германской империалистской коалиции не есть такая величина, по сравнению с которой русская революция является простым мирным зверьком. Вообще, такая характеристика русской революции страдает чрезвычайно существенным недочетом. Когда мы говорим о перспективе столкновения империалистской коалиции с «мирным зверьком» — русской революцией, то мы должны дать себе совершенно ясный отчет в том, что нам в этом столкновении, в особенности на первых порах, предстоит ряд сплошных поражений. Тем не менее, мы говорим о том, что мы можем принять перспективу немедленной войны с империалистами. Мы говорим, что в самом процессе этой борьбы в нее постепенно будут втягиваться все большие и большие массы с нашей стороны, — в лагере империалистов, наоборот, будет появляться столько же элементов дальнейшего распада. Повторяю, что при одновременном распаде сил такая перспектива не будет нам страшна и такую перспективу мы должны принять потому, что иной у нас и быть не может.

Товарищи, одним из центральных аргументов Вл. Ильича, когда он доказывал возможность для нас передышки, было то соображение, что хотя в настоящее время подходит к концу великая борьба двух империалистских коалиций: с одной стороны, франко-американского капитала, с другой — австро-германского, все же они не могут еще пока закончить своей борьбы. Между ними имеется щель, и в эту щель т. Ленин предлагает нам пробиться. Он говорил, — и в этом центр тяжести его аргументации, — «берегите пока все, что можно взять, пользуйтесь моментом, ловите этот момент, пока еще международная шайка капиталистических банкетов не заключила между собой союза для удушения сообщки русской революции». Товарищи, эта постановка вопроса подлежит более серьезному обсуждению. Перед нами, действительно, могут быть две перспективы: либо это соглашение уже произошло,

либо его еще нет. Много данных за то, что это соглашение между двумя враждебными коалициями уже произошло: например, нельзя отметить, отмахиваться от такого факта, как выступление Японии, как задержка продовольственных грузов, как контр-революционный союз на Восточно-Китайской железной дороге, как предложение в рейхстаге, официальное предложение зондирования почвы пасечет мира с англо-американским капиталом, как все предложения, направленные из Германии в Вашингтон, и, наконец, та невероятная суматоха, которая поднялась во всех правительственных кабинетах по поводу и в связи с японским выступлением против России. Все эти факты не решают, конечно, вопроса, заключено ли уже соглашение, но во всяком случае делают такую перспективу вероятной.

Весьма возможно, что, поскольку современная война не дала еще обоим империалистским коалициям никакого результата, все империалистские страны, все империалистские государства поставлены сейчас перед вопросом, как ликвидировать войну с наибольшими приращениями для себя, и что сейчас с той и другой стороны капиталисты не видят никакой возможности окончания войны путем решительной победы над противником. Весьма вероятно, что и та и другая коалиция подошла к вопросу о ликвидации войны путем компенсации, путем приращений за счет России. Такая перспектива тем более становится вероятной, тем более становится в порядок дня для международного империализма, что сейчас снизу во всех странах на все капиталистические правительства, за исключением Японии и Америки, производится все большее и большее давление со стороны пролетариата, происходит процесс обострения классовых противоречий, возрастают требования рабочего класса.

Для того, чтобы задуть это растущее движение, чтобы выбросить подачку рабочему классу, весьма возможно, что та и другая сторона и та и другая империалистская коалиция решила расправиться с Россией, чтобы воспользоваться русским сырьем, рудой, углем для своей промышленности, чтобы выкачать русский хлеб для своих рабочих, для своего населения вообще. И, выбросив этот кусок своим рабочим, разом двух зайцев убить: создать для своей промышленности возможность эксплуатации новых рынков с одной стороны, а с другой — утихомирить рабочее движение в своей собственной стране. Я говорю, что такая перспектива чрезвычайно возможна, хотя этот вопрос нельзя считать

решенным. А в таком случае мы получаем в самом ближайшем будущем, непосредственно, сейчас, попытку раздела России. Перспектива чрезвычайно тяжелая, чрезвычайно мучительная.

Теперь возьмем случай, который предлагает т. Ленин. В первом случае, который я только что разобрал, и который тов. Ленин считает невозможным,—в этом первом случае его тактическая линия не оправдывается; она оправдывается только тогда, когда мы будем иметь перед собой второй случай, т.-е. когда мы в эту тресловую щель между империалистскими коалициями сможем проскользнуть. Но товарищи, мы утверждаем, что даже наличие этой щели все равно не спасает ни на минуту тактической линии т. Ленина. В самом деле, т. Ленин выдвигает перспективу щели между англо-американским и германо-австрийским капиталом, чтобы доказать возможность для нас ловить момент, а для этого он должен доказать, при каких условиях немцы, раздираемые войной с Англией, могут помириться на известный промежуток времени с нами. Центральные державы, империалисты австро-германской коалиции могут вести эту войну только при одном условии: только при условии беспощадной расправы с Россией—просто-напросто по чисто экономическим соображениям, в первую голову по экономическим соображениям, ибо для того, чтобы Германия была в состоянии вести войну против Англии, ей необходимо сырье, ей необходим хлеб. Без этого она вести войну не может. Таким образом для того, чтобы вести дальше войну, Германия неминуемо должна будет заняться самым наглым грабежом России. Это, во-первых. Но есть и другая причина. Войну можно вести только при таком условии, когда имеется известное социальное равновесие внутри страны. Воевать, имея у себя дома вооруженное восстание, почти невозможно. Поэтому нужно это вооруженное восстание отдалить, революционные вспышки затушить.

Сейчас немецкие империалисты выставили совершенно определенный лозунг, совершенно определенное требование—требование российского хлеба, которым они должны будут заткнуть давление снизу, усиливающееся сейчас в Германии. Момент продолжения войны для Германии повелительно диктует в настоящее время грабеж нашей Советской Республики. Это—с одной стороны. Но для того, чтобы грабить, эксплуатировать экономически, для этого нужна буржуазная Россия, для этого нужно свергнуть Советскую власть. Вот почему Германия неизбежно должна сейчас проводить

и проводит политику низвержения Советской власти, а не мирного сожительства с нею. Итак, мы анализировали и ту перспективу, которую отвергает т. Ленин, и ту, которую он принимает, и мы видим, что и в другом случае вывод, который делает т. Ленин из наличия щели между двумя коалициями, неправилен.

Такой щели не существует. Даже, если бы была эта щель между Англией, Францией и Америкой, с одной стороны, центральными державами—с другой, ни в том, ни в другом случае мирного сожительства между нами,—между Советской Республикой и международным капиталом, — быть не может.

Тов. Ленин против этого моего возражения, выставляет одно очень существенное контр-возражение. Он говорит: «Все это хорошо и прекрасно с точки зрения вечности, все это хорошо и превосходно, если мы ставим вопрос в общемировой исторической перспективе; в общем, вообще,—это верно, конкретно—это не верно; в общем, конечно, верно, что мы представляем пролетарскую государственную организацию, а не организацию финансового капитала, и уже по одному этому для нас мирное сожительство с последним невозможно, но из этого вовсе не следует, что в каждый данный момент это сожительство невозможно, что каждый час, каждый день это невозможно». Тов. Ленин здесь говорил, что мы должны брать каждую минуту, каждый день, мы должны ловить передышку, хотя бы она длилась всего один день.

И, товарищи, должен сказать, что это возражение надо, конечно, обсудить со всех точек зрения. Тут нужно прежде всего дать себе полный отчет в том, для чего нам нужна эта передышка. В самом деле она нужна нам? Что она нам даст? И если мы решили, что передышка нам действительно нужна для таких-то и таких целей, тогда мы должны обсудить, достаточно ли та передышка, которую мы можем иметь при складывающейся сейчас ситуации. Т. Ленин в своей первой статье и в своей сегодняшней речи на вопрос, для чего нам нужна передышка, отвечал, что она нужна для упорядочения железных дорог, для организации нашей экономической жизни, для налаживания того самого советского аппарата, который еще не налажен (нужно признать, который не могли наладить в течение 4-х месяцев). Но если поставить вопрос так, тогда, конечно, надо было сказать: если была бы возможность такой передышки, если бы она была и существует реально, а не в воображении одного из старых или молодых товарищей, если бы это было реальной действительностью, тогда мы подписали бы

этот дозорный мир, потому что он давал бы нам реальную гарантию того, что мы сможем пустить в ход ту машину, которая необходима для этого шага, для низвержения международного капитала.

Товарищи, нужно совершенно серьезно, самым деловым образом этот вопрос поставить и разрешить.

Если тов. Ленин в своей последней статье, в своих последних выступлениях говорит: «берите передышку, хотя бы на несколько дней», говорят, что именно такая передышка нам предстоит, я утверждаю, что овчинка не стоит выделки. Если вы говорите, что имеется передышка на несколько дней, то она ничего нам не даст потому, что ни перестроить железных дорог, ни обучить население, хотя бы и только мужской пролетариат, стрельбе, ни наладить транспорт, ни наладить экономическую жизнь, т.-е. разрешить все те главные задачи, о которых говорил тов. Ленин, в несколько дней нельзя. Нечего доказывать, что такая работа в течение нескольких дней не делается, такая работа требует, по меньшей мере, месяцев, а передышки на месяцы ни генерал Гофман, ни Либкнехт не дадут. В этом центр тяжести вопроса. Когда т. Ленин здесь говорил, что мы заполняем целые столбцы «Коммуниста» работой против теории этой передышки, то мы отвечаем: да, мы заполняем столбцы, потому, что это есть кардинальный вопрос, потому, что от того или иного решения этого вопроса зависят все решения. Дело вовсе не в том, что мы протестуем против этих условий потому, что они фактически этой передышки нам не дают, это есть иллюзорная вещь, которую действительно можно считать фразой, хотя фразой далеко не революционной. Если мы в своем решении будем исходить из такого рода перспективы, которой реально не существует, то это грозит нам самым тяжелым ударом. Мне кажется, что этой иллюзии, этой несуществующей перспективе поддаваться ни в коей мере нельзя.

При оценке акта подписания ратификации мирного договора, как при всяком шаге, должны приниматься в расчет две величины: во-первых, нам нужно подсчитать все плюсы, во-вторых, — все минусы. Единственный плюс это передышка. Как мы видим, возможность этой передышки раздута до невероятной величины стопроцентной, стоящей за подписание мира. Из мухи здесь делают слона. Что касается минусов, то товарищи, защищающие предложение подписать мир, предпочитают на этих минусах не останавливаться,

тогда как нужно, в первую голову, на них остановиться. Ведь в самом деле с первого взгляда ясно, что если бы в договоре были такие условия, как свержение Советской власти, созыв Учредительного Собрания и т. д., то вы не могли бы подписать его. Поэтому совершенно неправы те, кто хочет отмахнуться от анализа этих условий, кто говорит, что совершенно не нужно разбирать их. Это неверно. Эти условия нужно разобрать. И тут я должен сказать, что они отнимают у Советской России самое существующее, самое жизненно необходимое, как раз то, из-за чего мы и могли бы по аргументации т. Ленина идти на передышку и на подписание мира.

Нам нужны условия для организации наших сил.

Но как раз этих условий нас лишает договор. От нас отрезают Украину, от нас отделяют Донецкий бассейн, т.-е. центры, питающие русскую промышленность, нас отделяют от хлеба, от угля. Рабочий класс и рабочее движение раскалывается, следовательно, сила его ослабляется. Ведь, в конце концов, не нужно от себя скрывать того, что мы остаемся даже по количеству населения чуть ли не в половинном составе. Самые основные центры рабочего движения, как, например, Латвия, такие большие области как Советская Украина, выпадают совершенно. Кроме того, многие наши экономические мероприятия аннулируются; так, например, мероприятия, касающиеся национализации иностранной промышленности и т. д., подрываются самым основательным образом потому, что в условиях мира имеются пункты, относительно соблюдения интересов иностранных подданных. Правда, приводят соображения, что иностранных подданных у нас сравнительно не так много, что эти пункты не так опасны. Это неверно! Вся русская буржуазия путем целого ряда фиктивных сделок немедленно начнет переводить свои предприятия в иностранное подданство. И мы, в конце концов, увидим, что тот самый сук, на котором мы сидим, наши социальные мероприятия, наше социалистическое строительство, подрезывается этими условиями. То, из-за чего мы боремся, то, что мы хотим сохранить во что бы то ни стало, даже ценою величайших жертв, заранее аннулируется. Больше того, вы знаете, что в числе условий мира есть два таких пункта, которые сводят на-нет и международное значение русской революции. А ведь мы говорили и говорим, что, в конце концов, все дело зависит от того, победит или не победит международная революция. В конечном счете международная революция, — и только

зна она, — наше спасение. С этим согласен и тов. Ленин. Отказываясь от интернационалистской пропаганды, мы отказываемся и от самого острого оружия, которое в нашем распоряжении имелось. Международная пропаганда являлась колоколом, гудящим на весь мир, от этого мы отказываемся, у этого колокола мы отрезаем язык. Это не есть фраза, а самая реальная величина. Больше того, товарищи, последний пункт договора, добавленный уже после, гласит, что Россия обязана сохранять независимость Персии и Афганистана. Если раскрыть действительный смысл этого пункта, это значит, что Российская Советская Республика, которая объявила смертельную войну войне и всякой колониальной политике, которая заявила, что признает право наций на самоопределение, должна стать колониальным жандармом германского империализма. Это значит, что наша Советская Республика должна взять на себя перед германским империализмом обязательство охранять Афганистан и Персию, ее промышленную независимость и т. д. Это значит, что мы должны быть там немецкими жандармами против английского империализма, вот что это значит. Можно, конечно, по-разному относиться ко всем этим условиям, но одно совершенно ясно: — до сих пор вся величайшая сила русской революции, все ее величайшее значение для мирового пролетарского движения заключались в том, что она выступала совершенно ясно, точно, определенно программу действия, которую проводила не только в своей газете, не только в своей печати, проводила не на словах, а на деле. Именно дела Советской Республики, именно ясность, определенность программы, которую она проводит в жизнь, именно это стало ее величайшей притягательной силой. Но теперь, когда будет заявлено во всем мире, когда будет всем угнетенным нациям и всему пролетариату известно, что она отказывается от пропаганды, что мы взяли на себя священную миссию охранять германские интересы против английского капитала в колониальных странах, право на самостоятельность которых мы выдвигали, как лозунг борьбы — извините, я утверждаю, что один этот пункт наносит нам такой удар, является таким подрывом по всему фронту нашей Советской власти, и во-вне и внутри, — что такой ценой, такой ценой покупать двухдневную передышку, которая нам ничего не даст, нельзя, нецелесообразно, потому что здесь мы идем уже не только на компромисс с капиталом, здесь мы уничтожаем свое собственное социалистическое существо.

Таким образом, товарищи, мы рассмотрели все плюсы и минусы и можем подвести итоги. Плюс—это в лучшем случае несколько дней передышки, минус—это капитуляция по всему фронту, капитуляция во-вне, капитуляция внутри.

С подведением этого баланса, именно на основании самого строгого расчета,—не на основании фраз, а на основании самого сухого расчета—мы говорим: подписание мира—акт нецелесообразный.

Тов. Ленин в конце своей речи говорил, что он подпишет какой угодно мир, чтобы эвакуировать тысячи рабочих из Петрограда; я утверждаю, что это как раз есть фраза, не холодный расчет, а самое настоящее увлечение чувством, конечно, очень хорошим чувством, но далеким от холодного расчета, который говорит нам, что в случае необходимости мы можем и должны пожертвовать десятками тысяч рабочих. Ведь так всегда рассуждают оппортунисты всех стран; говорят: «не нужно выходить на улицу, потому что может пролиться кровь». В ответ всегда мы говорим, что это есть весьма дешевая демагогия, которая ничего более реального не даст. Точно так же обстоит дело и здесь. Нужно рассмотреть,—я повторяю, все конкретно, самым деловым образом,—тогда мы увидим, что не передышку мы получаем, а подрываем самую свою сущность, что мы уничтожаем себя в качестве авангарда международной социалистической революции. Такой ценой нельзя покупать двухдневную передышку, которая ничего не даст. Вот почему, товарищи, мы говорим, что та перспектива, которую предлагает т. Ленин, для нас неприемлема.

Но тут может возникнуть вопрос: ну, хорошо, если дело обстоит так, то не находимся ли мы в положении, из которого у нас нет никакого выхода? Такая ситуация, вообще говоря, теоретически рассуждая, возможна в каждый данный исторический момент. Но мне кажется, мы полагаем по крайней мере, что у нас есть выход. Этот выход, который отвергается т. Лениным и который с нашей точки зрения необходим,—этот выход есть революционная война против германского империализма. Теперь я должен сказать, как мы его понимаем. Когда этот выход отвергается тов. Лениным и его сторонниками, то они обычно, так сказать, подавляют внимание публики целым рядом фактов, ужасных фактов, чрезвычайно тяжелых, из которых они делают один вывод: что война невозможна, и для того, чтобы доказать, что революционная война невозможна, они выводят главноверха Крыленко, который рассказывает ужаснейшие случаи, что у нас армия бежит,

что она деморализована, что у нас ничего нет, что солдаты продают пушки немцам. Когда указывают на целый ряд подобных случаев, которые должны служить подкреплением аргументов сторонников взгляда, что революционная война невозможна, то приходится сказать, товарищи, что-нибудь одно из двух: если мы признаем, что вообще революционная война невозможна, тогда мы на всем движении, на всех наших начинаниях должны поставить крест, тогда мы должны сказать, что никакой перспективы нет, связать себе набрюшник и лежать на печи...

Но этого нет. Товарищи говорят: «война будет возможна через два дня, после двухдневной передышки». Где же тут логика? Товарищи, которые говорят, что через 2 дня эта революционная война будет возможна, следовательно, практически учитывают и то положение вещей, что в начальной стадии борьбы с немецким империализмом, с врагом, который действительно вооружен до зубов, в начальной стадии мы будем неизбежно терпеть поражения. Это ясно, как дважды-два—четыре. Но, с другой стороны, они чувствуют, что так же неизбежно будут вовлекаться и широко низы рабочего класса, и даже крестьянства, в этот процесс борьбы с германским империализмом, как вовлекается сейчас псковское крестьянство, которое выделяет десятки тысяч вооруженных людей, чтобы давать отпор немцам. Совершенно неважно, не играют существенной роли приводимые десятки и сотни фактов, что в начальной стадии эти партизанские отряды, состоящие из людей, в первый раз взявших ружье, разбегаются при первых выстрелах. Они научатся. Тут надо помнить наше старое революционное положение, которое мы, большевики, всегда защищали против оппортунистов. Оппортунисты всегда рассуждали так: борьба начинается только тогда, когда вся масса готова целиком выступить, нужно начинать только тогда, когда мы имеем бухгалтерский расчет, верный как то, что дважды-два — четыре, что у нас все имеется в наличии, что у нас имеется абсолютная уверенность в том, что мы победим, что поднимутся все, как один. Мы говорим: так история не делается. Оппортунисты не учитывают самого важного факта, что организация борьбы растет в самом процессе борьбы. Этот довод мы выставляем постоянно против оппортунизма, мы должны помнить его и сейчас. Возьмем участь всех восстаний, каких угодно восстаний; я, например, лично переживал этот процесс в Москве, во время октября, когда мы наступали, не имея организованных сил, которые организовы-

вались в процессе войны, войны гражданской. То же самое несомненно будет в процессе гражданской войны с международным капиталом. Нечего и говорить, что величайшей иллюзией является мысль, что якобы сейчас мы, в течение нескольких дней, сможем воспользоваться передышкой, создать громадную армию, наладить железные дороги, производство и продовольствие. Такой перспективы нет, ее нужно отбросить. Перед нами остается перспектива постоянного в процессе борьбы вовлечения в эту борьбу широких кругов населения. Наши рабочие в значительной степени раскачались бы, если б только этому не мешали наши официальные политики, которые разлагают волю рабочих, — говорят: один день — мир, другой день — война. В таком деморализованном состоянии не может создаться крепкая единая воля. Но рабочий класс раскачивается, и крестьянство тоже раскачивается.

Динамика всех отношений ведет к тому, что и пролетариат и крестьянство в процессе борьбы, под натиском того хищника, под натиском того зверя, который на них прыгает, неизбежно будет отвечать контр-натиском, будет создавать свою армию, будет организовываться, учиться владеть оружием. Вот та истина, которую нужно понять. Нам правильно скажут: нельзя думать сейчас при теперешнем состоянии наших военных сил и проч., совершенно нельзя думать о том, что мы создадим дисциплинированную армию в сотни тысяч человек с кадрами офицерства, которая немедленно начнет воевать по всем правилам военного искусства и которая должна создаваться в конце концов. В начальной стадии борьбы отбор в эту будущую армию будет производиться в значительной степени стихийно, путем вовлечения широких кругов крестьян и пролетариата в эту борьбу. Крестьяне раскачиваются очень медленно. Они должны увидеть врага перед собою, чтобы на эту борьбу пойти, но, тем не менее, они раскачиваются. Чем дальше неприятель будет продвигаться в глубь России, — в более невыгодные для него условия он будет попадать. Позади себя он будет оставлять враждебный тыл, перед собою иметь все более и более уплотняющееся население, как результат этого нашествия, потому что немцы не медлят показать себя: они будут расправляться с рабочими и крестьянами. Если теперь многие говорят: «жили под Николаем, под Керенским, под Лениным, проживем теперь и под немцем», то когда у них отнимут последние сапоги, когда получится положение хуже, чем во времена Наполеона, то они увидят на деле, что значит жить под немцем.

24

Таким образом, товарищи, перед нами получается весьма реальная перспектива, которую нужно принять потому, что это есть единственная перспектива, единственная в смысле возможности и необходимости, — перспектива — война против международного капитала, которая будет носить характер гражданской войны с этим капиталом.

Есть еще один пункт, на котором чрезвычайно мало останавливаются, но который имеет чрезвычайно существенное значение для социалистической русской революции. Этот пункт заключается вот в чем: как я уже упоминал сейчас, авангард революционного пролетариата находится в процессе постепенного распыления. Громадная безработица, увеличение числа безработных, являющееся последствием закрытия фабрик и заводов, — все это дезорганизует пролетариат, как производительный класс; затем громадные слои пролетариата возвращаются с фронта, обращаются в люмпен-пролетариев, перестают быть членами класса, который работает, занимается производительным трудом, который сохраняет свое революционное единство, сохраняет свою революционную сплоченность только тогда, когда не отрывается от производственного труда. Вы знаете, что целый ряд пролетариев уезжает в деревню, не поставив кадры безработных. В этом одна из величайших опасностей для русской революции, потому что пролетариат должен быть авангардом, застрельщиком, который ведет за собой остальные промежуточные классы.

Что противопоставляется этому распаду? Налаживание экономической жизни? Вы ее наладите, вы сможете ее наладить лишь после долгих месяцев. Но что противопоставить этому распаду сейчас? Утверждаю, что этому распаду можно противопоставить только дело сплочения пролетариата под лозунгом священной войны против милитаризма и империализма. Только это. Нет никакого другого выхода при теперешнем положении вещей, кроме создания из безработных кадров пролетарской Красной армии, спаянной единым революционным духом, прежде чем буржуазия успеет мобилизовать своих наемных рабов и заставить их делать свое дело.

Мобилизация духа и меры против распада пролетариата могут избавить от гибели русскую революцию, по крайней мере на ближайший период, но это можно сделать только тогда, когда будет линия прямая, ясная, способствующая такому сплочению пролетарских масс.

Нужно говорить одно и то же. Нужно бить в одну точку, нужно мобилизоваться под единым лозунгом. Не могут не разбегаться те рабочие, которым сегодня говорят «мир», а завтра «война», — не могут не разбегаться те крестьяне, которые сами не знают, что в настоящее время происходит, нужно ли воевать или нужно делать что-то другое. Каждому из вас, кто выступал с агитацией и пропагандой организации красных отрядов, всякому из вас ясно и понятно, что такое двойственное положение петершимо, просто петершимо, психологически невозможно. Когда человек идет умирать, когда берет винтовку в руки, идет на фронт, он должен знать: «я иду сражаться, я не иду неизвестно, что делать». А вся наша полгитка сперва заключалась в том, что неизвестно было, что нужно делать, и больше того: у нас на всех собраниях, на всех митингах, на съездах, всюду и везде выставлялся в качестве ударного только один тезис, что сейчас никакая война невозможна. По этот тезис убивает всякую войну. Если вы призываете человека, говорите: «иди на фронт» и тут же говорите: «никакая война невозможна», то вы убиваете этого человека морально, вы делаете невозможным какой бы то ни было порыв в рядах рабочего класса. Я утверждаю, что в значительной степени та деморализация, которая сейчас, к сожалению, наблюдается среди пролетариата, возникновением своим в значительной степени обязана нам самим.

Если мы будем продолжать старую тактику, если мы будем кормить пролетариат, крестьян рассуждениями о том, что никакая война невозможна, мы, в конце концов, разложим и ту Красную армию, которая у нас имеется. Мы действительно подрубим тот основной сук, на котором мы сидим.

Я знаю, что здесь будут всякие попытки использовать то, что я говорю, в таком направлении: «вы, мол, как честные фразеры, предлагаете скрывать от народа правду». Неверно, трижды неверно: можно все эти факты рассказывать совсем по-другому, можно рассказывать в совершенно другом тоне, можно говорить: да, вот у нас то-то и то-то происходит, у нас развал. Когда тов. Ленин говорит нам, что мы уклоняемся от оценки фактов, это неверно: мы вовсе не уклоняемся, мы их знаем так же хорошо, как знает тов. Ленин, но мы говорим: как раз для того, чтобы это преодолеть, нужно выставить одну линию поведения: для того чтобы преодолеть настроение масс, необходимо создать определенную коллективную волю и ясно выраженную линию, — вот что

пужно. Когда же это линия не выдерживается, когда получаются постоянные колебания, совершенно естественно, что никакой мобилизации масс быть не может. Буржуазия, повторяю я, знает два приема мобилизации: она знает отлично, что для войны нужно обрабатывать человеческий материал и духовно. И эта задача стоит перед всякой партией, находящейся у власти и ведущей войну или собирающейся вести войну. Эта двухсторонняя мобилизация человеческого материала и есть необходимейшая предпосылка для успеха революционной войны, ибо, если не будет налицо одной половины, то война делается совершенно невозможной. Без этого точно так же невозможно воевать, как невозможно воевать, не имея ружей—материального оружия войны, невозможно воевать, не сплачивая пролетарскую волю, не сплачивая всеедино пролетариат.

Эта задача стоит в порядке дня, но я утверждаю, что эта задача нашими официальными партийными политиками не только не выполняется, а наоборот, она им служит помехой при проведении своей линии. Конечно, на это имеется целый ряд очень серьезных причин, и мы тут опять-таки должны совершенно определенно, откинув все фразы, обсудить этот вопрос с деловой точки зрения. Почему, в конце концов, наша партия, которая была авангардом революции, почему, в конце концов, она свою революционную социалистическую точку зрения не выдержала. Мне кажется, что тут есть одна очень глубокая причина. Наша партия со времени корниловских дней росла не по дням, а по часам, наша партия, начиная с корниловских дней, превратилась фактически в партию не пролетарскую, а в так называемую общенародную партию. Она впитала в себя за это время все элементы, которые шли под лозунгом мира во что бы то ни стало. На наших породских конференциях, на наших партийных собраниях у нас за последнее время обычно бывало непролетарского элемента больше половины. Совершенно естественно, что изменившийся социальный состав пролетарской партии неизбежно должен был отразиться на поведении партии.

Несомненно, партия должна была в своем целом отражать тактику поведения этих непролетарских элементов.

Когда т. Ленин постоянно прибегает к такому аргументу, как «вот это поймет любой солдат», «это поймет любой мужик», и думает «убить» нас этим аргументом, то он жестоко ошибается. Отнюдь этот аргумент не может служить доказательством, мерилом пра-

вильности понимания любого солдата. Да, в теперешней обстановке очень не трудно согласиться с тем, что вести войны мы не можем, *это чрезвычайно удобно*, это действительно чрезвычайно понятно, но тем не менее это вовсе не есть аргумент за правильность этого положения.

Конечно, широкие массы—крестьянские массы, остатки солдатских масс—чрезвычайно трудно психологически перевести на новую линию. Ведь когда мы были в оппозиции, когда Керенский всячески изывал о защите отечества, мы всячески разлагали волю к защите этого отечества, и мы были правы. Теперь у нас колоссальный принципиальный сдвиг. Совершенно правильно говорил т. Ленин: «Мы стали оборонцами, но оборонцами социалистического отечества». Нужно, чтобы положение это пропикло в массы, нужно приучить их к этой мысли, нужно заставить массы понять эту истину, пробуждать в них волю к действию, указывая на совершенно изменившееся внутреннее содержание лозунга защиты отечества. Только таким путем, поднимая массу до себя, а не спускаясь до уровня психологии самых отсталых мешечников, можно чего-либо достигнуть. Именно в этом и заключается колоссальная заслуга большевиков, их преимущество перед всеми остальными социальными группами и партиями. Мы отличаемся от эс-эров, меньшевиков и т. д. тем, что наша партия есть авангард, ведущий всех остальных за собой, поднимающий массы до себя, а не спускающийся до уровня их понимания, к чему и сводилась наша программа. Меньшевики—они обычно говорили всегда, что пролетариат нужно приспособлять путем наглядного обучения, нужно приспособляться к его психологии, нужно говорить его языком, чтобы через целый ряд стадий воспитать его. Мы говорили: нет, наша тактика в ином, мы говорим массам всю правду, мы сразу приспособливаем их к себе, а не приспособливаемся к ним, мы не опускаемся до их позиции, до их точки зрения, а мы, наоборот, подводим их к своей, к нашей позиции.

Наша тактика, в противоположность меньшевистской, была всегда активной, а не пассивной. То, что предлагают товарищи сейчас,—есть сплошной отказ от нашей обычной линии.

Наша точка зрения состоит не в том, чтобы выдерживать линию мешечника, а в том, чтобы даже последнему мешечнику растолковать, что он глубоко ошибается, что нет ему никакого спасения, если он будет смотреть с своей точки зрения: «что бы там ни было, но я воевать не буду». Вот какова наша задача,

наша практическая позиция, вот в чем должна заключаться наша линия.

Как вы видите, товарищи, наши разногласия вовсе не сводятся к тому, что одни стоят за фразу, другие—за дело, это—сплошной вымысел. Наши разногласия лежат в иной плоскости—в различной оценке международной ситуации, а также в различной оценке нашей внутренней ситуации. Они лежат в различной оценке возможности для нас ведения войны гражданской, войны против международного империализма, в различных взглядах на методы подготовки к этой войне. И если тов. Ленин утверждает сейчас, что наши фракционные, внутрипартийные разногласия будут изживаться в процессе жизни и для этого не понадобятся груды полемической литературы, а нужны лишь жизненные факты, то в этом пункте у нас с ним нет расхождений, потому что мы, со своей стороны, глубоко уверены, что весь объективный ход событий убедит наших противников, имеющих на этом съезде громадное большинство, что этот объективный ход событий приведет их к нашей позиции.

Вот почему, когда сейчас очень часто говорят относительно того, что мы выступаем с проповедью раскола партии, что мы раскольники,—а некоторые товарищи выдвигают этот аргумент в качестве тяжелой артиллерии, которая должна заставить присутствующих на съезде голосовать против нас, то мы утверждаем, что это неверно, что никакого раскола мы не хотим, потому что жизненные факты, по мере развития событий, будут направлять правых товарищей в нашу сторону. И тут нужно отметить два фактора, которые будут в первую голову этому содействовать. Во-первых, изменение социального состава нашей партии—заполнение ее рядов самым основным, пролетарским элементом, вместо тех непролетарских элементов, главным образом солдатского, который наводнил нашу партию за последнее время. Но солдатский элемент будет таять по мере того, как будет таять наша старая, больная, разложившаяся армия. Несомненно, что мы сейчас уже переживаем очистительный процесс внутри самой нашей партии. Этот очистительный процесс будет залогом того, что, в конце концов, наша линия, которая сейчас сделала большой зигзаг в сторону уклонения от линии пролетарской, снова выпрямится.

Но есть еще один фактор. Это—международный капитал, который заставит нас, товарищи, стать на ту же самую позицию, на которой мы стоим, —быть может, через несколько недель, через

несколько дней, когда вы еще не успеете ни наладить транспорт, ни подвинуть разрешение продовольственного вопроса, ни создать нового кадра солдат, потому что жизнь поставит перед вами ребром вопрос о войне. Тогда вы уже не сможете говорить, что вести войну мы не можем, тогда вы вынуждены будете ее вести, чтобы не уничтожить себя совершенно.

Вот почему, товарищи, мы говорим сейчас, что наша задача, — в этом мы сходимся с вами, — заключается в том, что сейчас, действительно, все время рабочие должны посвятить подготовке к неизбежному грядущему моменту, подготовке к грозному столкновению. От этого зависит судьба не только русской революции, но и международной.

Поэтому мы говорим, что та деловая программа, которая сейчас необходима и которая нас объединяет, должна быть дополнена материальной и духовной мобилизацией масс.

Итак, мы предполагаем отколоться от политики, которая велась до сих пор, аннулировать договор о мире, который ничего не дает, который означает нашу капитуляцию, и теперь же приступить к правильной подготовке, к созданию боеспособной Красной армии. Необходимо усилить пропаганду и агитацию среди армии. Необходимо пропагандировать идею создания этой армии среди рабочих, необходимо поставить соответствующую организацию.

Не нужно поддаваться никаким иллюзиям, никакой панике и утверждениям, что война невозможна. Другого выхода нет. Здесь дело вовсе не в том, чтобы на манер шляхтича погибнуть в гордой позе со шпагой в руках. Не погибнуть хотим мы, а жить для революции, для социализма!

Председатель. Объявляю заседание закрытым.

Заседание закрывается в 2 ч. 10 м. дня.

Заседание третье.

(7 марта, вечернее.)

Заседание открывается в 6 час. вечера.

Председательствует тов. Свердлов.

Председатель. Мы переходим к прениям по докладам. Слово имеет тов. Урицкий.

Тов. Урицкий. Тщетно ожидали мы сегодня ответа Владимира Ильича на те вопросы, которые мы все время ставили ему. В правоте своей позиции он нас не убедил. Что-нибудь одно из двух: или Владимир Ильич желает и будет добиваться передышки, очень продолжительной, такой передышки, во время которой он сможет построить железные дороги, наладить транспорт, улучшить хозяйство и пр. и пр.,—и тогда ему, действительно, удастся создать хорошо организованную армию для ведения регулярной войны; или Владимир Ильич готов успокоиться на передышке в три дня, которая ему ничего не даст—ни железных дорог, ни хорошей армии,—а угрожает разрушить оставшиеся железные дороги и ту небольшую армию, которую мы только что начали строить. В первом случае для меня позиция тов. Ленина понятна вполне; нельзя этого сказать о втором вполне возможном случае.

Тов. Ленин скажет, что благодаря той передышке, которую мы сейчас имеем, мы успели вывезти кое-что из Петрограда, спасли самый Петроград. Но все, что мы спасли из Петрограда, и все то, что мы еще спасем до ратификации мира, не улучшит ни на йоту нашего положения по сравнению с тем, что мы потеряли. За это время, мы прежде всего подрывали волю пролетариата к войне и обороне, расстраивали ряды той самой небольшой армии, которую мы только что начали создавать.

И надеюсь, что в заключительном слове т. Ленин ответит прямо на этот вопрос. Надеюсь, что он будет стремиться к тому, чтобы передышка была продолжительной. Вместе с тем он должен дать ответ на вопрос о том, что же может заставить его порвать этот самый мирный договор. Если нам предложат помириться с Вилниченко, отдать на растерзание те самые Советы, которые создались при содействии нашей рабочей крови, порвет ли он на этом мирный договор или нет? А между тем это предложение будет сделано нам сейчас же, на другой же день после ратификации договора. Если он порвет, тогда мы после ратификации договора вступим в войну при гораздо менее благоприятных условиях, чем теперешние, а если не порвет, он тем самым не только предаст наши советские организации, но он сделает нечто большее: он укажет направление, по которому мы пойдём дальше. Это будет означать, что мы все время будем приспосабливаться, отступать, сдавать одну позицию за другой, один пролетарский отряд за другим, одну группу пролетариев за другой. Зачем? Чтобы накопить в будущем силы, благодаря которым мы сможем вести настоящую регулярную войну?

Тов. Ленин дальше говорит о том, что у нас имеется лишь опереточная армия, и что даже наши матросы убегают, когда слышат артиллерийскую стрельбу. Ко всему прочему матросы очистили Нарву. Матросы, слыша артиллерийский бой, стали отступать, потеряли, благодаря своим вождям, не одну сотню, а вот у нас, в Петрограде, некоторые вожди не пугались, что этот самый артиллерийский бой приближается к ним. Хорошо, что не сказал т. Ленин о тех, которые слышали этот артиллерийский бой, которые ожидали помощи и, не получая ее, поняли, что в Петрограде началась паника, которую они все же не могли себе уяснить.

Дальше, тов. Ленин приписывает нам то, чего мы никогда не говорили и чего сказать не могли, но что говорили другие и что могло заставить его пойти на компромисс. Такое утверждение он приписывает нам, а потом заявляет: «факты говорят против вас». Между тем, сам тов. Ленин согласен вести революционную войну, если мы гарантируем, что революция в Германии начнется через 3—4 месяца. С той же самой армией он готов был бы воевать 3—4 месяца, готов был отступать до Урала, если мы ему революцию гарантируем. Конечно, такой гарантии мы дать не могли, точно так же, как сам он не даст гарантии, что революция не начнется сейчас.

28

Я думаю эти факты направлены не против нас, а в гораздо большей степени против вас, тов. Ленин. Получается недопустимое положение, когда рабочие массы фактически не знают, куда мы их ведем, и даже больше: куда мы идем. С одной стороны, мы говорим, что завтра будет подписан мир, мир скверный, унижительный, позорный и т. д., но мы должны, мы вынуждены подчиниться ему. В то же время, подписывая его, мы разрушаем те зачатки красной социалистической армии, которые мы с таким трудом начали создавать лишь в последнюю неделю. Мы это обязаны сделать, так как в договоре вполне определенно сказано, что мы должны демобилизоваться. Значит, мы можем оставить лишь те части, которые у нас были до войны, в таком составе, в таком количестве, как раньше, т.-е. кажется, около 200 тысяч человек, и обязаны разоружить части, сформированные нами теперь. Мы можем потом, конечно, нашу армию сформировать и издать закон о том, что вместо бывших частей мы создаем красную социалистическую армию, но все же те части, которые уже начали формироваться, должны быть распущены на другой день после ратификации мирного договора.

Затем мы должны делать следующее: сейчас же вывести наши войска из Финляндии и Украины, должны категорически отказаться от какой бы то ни было официальной помощи пролетариату этих стран, от агитации за социалистическую революцию в Финляндии, Эстляндии и т. д. Мы должны спокойно смотреть, как в Эстляндии будет уничтожаться проводимая нами социализация земли, а на Украине будет уничтожаться национализация предприятий, которую мы с таким трудом сейчас пытаемся ввести. Из все это мы должны смотреть спокойно. Конечно, мы можем организовать в Совете Народных Комиссаров тайное общество друзей социалистической революции, разумеется, не под фирмой Ленина и Троцкого, а под вымышленными именами, и вести агитацию. Но это, тов. Ленин, совсем не то, чего от нас имеют право требовать наши украинские или финские товарищи, и не то, что им действительно может помочь в той борьбе, которую они сейчас ведут. Подписывая этот договор, мы можем пятиться назад, отказываться от одного завоевания за другим и, оставаясь на словах пролетарско-крестьянским правительством, превратиться в правительство чисто-крестьянское, правительство мелко-буржуазное. Мы должны будем оттягивать возможно дольше тот момент, когда вновь сделаем попытку превратиться в пролетарское, по су-

ществу и по содержанию, правительство. Мы должны признать, что мы берем никому ненужную, бесполезную и вредную передышку с тем, чтобы на другой день, при гораздо более скверных условиях, сорвав настроение, которое сейчас начало создаваться в массах, возобновить войну, отступать, отступать до бесконечности, эвакуировать не только Петроград, но и Москву. Отступать все дальше, вплоть до Урала. С военно-технической точки зрения для всякого ясно, что общее положение может значительно ухудшиться. Один из руководителей нашими операционными действиями на мой вопрос: «Можем ли мы рассчитывать на что-либо в этой войне, опираясь только на небольшие отряды из рабочих, которые так охотно записываются в эти отряды?», — заявил, что положение далеко не безнадежно: выбить неприятеля из Пскова мы еще можем. Задача наша заключается в том, чтобы концентрировать там силы и не подпускать немцев еще ближе к Петрограду. Тогда Петроград можно еще спасти. Нужно считаться с тем положением, которое создалось в Германии. Мы знаем приблизительно, какие силы имеются в Пскове, и можем сообразить, сколько человек неприятель может употребить против нас. Война пока еще идет для него на два фронта, что, при желании, энтузиазме и настроении наших рабочих масс, является серьезной помощью. Но даже, если война сначала и даст нам только поражения, то это все же лучше, чем тот хаос, который создан сейчас вследствие решения большинства Ц. И. К. Когда у тов. Ленина не хватает аргумента, он прибегает к сравнениям, но забывает, что сравнения далеко не всегда убедительны.

В 1907 году мы пошли в Государственную Думу, но он забывает сказать о том, что не мы заключили мир, а он был заключен буржуазией. Мы должны были считаться с создавшимся положением. Пример Тильзита, приводимый т. Лениным и его сторонниками, — неудачен, так как не немецкий рабочий класс заключал мир в Тильзите, подписала его другая сторона. Немцам пришлось принять его, как совершившийся факт. Тут же получается совершенно другое. Мы, рабоче-крестьянское правительство, заключаем мир, который может убить самую сущность, самое содержание пролетарского правительства. Мы его заключаем, не учитывая того, что подписываем себе смертный приговор. Какой вывод из этого можем сделать? Мы должны перестать быть пролетарско-крестьянским правительством, должны возвратиться назад, должны закончить Петроградский период русской

революции, начать второй период, быть может, Московский, а быть может, Сибирский. Этот период будет на некоторое время движением не вперед, а назад. Мы должны или согласиться на это, или отказаться от ратификации договора и вести ту линию, которую мы вели до сих пор. Вероятно, эта тактика принесет вначале на поле брани целый ряд поражений. Но эти поражения могут гораздо больше содействовать развязке социалистической революции в Западной Европе, чем тот похабный мир, который нам предлагают сейчас ратифицировать.

Зиновьев. Товарищи, в речи тов. Бухарина, я впервые услышал попытку аргументировать против подписания мира не от чувства, а от разума. В противоположность ему тов. Урицкий попытался вернуться к той доисторической эпохе, когда руководствовались только чувством. Я считаю уже эту одну попытку со стороны тов. Бухарина оценивать события по-своему, по с точки зрения ума, а не чувства,—нашим частичным успехом, считаю, что он приближается к позиции большинства. Ту же самую переменную мы наблюдаем в более широком масштабе среди рабочих Петрограда и Москвы.

Первое естественное движение таково: мир настолько унижаетелен, настолько не тот, о котором мы думали, что лучше погибнуть, чем принять его. Только после того, как пройдет первое чувство горячей обиды и настанет момент, когда необходимо вынести определенное решение, тогда приходится рассуждать совершенно иначе.

Тов. Бухарин сказал нам совершенно определенно, что если бы было доказано, что можно получить серьезную передышку, он стоял бы за принятие договора, который сейчас заключен в Бресте. Он, однако, полагает, что передышка, которую можно теперь получить, настолько мала, что, по его выражению, «овчинка выделки не стоит». Если бы ему доказали, что это не так, что можно получить серьезную передышку, он стоял бы за нее. Я считаю это значительным прогрессом по сравнению с тем, что нам говорили в течение последних 17 дней.

Все это время мы слышали от наших же товарищей—Радека и других, что мы предлагаем нашей большевистской партии поступить так же, как поступили 4-го августа 1914 года шейдемаховские предатели. На собраниях мы слышали все время речи совершенно в духе Мстиславского и других вождей «Знамени Труда» о том, что мы сдаем все позиции, совершаем предатель-

ство и пр. Между тем бухаринская постановка вопроса,—это нечто совершенно новое. Он соглашается на длительную передышку, если мы сумеем доказать, что передышка будет таковой. А между тем абсолютно никто не может обладать такими данными, при помощи которых можно было бы это доказать. Все мы видим и понимаем, что идем совершенно не по тому пути, который нам рисовало наше воображение. Если бы, примерно, взять 77 опытных полковников, то даже и они не придумают тех трудностей, которые история нагромодила на нашем пути. Дело обстоит гораздо сложнее и острее, чем мог кто-либо предполагать. Оно настолько запутано, настолько сложно, что не только у нас, но даже в немецком генеральном штабе никто в данный момент не может сказать, надолго ли дана эта передышка, как скоро она может прекратиться и т. д. Несомненно, теперь же будут делаться попытки наступления на французском фронте. Трудно теперь сказать, в какие формы выльется это наступление, чем оно кончится, как отразится у нас. Общее положение настолько запутано, что никто не может предсказать, долго ли продолжится эта передышка, или она прекратится очень скоро. Этого сказать никто не может. Казалось, руководство событиями выскальзывало из рук самой правительственной партии Германии, и был даже такой момент, когда мы говорили нашим товарищам, ехавшим в Брест: «имейте в виду—наступит момент, когда руководство событиями выскользнет из рук даже руководителей германского штаба, и нужно быть в 10 раз осторожнее, чем до сих пор». Никто не может предсказать, как развернутся события. Из этого, однако, вытекает только то, что мы не имеем права ставить карту исключительно, единственно только на тот возможный случай, о котором нам говорил т. Бухарин в конце своего доклада. Он скороговоркой сказал, что не следует ратифицировать договора.

На Московской конференции оппозиция собрала 40 голосов, однако большинство ее сказала прямо, что стоит за ратификацию Брестского договора. Вы видите, что даже в рядах оппозиции не существует определенного, ясного и точного мнения.

Никто не может сказать, как долго может продлиться эта передышка. Мне кажется, ясно только одно, что этот мир, полученный нами в Бресте, является более или менее точной фотографией того соотношения сил, которое существует на мировой арене, т.-е. схватки и империалистских государств между собою, и внутренней борьбы различных классов внутри различных государств.

Никто не знает, как будут развиваться события. Тов. Урицкий с этой трибуны говорил, что мы хитрым, другие, — что тут имеется какая-то дипломатия, намекая на какую-то двойственность позиции и пр. Не в этом дело. Дело зависит от более серьезных факторов, — от того небывало запутанного, небывало сложного положения, которое создано на мировой арене. Вы можете быть более или менее сильными в своей критике, но что же вы сами предлагаете? Вам не изобрести другого выхода. Ваше счастье, что вы не большинство на съезде, что вам не придется нести ответственность за его решения. Вы ничего не предлагаете по вопросу о самом мирном договоре. Наконец, мы приближаемся к тому моменту, когда мы начинаем видеть вещи в настоящей пропорции. До сих пор этого не было. В Питере оперировали, например, такими доводами, будто мы подписали договор о разоружении рабочих. Между тем, мы все отлично знаем, что это не так. Понятно, что Гофман хотел бы отнять оружие у рабочих, но в договоре этого нет: там говорится лишь о демобилизации армии. Ужас заключается вовсе не в том, что нам демобилизация продиктована, а в том, что нам демобилизовать нечего, что мы сами должны стараться как можно скорее демобилизовать эти большие части армии. При этом приходится констатировать, что здоровой армии, которую мы должны были бы демобилизовать в силу договора, пока еще нет, что она ныне только в зародыше.

То же можно сказать и по вопросу о пропаганде. Этот вопрос является одним из наименее серьезных пунктов в Брестском договоре. Вы знаете, как он формулирован. Обе высокие договаривающиеся стороны обещают не вести пропаганды. Само собой разумеется, что там, в оккупированных областях, будут вести пропаганду против Советской власти. Если дело обстоит так, то мы получаем только бумажку. Не в пропаганде здесь дело, а в том, что реальное соотношение сил позволило нашим классовым врагам продиктовать нашей революции самые крайние, недопустимые условия. Предлагаемый вами выход есть самый большой удар не только по нашей революции, но и по международному движению пролетариата, потому что, встав на такой путь, мы совершим безжалостное харакири над Советской властью. Учесть силу этого удара для всей европейской революции нельзя. Предположим, что сегодня взят Питер. Неужели вы думаете, что это усилит революцию в Германии? Или в каком случае. Это чрезвычайно ослабило бы ее. В корне неправильно то возражение, что на-

ступление на Питер заставит германских рабочих выйти с протестом на улицу. Решающим моментом является не это. Решающим моментом будет положение в самой Германии,—то обстоятельство, что над рабочими массами занесен меч, что они голодают, что буржуазия их прижимает, что у них берут верх архи-реакционеры, архи-феодалы, вот что, в конце концов, определит темп развития революции в Германии. Вот почему наш партийный съезд должен констатировать, что никто не может определить продолжительность этой передышки. Ни один человек, ни одна партия не знает этого. Наша партия перед русским рабочим классом, перед международным пролетариатом должна сказать, что если есть хотя какой-нибудь шанс передышку получить или продлить,—мы обязаны ее взять.

Тов. Бухарин пытался здесь найти объяснения этому решению, анализируя социальный состав нашей партии. Он говорил, что дело объясняется своеобразным мешечничеством, народившимся в нашей партии. Я слышал другие объяснения от тов. Радека. Он говорил, что дело объясняется засильем чиновничества, расплодившегося вокруг нашего правительства. Он указывал, что как в Германии существует особый слой рабочей бюрократии, которая давит на официальных вождей, точно так же и у нас вокруг министерств расплодилось определенная каста чиновников, которые обычно делают политику. Мне кажется, что и то и другое утверждения слишком легкомысленны. Оба оперируют с недостаточными данными. Состав нашей партии ни на капелку не изменился. Вы знаете, что наша организация с самого начала поставила серьезные препятствия перед новыми членами партии, которые пытались влиться в нашу среду. В Ц. К. нашей партии мы после октября обсуждали этот вопрос, выработали даже технические меры, должныствующие закрыть двери перед этими элементами. Проектировалось даже дать другого цвета билеты для октябрьских большевиков. На местах эти меры были проведены в жизнь, и там мы не видели нигде картины такого напора на нашу партию.

Но одно дело классовый состав партии, а другое—классовый состав страны. Наши левые товарищи не замечают этого, не замечают и левые эс-эры из «Знам. Труда». Там они чуть ли не языком Керенского говорят о взбунтовавшихся рабах, о мешечниках-солдатах, о деклассированной массе и пр. Мы все великолепно знаем слабые стороны солдата; я понимаю негодование по поводу того, что солдат не понял необходимости

помочь нам, необходимости идти вместе с нами драться. Но отсюда до травли в духе Керенского, до разговоров о мешечниках, о восставших рабах—дистанция огромного размера. Не в том дело, чтобы обругать, а чтобы понять, почему солдат больше не хочет воевать. Это настроение тех самых кругов крестьянства, о которых гражданин Штейнберг рассказывает, что они пойдут за с.-р., а не за нами. Мы не можем забывать классового состава нашей страны. Да, в решительный для революции момент беднейшее крестьянство присоединится к нам. Пока же нельзя не видеть того, что сейчас, при провозглашении войны, 99% его не увидят непосредственной связи между натиском империалистов и (вопросами социализации земли и поэтому не присоединятся к рабочему классу. В данный момент они улепетывают домой, думая, что там безопасно. Положение таково, что приходится всю тяжесть обороны взвалить на плечи одного рабочего класса и даже больше: на плечи только передовой части его. Совершенно ясно, что они надломятся, что мы не имеем морального права это делать, и что известный выход дает нам передышка.

Здесь сказали, что Крыленко, которого мы выпустили, рисует слишком мрачную картину. Выходит, что это как будто бы делается нарочно. Здесь, перед ответственными партийными работниками, смешно приводить эти факты. Преступно было бы их скрывать, играть с огнем, как это пытались делать в Москве. Когда приехал тов. Усиевич и на заседании Петроградского Совета заявил, что в Москве записалось 60.000 человек и рвутся в бой, конечно, мы все были в восторге. Но, когда через 7 дней, приехав в Москву, узнаешь, что там записалось 2.830 человек, то было бы преступно скрывать это как от рабочих, так и от самих себя. Смешно теперь, когда уже не до шуток, скрывать от себя тяжесть положения. Дело не в том, что в докладе Крыленко рисовал положение в слишком мрачном свете, а в том, что мы не были достаточно осведомлены о действительном положении. Мы должны сказать, что сейчас положение отчаянное. Камков говорил: «Суть не в том, сколько полков». Таким образом договариваются до того, что накануне войны,—как бы вы ее ни пазывали, это будет война,—говорят: «не важно сколько полков». Накануне войны невозможно не говорить о количестве боевых сил.

На долю нашего съезда выпала чрезвычайно большая ответственность. От имени нашей партии, от имени съезда и пра-

вительства мы должны сказать: берем ли мы отсрочку, которая нам, быть может, дана историей, и если берем, то берем ли мы ее как единая партия. Товарищ Бухарин легко отделался от раскола. А я думаю, что мы сейчас имеем право обратиться к вам и сказать, что в данный момент нельзя играть на формальной стороне. Возникает вопрос об отдельной газете, но всякий понимает, что при данной обстановке это—раскол. Вы расщепляете рабочий класс, вы ослабляете партию в тот момент, когда ей приходится взваливать на себя поистине грандиозную ответственность. Совершенно ясно, что громадное большинство рабочих боится высказаться за тот опыт, который вы хотите проделывать. Вы должны с этим считаться так же, как мы считались в октябре. Вы должны признать, что громадное большинство рабочих высказывается за нашу линию, мы должны склонить партию идти по тому единственному пути, который нам оставила история.

Бубнов. Товарищи! Тов. Ленин утверждал здесь, что мы, левые большевики, не представляем себе всех трудностей, перед которыми стоит международная революция, что мы ставим себе фантастические, а не реальные задачи, что наша позиция есть позиция революционной фразы. Я хочу, прежде всего, показать вам здесь, что мы, отстаивая нашу позицию, базируемся на тех положениях и на тех соображениях, которые когда-то развивались самым товарищем Лениным. В октябре месяце и на заседаниях Центрального Комитета нашей партии и в статьях т. Ленин утверждал, что мы стоим в преддверии всемирной пролетарской революции, что мы переживаем канун революции. Это было, товарищи, в начале октября, после того, как в Германии произошло восстание во флоте. Тогда тов. Ленин утверждал то, что я вам сейчас говорю, т.-е. что мы стоим в преддверии всемирной пролетарской революции. Вот и спрашивается: сделало ли с тех пор международное движение шаг вперед по пути этого третьего, как он говорил, периода в развитии международной революции? Можно смело утверждать: да, сделало. Это можно утверждать в виду целого ряда фактов, которые мы имеем. Грандиозные всеобщие стачки в Австрии и в Германии свидетельствуют именно о том, что международное движение сделало решительные шаги вперед. Ведь, если вы внимательно присмотритесь к этим стачкам, поскольку, конечно, можно было к ним внимательно присмотреться по тем описаниям их, которые

попадали в нашу прессу, то можно утверждать, что всеобщая стачка в Германии не имела достаточно силы для того, чтобы перейти в вооруженное восстание. Очевидно, что момент для этого не пришел. Но во всяком случае попытки такого перехода, попытки сочетания всеобщей стачки с уличной демонстрацией—с вооруженной борьбой—были. Таким образом, мы можем сказать, что если в октябре месяце, в конце сентября можно было говорить о преддверии революции в Западной Европе и в Германии, то теперь можно сказать, что революция подходит к более острому моменту, что она накапуне того, чтобы проявиться в самых острых классовых столкновениях, т.-е. в формах непосредственной гражданской войны. И если это действительно так,—а мы глубоко убеждены, что это действительно так,—то сейчас, в такой обстановке, когда не только назревает, но уже назрел революционный кризис в Западной Европе, когда мы имеем такую обстановку, что международная революция готовится перейти в самую острую, самую развернутую форму гражданской войны,—согласие заключить мир в такой обстановке нанесит удар делу международного пролетариата. Если все это так, то несомненно, что перед нами встанет та задача, которая с достаточной определенностью была формулирована в заявлении, в свое время поданном нами в Центральный Комитет. Ведь мы там весьма определенно сказали, что перед пролетариатом в настоящее время встала задача развития гражданской войны в международном масштабе. Товарищи, это не фантастическая, а вполне реальная задача. А если это так,—естественно, что перед нами встанет задача, которая формулируется двумя словами: революционная война.

Здесь, товарищи, нужно посмотреть на то, что думал тов. Ленин по этому поводу раньше. Нужно вам сказать, что тов. Ленин рассуждал на этот счет весьма определенно, что видно из целого ряда его заявлений: так, на первом Всероссийском Съезде Советов он утверждал, что революционная политика может поставить нас в такое положение, что мы вынуждены будем вести революционную войну. Правда, тов. Ленин говорил, что задача революционной войны не обязательно станет перед нами, но это его положение строилось на предположении, что английские империалисты едва ли смогут вести войну против нас. Только поэтому. А если этого не будет, то перед нами станет необходимость вести революционную войну. Когда тов. Ленин высказывался

против сепаратного мира, то его аргументация чрезвычайно близко подходила к аргументации, выдвигавшейся на одном из заседаний Центрального Комитета тов. Оболенским. Он говорил так: «Мы сепаратный мир отвергаем потому, что мы отвергаем его, как всякое соглашение с капиталистами». И нужно здесь, товарищи, отметить, что тов. Ленин представлял себе революционную войну именно в виде войны наступательной. Он говорил, что мы станем во главе всех угнетенных народов в борьбе против немецкого и против английского империализма. Таким образом, по существу то, что мы сейчас утверждаем, является не чем иным, как развитием тех положений, которые когда-то были выставлены тов. Лениным. Но, нужно сказать: мы прекраснейшим образом понимаем, что сейчас революционную войну в тех формах, в которых она представлялась нам в апреле или, скажем, в конце июля, в августе,—сейчас такую революционную войну вести нельзя. Нужно принять ее в той форме, в какой она возможна. И вот здесь опять-таки нужно сослаться на тов. Ленина, потому что в своих недавних тезисах, в начале января, он говорил относительно повстанческих столкновений. Таким образом, тов. Ленин, собственно говоря, развивал ту же мысль, которая в качестве совершенно здорового ядра была в той, быть может, неудачной формулировке, которую выдумал тов. Оболенский, сказав относительно полевой войны. Это и есть не что иное, как партизанская война. И тов. Ленин говорил относительно войны, относительно повстанческого сопротивления. Таким образом, в своих тезисах он предполагал такую возможность. И у нас теперь, действительно, революционная война возможна только в форме войны партизанской. Теперь против этого здесь выдвигается определенная аргументация. Тов. Ленин говорил нам, что в настоящее время войну вести нельзя, потому что массы воевать не хотят, крестьянство хочет мира. Вот здесь у меня возникает вопрос: с каких пор мы ставим вопрос так, как ставит его сейчас тов. Ленин? Когда-то на заседании Центрального Комитета перед октябрьским восстанием были товарищи, которые тянули нас к Учредительному Собранию и которые определенным образом указывали на армию и на крестьянство в подтверждение своих доводов относительно невозможности выступления. Нужно сказать, что сейчас, хотя и в иной обстановке, аргументация по существу такова же. Я напомню тов. Ленину, что этим самым товарищам определенно тогда указывалось, что крестьянство при-

соединится к рабочему классу тогда, когда он восстанет, когда он победит и когда он возьмет власть в свои руки. Тогда армия против него не пойдет, а крестьянство к нему присоединится. Так и оказалось. Оказалось что через несколько недель после октябрьского переворота крестьянин пришел в большевистский Смольный Институт и заключил с нами тесный революционный союз. Что здесь произошло? Именно то, что предполагал тов. Ленин, — что в сфере осуществления революционных задач внутреннего строительства страны беднейший крестьянин, пролетарий деревни, пойдет за пролетарием города. И нужно сказать, что здесь была одновременная ставка и на международную революцию и на мужика. Здесь очень не вредно напомним о том, что когда-то, еще на апрельской конференции, по этому поводу мы думали, что судьба и исход русской революции, помимо зависимости ее от развития пролетарской революции в Европе, зависит еще и от того, пойдет ли масса пролетарской деревни за буржуазией во главе с Милюковым и Гучковым или за рабочими. Вопрос этот после октябрьской революции разрешился в том смысле, что крестьянские массы, пролетарии деревни присоединились к рабочим.

Теперь, товарищи, аналогичная проблема стоит перед нами в другой обстановке. Перед нами сейчас задача развития гражданской войны в мировом масштабе. Мы имеем перед собой германский империализм, в качестве застрельщика империализма мирового. И, конечно, армия, которая будет в действительности способна вести против этого империализма революционную войну, создается в процессе партизанской войны. И здесь мы ставим ставку не только на международную социалистическую революцию, но и на мужика, в том самом смысле, что нам нужно в процессе борьбы против мирового империализма втянуть в нее мужика. И нужно сказать, что только партизанская борьба и может к этому привести, потому что германский империализм непосредственно замахнется на мужицкую землю. Таким образом и здесь произойдет это вовлечение мужика в процесс борьбы, как это имело место в сфере внутренней политики. Там мы не делали ему уступок, вели его за собой, поднимали до себя. Так и здесь мы должны поднимать его до себя, приобщать эту крестьянскую полу-пролетарскую массу к рабочим, борющимся против мирового империализма. Мы ни одной секунды не думаем о том, что эта задача легка. Она трудна, но она поставлена всем ходом развития международной революции, и мы должны ее принять.

В заключение я должен остановиться на одном маленьком аргументе. Тов. Ленин несколько раз проводил параллель между положением в 1907 году и теперешним. Нужно сказать, что при некотором сходстве обстановки здесь имеется серьезное различие. Тогда мы были принуждены, как говорит тов. Ленин, «пройти через хлев столыпинской Думы». Революция была разбита, и мы стояли перед длительным периодом будней,—что, действительно, и оказалось на самом деле. Сейчас мы, несомненно, стоим перед таким моментом, когда борьба в Западной Европе готова вылиться в самые острые формы, а, следовательно, аналогии здесь быть не может. Поэтому нельзя утверждать, будто бы, как тогда мы должны были пройти через хлев столыпинской Думы, так и теперь мы должны пройти через хлев большего масштаба, через насильнический, аннексионистский и империалистический мир. Нет, раз в Западной Европе назревает революция, раз мы можем утверждать, что эта революция сейчас подходит к периоду обостренной гражданской войны,—то, несомненно, мы должны сказать, что через этот хлев мы идти не должны и мир аннексионистский, мир империалистический мы принять не можем.

Председатель. Слово принадлежит тов. Смилге.

Тов. Смилга. Когда в январе на расширенном собрании Центрального Комитета вместе с партийными работниками у нас обсуждался вопрос о мире, соотношение сил в нашей партии было тогда приблизительно таково: нас, сторонников мира—мира скверного, но мира постольку, поскольку мы демобилизовали армию, а возможность германского наступления не была исключена,—нас в партии и на этом собрании было меньшинство. Большинство собрания тогда стояло определенно за революционную войну, говоря, что, мы, дескать, из-за соображений нашего внутреннего положения и положения международного, не должны ни в коем случае идти на мир,—должны прервать в Бресте переговоры, сделать все, что возможно, чтобы закончить работы в Бресте, который нами использован в смысле агитационной трибуны,—и, в конце концов, начать борьбу с немцами под новыми лозунгами, под новыми знаменами. Была и средняя точка зрения, получившая свое выражение в акте, совершенном нашей делегацией перед разрывом переговоров в Бресте, т.-е. линия, согласно которой мы и войны продолжать не будем, но и своей подписи под каким миром не поставим,—таким образом, русская делегация не приложит, дескать, к этому поганому, грязному миру своего штем-

пея. Я полагаю, что сторонники революционной войны были тогда глубоко убеждены в том, что немецкие войска наступать не будут, что раз мы порвем эти переговоры, и раз немцам придется сейчас же выделять военную силу против нас, то это, несомненно, вызовет противодействие в Германии со стороны рабочих масс, и таким образом создастся такой острый конфликт, который, может быть, перейдет в гражданскую войну, в революцию, которая во всяком случае не даст возможности германцам на нас наступать. Я думаю, что и эти товарищи не исключали возможности наступления, но они полагали, что мы, может быть, сумеем отразить сопротивление, создав, так сказать, в высшей степени запутанную политическую обстановку, что, опираясь на те силы, которые у нас все-таки имеются, мы, может быть, и могли бы повести революционную войну, конечно, не наступательную, но революционную войну со знаменами и лозунгами «в Берлин», «до полного сокрушения германского империализма», — но им казалось, что мы могли бы поддерживать состояние войны с Германией. Таким образом мы способствовали бы развитию и возможно быстрому развитию международной революции. Сейчас вдаваться в критику той позиции, которая была запята в этом вопросе нашей мирной делегацией, нашей партией, особенно ей приходится. Надо прямо и откровенно сказать, что за эту позицию мы получили основательную затрепину, и теперь об этом, конечно, не стоит говорить. Средняя позиция у нас вообще уничтожена, остаются две позиции: или немедленно ратифицировать договор, или не ратифицировать его, сказав 12-го числа, что мы договора этого не подписываем и опять вступаем в состояние войны с Германией.

Товарищи, я довольно хорошо знаком с нашим фронтом, я даже очень близок к одной группе наших военных сил, — к морским силам и к финляндскому гарнизону, — к гарнизону, который в смысле организации и в смысле революционной выдержки был, может быть, впереди нескольких других фронтов. Но уже в ноябре месяце на последнем общефинляндском съезде для нас было совершенно ясно, что даже эти, самые лучшие элементы нашей армии, нашего флота абсолютно к войне неспособны. Когда мы принимали резолюции в связи с III Всероссийским Съездом Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, предлагая присоединиться союзникам к нашим условиям мира, к мирным переговорам, — мы знали, что в случае отказа мы решим

свою судьбу одни и немедленно заключим сепаратный мир,—ибо для нас было совершенно ясно, что уже в то время тогдашнее состояние армии абсолютно не позволяло думать о том, что мы в какой-нибудь степени способны еще оказать сопротивление в смысле боевом, в смысле войны.

И теперь, когда армия демобилизована, когда мы имеем зачатки Красной армии, которая, надо сказать, показала себе, как революционный материал, как социалистический материал, показала, что это действительно прекрасный боевой материал,—но ее первые шаги с такой же наглядностью показали, что это—материал совершенно необученный, недисциплинированный, неорганизованный, не умеющий стрелять. Когда уходили отсюда, из Питера, солдаты-красногвардейцы, я обратился в трамвае к одному красногвардейцу и спросил его: «Вы уже обучены, или нет?» Мне ответил молодой рабочий: «Мы только что с завода, взяли себе винтовки и пошли». Конечно, защищая революцию, они готовы сделать все возможное, но, во всяком случае, по сравнению с организованными германскими войсками, это—не серьезные противники. Если теперь говорят, что первый артиллерийский выстрел вызовет в наших рядах панику, то много совершенно и ожидать было нельзя. И исходя из конкретной обстановки, мы должны сказать, что в данном случае воевать мы неспособны, что если германцы бросят на нас даже не корпуса, но только лишь 3—4 дивизии,—а у них дивизия снабжается кавалерией и артиллерией,—то они разобьют нашу армию, даже в десять раз более многочисленную. Для всякого человека, хотя бы мало-мальски знакомого с военным делом, это совершенно очевидно, так что в данном случае все попытки указывать на партизанские отряды, на способность их противостоять немцам,—есть не что иное, как совершенно несерьезные попытки, которые можно назвать только самособлазнением, иллюзией, фантасмагорией в то время, которое мы сейчас переживаем. Но, может быть, действительно, если бы мы, как русская революция, как русский пролетариат, хотели погубить себя в этой войне, в которой нет шансов на успех, то мы должны хоть где-нибудь побеждать; если мы должны это сделать для международной революции,—и если необходимость последнего была бы доказана совершенно серьезными аргументами,—может быть, в нашей среде не было бы противников этой точки зрения. Хорошо, если бы было доказано, что с гибелью русской революции, имеющей уже большой опыт, дело международ-

ной революции сильно улучшится,—что там гражданская война уже принимает такие формы, что она спихнет Гипденбурга и Гофмана и передаст власть — не Либкнехту, а Шейдеману и т. д., что они прекратят войну с нами и начнут давить хвоею буржуазию и т. д., а в результате мы восстанем, или, как выразился Троцкий, если мы погибнем, нас выручит пролетариат международный. Если бы это было можно взять осязанием, как нечто реальное, вопрос был бы другой. Но этого нет, и на это глаза закрывать нечего. Прав, совершенно прав товарищ Ленин, что международная революция только еще зреет... Пока она еще не созрела.

Если наша революция погибнет под ударами германского империализма, то и Советская власть будет разрушена. Для меня совершенно ясно, что отступление в Москву и на Урал и непосредственная война с Германией и Австрией будут гибельны для нашей революции. Даже несколько военных разгромов могут стать гибелью для революции. Для меня это совершенно ясно. Нам приходится сейчас говорить об отступлении. Надо идти на подписание этого самого мира, надо отступать сейчас серьезно, готовясь к войне и организуя страну. При современном положении эти военные разгромы уже не отступление, а политическое бегство в глубь России. Это будет бегство не наших властей, а бегство разсеченных большевистских и лево-эс-эровских партизанских отрядов. При этом из наших рук вывалится вся государственная машина. Благодаря этому на известный период русская революция будет закончена. Каковы же плюсы в результате всего этого получаются для международной революции? В процессе своей революции ей придется воссоздавать, отыскивать, помогать нам оправиться от поражения, однако, по всем вероятностям, в этом революция нам не поможет. Пока мы еще живы, пока Советская Республика остается Советской Республикой, которой, правда, нанесена рана в грудь, которая принижена продиктованными ей зверскими условиями мира, которая вынуждена согласиться на этот мир,—все же она может готовиться к отпору; сохраняя все то, что дала Октябрьская революция. Ни один из сторонников революционной войны или обороны, как теперь их называют, ни один из них не сказал, что мы хотя в малейшей степени готовы к обороне. Несколько военных разгромов, в силу создавшегося положения, неизбежно подорвут и уничтожат нашу политическую власть и реставрируют кого-угодно.

Тов. Бубнов, в своей речи, развивал старую мысль, что мы должны подымать до себя наше крестьянство. Это, конечно, мысль очень справедливая, но надо учитывать общие условия и интересы того класса, который мы думаем поднимать до себя. В Октябрьской революции слились два потока: с одной стороны, проводилась ликвидация помещичьего землевладения, с другой—крестьянство дало нам возможность в городах расправиться с буржуазией и банками. Теперь крестьянство, получившее эту землю, еще покрытую снегом и льдом, и не почувствовавшее еще осязательно пользы этого захвата, и наши солдаты, идущие в деревню, заявляют, что воевать на фронте они не желают и не могут, но готовы у себя на местах вести борьбу с буржуазией. Когда весной крестьянство засеет эти отнятые у помещиков земли, тогда оно почувствует, что эта земля действительно принадлежит ему и находится в его руках. Если бы после этого мы были поставлены перед необходимостью воевать,—а от войны мы не зарекаемся, возможно, что война в самом близком будущем неизбежна,—тогда мы могли бы апеллировать к этой крестьянской массе и найти должный отклик. Это совершенно ясно. Крестьянство было бы тогда в состоянии бороться, оно понимало и чувствовало бы, что другого выхода нет. Даже больше: уже теперь псковские крестьяне почувствовали, что немцы восстанавливают в правах помещиков, и они борются. Однако вести войну только Петербургу и Пскову немисливо, а в остальной России этого процесса перелома в настроении еще не произошло. Если говорят о том, что для нас важен и необходим союз с крестьянством, то в данном случае, определяя нашу внешнюю политику, мы должны особенно учитывать то обстоятельство, что Россия—страна крестьянская и русскому пролетариату приходится с этим конкретным соотношением сил считаться. Поэтому сейчас я полагаю, что у нас другого выхода, чем подписание мира, нет и быть не может. При создавшемся положении этот выход наиболее целесообразен, ибо рассчитывать в ближайшем будущем на помощь международной революции ни в коем случае не приходится. В силу этого необходимо заключить мир, заключить этот скверный мир и направить все силы на организацию страны. Я подчеркиваю, что активных сил внутри страны у нас очень много. Когда мы сумеем организовать хозяйственную жизнь в сколько-нибудь приемлемом виде, когда крестьянство справится до известной степени с аграрным вопросом; засеет землю, мы

немного подкормим города, почистим, поправим организм страны, тогда мы будем говорить серьезно о войне. В настоящем же положении война будет не революционной войной, поднимающей международное рабочее движение, а будет войной истребления русского пролетариата во вред международной революции. (Аплодисменты.)

Тов. Радек. Товарищи, здесь и т. Ленин и предыдущий оратор указывали на то, что в Бресте была совершена большая ошибка, и что теперь нам приходится тяжело расплачиваться за эту ошибку. Если мы хотим уяснить себе невозможность, неприемлемость политики, которую предлагает тов. Ленин, надо анализировать нашу прошлую политику, начиная с октябрьских дней. При этом окажется, что в Бресте не только не было никакой ошибки, но все случившееся было абсолютной необходимостью, которую чувствовал сам тов. Ленин.

Когда Октябрьская революция совершилась, никто не думал, что немецкий империализм оставит нас в покое; наоборот: всякий прекрасно понимал, что этот роковой вопрос,—вопрос о войне останется во всей силе, это понимали и центр и рядовые работники, рядовые члены партии. И в тот момент перед партией стояли те же два пути. Первый путь,—это заключение компромиссного мира с немецкими империалистами. Почему же тогда ни тов. Ленин, ни кто-либо другой из членов Ц. К. не стал на путь компромисса, не пробовал серьезно готовить его? Тов. Ленин приписывает многим из нас мысль о том, что немецкая революция уже начинается. Я утверждаю, что таких товарищей, которые считали бы, что немецкая революция—вопрос одного дня, нет среди нас. Никто из нас не считал ее таким легким делом, всякий понимал, что это длительный процесс, который может закончиться победой или поражением. Т.т. де-кисы не решились тогда вступить на путь компромиссного мира, сделки с немецкими империалистами. Они поступили так, потому что понимали невозможность заключения такого компромисса, не на основании метафизических рассуждений, а просто на основании анализа фактов. В чем собственно мог состоять такой компромисс? Выбрав этот путь, мы должны были бы сказать немцам в Бресте: «Господа, вы требуете такую-то территорию, по-нашему границы должны идти по линии Немана и Двины, мы требуем от вас отказа от известных ваших территориальных требований, а взамен мы вам дадим хлеб, уголь и железо, которое вам очень нужно, пойдем

на возмещение убытков, которые вы понесли и т. п.». Однако такая постановка вопроса была бы абсолютно немыслимой, так как Советская власть, бросившая оземь русскую буржуазию, не могла предложить чужой буржуазии сделку за счет интересов рабочих масс. Советская власть не могла в тот момент, когда она начала проводить национализацию индустрии, начала бороться с частным капиталом, предоставлять немцам какие-либо привилегии. Она этого не могла делать. Поэтому была отправлена делегация в Брест, которая вплоть до января месяца вела определенную политику, так как товарищи из Ц. К., с тов. Лениным во главе, стояли на точке зрения демонстративной политики мира, политики возбуждения масс в Европе. Я напомню тов. Ленину, что, когда пришли из Бреста сведения о больших демонстрациях в Австрии и Германии, я спросил его, как он смотрит на общее положение и он ответил одним словом—«рвать». Мы были в Бресте и видели делегацию Украинской Рады, которая каждую минуту могла заключить предательскую сделку за наш счет и пристав нас. Тогда было очевидно, что если Советская власть считала возможным и нужным компромисс с немецкими империалистами, то нельзя было идти войною и на Раду. Если бы мы хотели компромисса, то необходимо было предложить Раде сделку в России, чтобы она в Бресте не нанесла нам в спину предательского удара. Этого не было сделано, но разве это было ошибкой? Нет, товарищи, Советская власть понимала, что, создав в России Советы, помогая рабочим на Украине создавать такие же Советы, она не могла себя кастрировать, не могла тормозить ход русской революции. Наша внутренняя политика, наше отношение крестьян к борьбе нашло себе самое рельефное выражение в разгоне Учредительного Собрания. И я спрашиваю всех товарищей в нашей партии, относящихся вдумчиво к текущим событиям, усилили мы свои шансы в Германии, разогнав Учредительное Собрание? Нет, этим мы дали материал для агитации против нас, как насильников, мы усилили мысль о том, что мы сидим на штыках—и тем не менее, мы должны были разогнать Учредительное Собрание, потому что иначе буржуазия взяла бы власть в свои руки. Логическим следствием всей нашей внутренней политики было то, что мы в Бресте не могли идти на сделку, мы только могли будить рабочие массы в Европе. Другого выхода не было. Когда здесь тов. Ленин и другие говорили о большой ошибке, допущенной в Брест-Литовске, о потере 1.000 пушек,

они упустили из виду, что это демонстративная политика в Бресте вызвала всеобщую забастовку в Германии, которая была первым пробуждением европейского пролетариата за все время войны,—факт, которого не знает история Германии и Австрии. Вот в чем наше спасение. Неужели (вы думаете, товарищи, что если бы Троцкий в Бресте сказал: «хорошо, будем торговаться», это подняло бы немецких рабочих? Понятно, что революционное настроение в Западной Европе поднимала только наша борьба, она сделала возможной забастовку. Даже шовинистская немецкая пресса должна была признать, что пролетариат Германии—против Гинденбурга и за Троцкого. Наша политика в Брест-Литовске не обалкотилась, не была какой-то иллюзией, она была реальной революционной политикой. Теперь, когда забастовка ликвидирована, ставят вопрос, почему мы тогда не заключили сделки. Снова единственно потому, что мы могли капитулировать только тогда, когда революция была брошена оземь, когда враг приставил револьвер к виску. Если вы теперь заключите этот мир, против которого я протестую, я сочту его большим несчастьем, но все же это не будет нашим 4-го августа. Если вы теперь это делаете, то все же никакого предательства и позора не будет, так как каждый поймет, что нас разгромили. Если бы вы сделали это без потерь, без наших поражений, тогда, товарищи, это было бы позорным миром; теперь же каждый может оценить положение, видя наше бессилие в военном отношении.

Здесь говорили, что мы фразеры и мечтатели, так как предполагали, что немцы не пойдут. Я прошу показать хотя бы одну статью, в которой я утверждал, что немцы не пойдут. Мы старались продолжать эту борьбу, мы были правы, утверждая, что крупных сил у немцев нет. Немецкая официальная пресса доказывала, что возможна сделка с Россией без формального мира. Об этом свидетельствует, между прочим, и официальный протест австрийского правительства, который теперь имеется в наших руках. Немецкая буржуазия и правительство колебались, и только 18-го на совещании с Гинденбургом было принято решение о наступлении. Исторически неверна ваша характеристика Брестского акта, как авантюры. Брестский акт мог иметь двойного рода последствия: или за ним могло последовать нападение на нас,—и тогда нам пришлось бы подписать мир и выиграть время, или не подписывать его, — или же наступление не имело бы места. Если бы нападение не имело места, то мы шли бы

самым лучшим путем, не припав ответственности, и в этом случае мы все-таки продолжали бы войну. В случае нападения мы могли выбрать одну из возможностей: или подписать мир, что предлагали вы, или отступать и организовывать защиту, что предлагаем мы. Упрекать Троцкого можно единственно только в том, что после Брестского акта он перешел на другую сторону и воздержался при голосовании. Народному Комиссару Российской Республики нельзя воздерживаться от голосования в вопросе о войне и мире. В этом мы имеем право упрекать т. Троцкого, и мы его упрекаем. То, что происходило в Бресте до последнего дня, это была не фраза, а революционная политика, направленная к пробуждению рабочих всех наций.

Но что делать теперь? Нам указывают на то, что мы оппозиция, мы в меньшинстве, поэтому мы бросаем слова. Да, теперь мы в меньшинстве, но несколько дней назад все были убеждены, что большинство рабочих Советов пойдет за нами. Мы понимали, что в такой момент нельзя бросать лозунги и революционные фразы, не продумав до конца всего того, что мы предлагаем. Когда мы говорили о партизанской борьбе, то тут не было никакой фразы. Знайки военного дела сходятся в том, что если правительство решится оставить Петроград и уехать подальше, в глубь страны, оно в состоянии создать военные кадры в продолжение 3 месяцев. За это время немцы не будут в состоянии идти в глубь страны, ввиду международного положения, ввиду положения дел на Западе. За это время мы будем в состоянии создать силу, которая будет затягивать войну, защищаться. Это не будет трудно для Советской власти. Таким образом, создается новая сила и новая борьба, в которой мы оживем. Последнее время наблюдается у нас не слабое оживление организационной работы, как говорил т. Ленин, а полный маразм. Товарищи из Ц. К. говорят о необходимости серьезно готовиться к войне, но этого, к сожалению, не делается. Мы очень боимся, что и в ближайшем будущем не будет делаться, потому что эти разговоры совершенно несерьезны. Сейчас т. Ленин выступает и говорит немцам: «вы нас бросили оземь, но мы будем в будущем бороться». Этим самым вы даете немцам право при первых разногласиях с документами в руках сказать, что мы подготовляем новую войну, и снова поджигать шовинистские настроения. Понятно, не от ваших аргументов зависит то, что они будут делать, но вы даете им возможность снова хитрить. Серьезная защита состоит в том,

что теперь же необходимо провозгласить идею реванша. Если вы хотите защищаться в будущем, то уже теперь надо, стиснув зубы, приготавливать оборону. В момент опасности нужно кричать и будить массы, но во время подготовки к борьбе надо серьезно, спокойно, тихо организовывать работу и надо подбирать для нее подходящих людей.

Товарищи, мы здесь не бросали никаких революционных фраз. И открыто заявляю, что не подписав этот мир теперь, мы можем все же с чистой совестью защищаться: это не предательство ни польских ни латышских рабочих. Возможно, что нас ожидают еще худшие испытания, но они все же не страшны. Если же мы подпишем условия мира и примем их, то, слыша призывный клич на помощь, мы будем вынуждены молчать. Тогда нам будут говорить: «вы нас звали на борьбу, а теперь оставили коршунам немецкого империализма на растерзание». Мы будем слышать, как расстреливают наших товарищей-партизанов, и будем вынуждены молчать. Дело не в предательстве, а в том, что вы серьезно вредите пролетарскому движению, ибо немцы уже готовят десант в Финляндии. Через несколько дней десант этот будет совершившимся фактом, так как очень скоро уже откроется навигация. Вы не выполните вашего обязательства и не будете иметь нового военного аппарата. Рабочий класс будет развращен вами же, потому что вы звали на бой и сразу же распустили по домам. Тогда немцы подойдут к Петрограду со стороны Пскова и со стороны Финляндии. Нет ничего более опасного, чем иллюзии после поражения. Эти иллюзии в равной степени опасны даже для всех реальных политиков революции. Я думаю, что в этом роковая ошибка, за которую всем нам, тов. Ленин, придется расплачиваться, а не Брестский акт. (Аплодисменты.)

Тов. Сокольников. Тов. Радек занялся историческими изысканиями. Я думаю, никто не станет сомневаться в пользе такого рода исторических обзоров, но, по моему мнению, тов. Радек, оценивая работу, которая была проделана в Бресте, приписывает противнику свою собственную точку зрения, и целый ряд его утверждений совершенно неправильны. Мы никогда не говорили, что вся та работа, которая была проделана в Бресте является ошибкой, что будто бы не надо было становиться на этот путь. Нисколько. Мы утверждаем только, что Брестская тактика могла вестись в определенных условиях места и времени.

что она была целесообразна до известного момента, и что, когда настал момент решения, необходимо было решиться и поступить так или иначе. Здесь никем не отрицалась правильность того пути, по которому в свое время шли товарищи в Бресте; теперь, при изменившихся условиях, нужно поставить вопрос о том, какую тактику избрать теперь, для пылешнего дня.

На этот вопрос совершенно не отвечают сторонники революционной войны. Если стоять на той точке зрения, что сожительство бок-о-бок российской социалистической революции и немецкого империализма неизбежно вызовет революционную войну, то почему было вообще не начать революционную войну на другой день после октябрьского переворота? Я спрашиваю тех, кто защищает брестский путь, я спрашиваю их: почему они вообще стояли за какие бы то ни было переговоры с немцами, почему они соглашались на перемирие, раз по их формуле абсолютно несовместима социалистическая революция с немецким империализмом, раз неизбежна революционная война с того момента, как возникло такого рода соседство? Ясно, что в таком случае надо было еще 25 октября открыто объявить революционную войну немецким империалистам и открыто провозгласить задачей русской революции поход в Берлин с целью низвержения власти Вильгельма. Сторонники революционной войны возражают нам, главным образом, потому, что их формула революционной войны совершенно ясно за последние 3 месяца вскрыла действительное свое содержание. Защитники революционной войны признали бы возможным сообщество социальной революции в России и немецкого империализма в том случае, если бы они были разделены пограничной линией, которая оставила бы за нами Польшу, Литву, Курляндию, Эстляндию, Лифляндию и т. д. Если бы по эту сторону границы лежали Польша, Литва и т. д., то в таком случае не нужно было бы вести революционную войну. Если же и эти земли лежат по ту сторону границы, то революционная война необходима и неизбежна. Сторонники революционной войны в действительности стоят на такой позиции: «отдайте нам Польшу, Литву и пр., если не отдадите, то мы объявляем революционную войну». Это абсолютно недопустимая точка зрения, ибо в действительности здесь нет той пролетарской революционности, которая заставляет высказаться за революционную войну против немецкого империализма во имя помощи социалистической революции на Западе.

Можно доказать на основании заявлений, которые делались. Радеком, что сторонники революционной войны, которая теперь нам предлагается, отнюдь не смогут утверждать, что это есть революционная война во имя социалистической революции. Это есть война потому, что не удался мир без аннексий и контрибуций, как на это надеялись сторонники определенной точки зрения. Далее, мне бы хотелось сейчас привести кое-какие конкретные факты, которые позволят рассеять усиленно распространяемую сторонниками революционной войны иллюзию о том, будто наша точка зрения есть точка зрения мешечников, есть крестьянская точка зрения, а их точка зрения,—есть точка зрения пролетарской революции. Товарищи, я имел возможность посетить Исковский фронт и наблюдать его, и я должен вам сказать,—в действительности там соотношение двух элементов—крестьянского и пролетарского отнюдь не таково, каким вы его себе представляете. Отнюдь нельзя сказать, что там крестьяне стоят за мир с немцами, что крестьянская стихия, в подчинении которой нас уверяют, высказывается за соглашение с германской Империей и только пролетарский элемент идет на немецкие пушки. Нет. На фронте как раз соотношение таково, что крестьяне, озверев, лезут с оружием на немцев потому, что немцы отбирают у них коров, лошадей, сапоги и пр. Как раз эта крестьянская стихия в ослеплении идет драться против немцев для того, чтобы мстить им за отнятых лошадей, коров и сапоги. Мы видим полную тождественность того идейного материала, из которого развивается эта крестьянская, партизанская война, и точки зрения сторонников революционной защиты: «Отдай мне сапоги, лошадей и коров, иначе я объявлю революционную войну». Да, товарищи, эта точка зрения крестьян, которые борются за свою собственность, и эти именно предпосылки лежат в основе теории революционной войны. Наоборот, как раз пролетарским элементам трудно работать на фронте, ибо они отлично понимают, что принять сейчас непосредственный бой с немецкими войсками, это значит идти на верное поражение. Один из стоящих на фронте рабочих Шлиссельбургского завода сказал именно таким образом: «если бы теперь не был заключен мир, мы все пошли бы наступать на Исков, и мы все до последнего человека погибли бы, но каждый из нас перебил бы, по крайней мере, по 20 немцев». Вот какова точка зрения рабочего, который был на фронте. Рабочие отлично понимают, что борьба теперь совершенно безна-

дежна, что вести войну теперь—значит воевать не во имя победы, а во имя смерти. Именно у рабочих господствует мнение, что надо подготовить революционную войну, что нужно создать соответствующие условия, организовать страну, и лишь тогда действительно возможна была бы революционная война, и были бы какие-либо шансы на успех.

Мы не можем, конечно, отрицать того, что между социалистической страной и страной империалистической, поскольку в одной существует Советская власть, а в другой — буржуазная империя, война неизбежна. Но из этой алгебраической формулы, повторяю, отнюдь не следует, что эта война должна быть начата сейчас же, как из нее не следовало, что война должна была быть начата 27 или 25 Октября. Наш анализ событий говорит, что эта война неизбежна, но вместе с тем, это не значит, что мы, подписав вчера мир, должны сегодня же начать эту войну. Я вполне согласен с т. Радеком, подписываюсь под каждым его словом о том, что мы должны с сегодняшнего же дня начать организацию своих сил для того, чтобы не импровизировать отрядов, которые немцы могут смести шутя. Все, что у нас имелось на фронте трудящегося, рабочего, социалистического, в смысле задержки немецкого наступления нами уже использовано. Мы должны прямо сказать, что у нас нет армии, мы не можем организовать никакой защиты, мы стоим совершенно безоружными. Наша задача—создать хотя бы какие бы то ни было вооруженные силы для того, чтобы иметь возможность принять бой. А в настоящее время мы должны открыто сказать, что никакой возможности принять этот бой мы не имеем. Вот почему я подписываюсь под каждым словом т. Радека, когда он говорит о том, что наша задача состоит в подготовке этой революционной войны. И здесь мы, т.-е. те, которые стоим на точке зрения пролетарской революционности, а не на точке зрения крестьянского партизанства, учитываем силы и считаем необходимым иметь определенный политический план. Я говорю, что сейчас наша задача должна состоять в уклонении от боя, в умелом маневрировании. И в то же время мы должны начать немедленную подготовку такой армии, которая должна быть способна на действительный вооруженный отпор, на действительное сопротивление. Ясно, что в связи с этим у нас должен произойти известный перелом. Наша армия, которая стояла на фронте, и папическое бегство, которое я наблюдал собственными глазами,—

совершенно разложилась. Десятки тысяч солдат бежали перед несколькими сотнями немцев, бросали свои пушки, броневики, колоссальные средства, которых было совершенно достаточно для того, чтобы не допустить дальнейшего продвижения немцев. Эта армия устала, она, в действительности, не выражала даже настроения крестьянства, которое сказывается, когда крестьянство сознает вполне, — как оно осознало это в Пскове, — что представляет из себя нашествие иноземного завоевания.

Здесь одни представляют дело так, что немецкое завоевание есть поход с целью восстановления у нас до-революционного строя. Это так. Это совершенно правильно. Но было бы ошибочно не замечать того, что немецкое наступление имеет и другой смысл. Оно совершается сейчас немцами, которые преследуют цели военной оккупации не только потому, что они являются агентами международного империализма, но и потому, что они являются одной из сторон, которая в настоящее время ведет борьбу с другою коалицией. Немцы наступают сейчас и оккупируют колоссальные районы, главным образом, для того, чтобы иметь возможность продолжать борьбу на другом фронте. Поэтому немецкое наступление на Россию приобретает характер совершенно невиданного по своей откровенности разбойничества. Если бы немецкие войска шли сюда только как агенты международного империализма, только для того, чтобы восстановить здесь у нас буржуазный порядок, то мы могли бы сказать, что карта наша бита. Но я повторяю, что они идут сюда для того, чтобы иметь возможность продолжать наступление на Западном фронте. Поэтому их наступление превращается в трижды грабительское наступление. Этим они вооружают всех против себя. Когда мы ехали в Брест, то и крестьяне и пролетариат ожидали совершенно пассивно наступления немцев. Когда мы возвращались, мы видели крестьянское восстание против них. То же самое будет и по всей России.

Наша задача организовать силы для того, чтобы наступающему врагу дать отпор, который привел бы к победе, а не к бесплодной смерти, не к бесполезному избиению пролетариата.

Тов. Троцкий. Товарищи, мы подводим итоги тому периоду, который обнаружил несоответствие в темпе развития нашей и западно-европейской революции. Несомненно, что все мы были большими или меньшими скептиками, но мы все без исключения представляли себе, что темп европейской революции должен при-

ближаться к размаху нашей революции. Несомненно, что все мы, без исключения, полагали, что самый факт нашей октябрьской революции со всеми дальнейшими вытекавшими из этого факта последствиями—с нашими социальными мероприятиями, с разрывом старых договоров, с их опубликованием, с открытым предложением мирных переговоров,—что все это послужит прямым и непосредственным толчком для развития брожения в Западной Европе. Мы полагали, что это потрясение, ослабля твердыню европейского капитализма, создает для нас новую, усиливающуюся с каждым днем опору в нашем наступлении против русской буржуазии и буржуазии европейской. Здесь обнаружилось известное несоответствие, корень которого лежит очень глубоко: в отсталости нашей страны, в том, что наша страна, будучи бессильной выдержать эту длительную мировую войну, была вовлечена в круговорот империалистической войны.

Из этого острого несоответствия выросла раньше, чем в других странах, задолго до европейской революции наша революция. Она не нашла на первой же стадии своего развития необходимой поддержки. Отсюда все те глубочайшие тактические затруднения, перед которыми мы стоим. И сейчас—эта мысль может показаться теперь стертой монетой, однако и сейчас она остается во всей своей силе,—сколько бы мы ни мудрили, какую бы тактику ни изобретали, спасти нас в полном смысле слова может только европейская революция.

Я воздержался от голосования в Центральном Комитете, при решении этого важнейшего вопроса по двум причинам: во-первых, потому, что я не считаю решающим для судеб нашей революции то или другое извне отношение к этому вопросу. Я не считаю его решающим. По вопросу о том, где больше шансов: там или здесь,—я думаю, что больше шансов не на той стороне, на которой стоит тов. Ленин. Об этом я скажу далее. Но вместе с тем я думал и думаю, что та политика, которую отстаивает так называемая оппозиция,—политика революционной войны для того, чтобы быть действительно примененной на деле, требует фракционного единодушия, единодушия всех оттенков партии,—это прежде всего. Нельзя вести войну против немцев и против нашей буржуазии, преодолевая косность широких слоев отсталой народной массы, и в то же время иметь против себя половину или большую часть партии, с Лениным во главе. Прежде, чем вернуться к этому моменту, я должен в двух

словах указать на смысл предшествующей международной политики.

Несомненно, что если иметь в виду простую передышку для нашего внутреннего строительства или для того, чтобы получить благоприятные материальные условия, мы должны были бы заключить мир в ноябре. Тогда мы могли бы получить от немцев самый лучший мир, потому что мы первые пробили брешь в рядах врагов Германии. Но никто из нас на этой точке зрения не стоял. Все, в том числе и тов. Ленин, говорили: «идите и требуйте от немцев ясности в их формулировках, уличайте их, при первой возможности оборвите переговоры и возвращайтесь назад». Все мы видели в этом существо мирных переговоров, а не в революционных фразах. Перед последней поездкой в Брест-Литовск, мы все время обсуждали вопрос о дальнейшей нашей тактике. И только один голос в Центральном Комитете раздавался за то, чтобы немедленно подписать мир: это голос Зиновьева. Он говорил совершенно правильно с своей точки зрения, я с ним был вполне согласен. Он говорил, что оттягиванием мы будем ухудшать условия мира, подписывать его нужно сейчас. Но большинство сказала: «нет, продолжайте ту же политику агитации, затягивания и т. д.». Однако, поставив вопрос о необходимости немедленного подписания мира, Зиновьев уже опоздал. Когда мы приехали в Брест-Литовск в последний раз, нам уже не пришлось затягивать переговоры: немцы затягивали сами, не устраивали заседаний, потому что налицо был уже новый факт—готовность к предательству со стороны Киевской Украинской Рады. Им нужно было иметь признание Украинцы независимой республикой, для чего они посылали делегацию Украинской Рады в Киев. Им нужно было достигнуть законченного мира с Украиной, чтобы поставить ультиматум нам. Мы знали тогда, что сейчас заключение сепаратного мира не означает мира в точном смысле этого слова, все же мы думали, что теперь с Украинской Радой, потерявшей к тому времени Киев, будет не формальное завершение дела, а что речь идет лишь о хлебе и других естественных богатствах страны. Повторяю, если бы мы действительно хотели получить наиболее благоприятный мир, мы должны были бы согласиться на него еще в ноябре. Но ни один голос—ни в Центральном Комитете, ни вообще в нашей партии—не поднимался за это: тогда мы все стояли за агитацию, за борьбу в пользу мира, за революционизирование германского,

австро-венгерского и всего европейского рабочего класса. При этом мы рассчитывали главным образом на развитие революционного движения в Западной Европе. В последний момент в Брест-Литовске мы получили сведения о стачках в Германии и в Австрии. Спрашивается, должны ли мы были при этих условиях поставить на испытание силы германского пролетариата, его политическую сознательность, его способность к борьбе? Я считаю, что мы должны были прежде всего признать невозможность подписания мира.

Мы должны были сделать последнюю попытку, и здесь тов. Ленин был против этого, но он был против этого не с такой энергией. Однако те товарищи, которые обвиняли нас за Брест-Литовскую декларацию, были тогда с нами. С этим необходимо считаться. Если бы меня заставили продолжать переговоры с немцами, я 10-го января повторил бы то же, что я сделал. Я не поехал бы в Брест-Литовск. Я считал бы абсолютно недопустимым подписать в тот момент мирный договор, хотя бы для меня было ясно, что каждый день затягивания ухудшает условия мира. Почему? Потому, что все наши предшествовавшие переговоры с немцами и наша агитация имели революционизирующий смысл лишь постольку, поскольку их принимали за чистую монету. Я делал сообщение во фракции на 3-м Всероссийском съезде Советов о том, как бывший австро-венгерский министр Град говорил, что немцам только нужен повод для того, чтобы поставить ультиматум. Им казалось, что мы напрашиваемся на ультиматум. Наша позиция во время брест-литовских переговоров изображалась нашими тирадами и темными полусознательными друзьями, как игра с заранее predetermined решением, игра на то, что мы идем к сепаратному миру, что мы заранее обязываемся подписать все, что мы разыгрываем революционную комедию. При таком положении, нам, с одной стороны, грозила потеря Ревеля и других местностей, с другой стороны, нам грозила потеря симпатий со стороны французского и английского пролетариата или значительной части его, если мы подпишем этот мир, не поставивши на испытание боееспособности германского пролетариата. В данном случае мы возложили ответственность на германский пролетариат, на его партию. Партия оказалась абсолютно разбитой и не только не сделала попыток сопротивления (голос: «официальная,—а другая партия?»), но и систематически оправдывала это разбойническое нападение на Россию со стороны германского

милитаризма. Я был одним из тех, которые думали, что германцы наступать не будут. В то же время я говорил, что если они будут наступать, то у нас всегда будет время подписать этот мир, хотя бы и в худших условиях. С течением времени все убедились, что другого выхода у нас нет... (шум).

Мы сейчас еще не знаем всех тех факторов, которые заставили или побудили Германию наступать. Тов. Радек говорит, что имеются немецкие газеты, в которых сейчас указывается, что спустя 4 дня после нашего отъезда германская печать говорила, что наступления не будет. Какие тут факторы вмешались, не было ли тут закулисной игры с нашими союзниками, или, быть может, просто победило наиболее крайнее милитаристское крыло в самой Германии,—это для нас в настоящее время почти безразлично. Разумется, мы сделали рискованный шаг. Это был риск не персональный, не кружковый. Здесь было поставлено на карту очень много: поддержит ли нас европейский пролетариат, или не поддержит. Во втором случае мы будем раздавлены. Этот риск вызывался сущностью обстоятельств в нашем сознании. Мы разное оценивали в данный момент остроту этого риска. Товарищ Ленин считает, что сегодня необходимо подписать мир после того, как немцы взяли Ревель и др. города; другое крыло, к которому я принадлежу, считает, что сейчас единственная возможность для нас, поскольку это зависит от нашей воли, воздействовать революционизирующим образом на германский пролетариат. Благодаря этому не разрывается преемственность той агитации, которую мы вели, не создается в ней исторического перерыва. Конечно, впоследствии все выяснится.

Сейчас необходимо поставить европейский пролетариат, и германский в первую очередь, перед той политической драмой, которая не нами создана, а вытекает из существа международного положения, и возложить на германскую партию всю ответственность за то, что она нас не поддерживает. Мы отступаем и обороняемся, поскольку это в наших силах. Мы выполним ту перспективу, которую предсказывает тов. Ленин: мы отступим к Орлу, эвакуируем Петроград, Москву. Я должен сказать, что т. Ленин говорил о том, что немцы хотят подписать мир в Петрограде, несколько дней тому назад мы вместе с ним думали так. Однако мне помнится, будто Ленин в частном разговоре, имеющем большое общественное значение, выразил сомнение в возможности осуществления этого плана немцев, оче-

видно, полагая, что факт взятия Петрограда подействовал бы слишком революционизирующим образом на германских рабочих. Это возможно. Взятие Петрограда—угрожающий факт, для нас—это страшный удар, но и для немцев это, разумеется, тоже рискованная тактика. Однако все эти возможности сопряжены с риском, но вся наша тактика строится именно на этом риске: у нас не может быть какой бы то ни было уверенности. Приходится решать при многих неизвестных и при той и при другой политике, и все зависит от скорости пробуждения и развития европейской революции. Если она разовьется даже и в том случае, если мы ратифицируем этот мир... (Шум). Те аргументы, которыми мотивируется необходимость мира, дезорганизуют работу не только по созданию армии, но и непосредственную работу по мобилизации рабочих масс. Между тем в Пскове и в других местах говорили им, что рабочих послали на убой, но что из этого ничего не выйдет. Мы не знаем, выйдет ли что-нибудь.

Раз мы вынуждены обороняться, мы должны обеспечить себе тыл, а мы этого не делаем. Я уже не говорю о том, что все наше внимание обращено на немцев, и что мы открываем дорогу Японии с Владивостока. Там тоже имеется на миллионы рублей всевозможных богатств, сырья, которые попадут в руки японцев после высадки десанта. Уже теперь ходят слухи, что японская армия состоит из многих сотен, тысяч солдат, что японское правительство выжидает лишь благовидного предлога, чтобы в удобной форме предложить нам удалиться с Дальнего Востока. Это необходимо учесть. Я не хочу сказать, что, ратифицируя или не ратифицируя мир, мы получим сразу спасительное средство. Для меня ясно одно: что, выступая сейчас от имени нашей партии с призывом к революционной войне или к обороне, мы должны обладать полным единодушием в наших рядах. Если мы будем расколоты, если в нашей организации, в части ее, будет существовать убеждение, что, призывая рабочих к обороне, мы отдаем на истребление цвет пролетариата, нанесим жестокий удар социалистической революции,—при таких условиях революционная оборона становится абсолютно невозможной для данного периода.

Положение было очень серьезное: часть партии не признавала решения сторонников подписания мира, я говорю это не в виде упрека: сторонники революционной войны считали, что война—это единственное решение и единственное спасение, они обязаны были, нарушая формальные партийные соображения, поставить

вопрос ребром. Мы стояли перед тем, что в данных условиях откалывалась значительная часть нашей партии, и этим значительно ослаблялась Советская власть. При слабости страны, при пассивности крестьян, при несомненно мрачном настроении пролетариата еще угрожал раскол партии. Ввиду сложившегося соотношения сил в Ц. К., от моего голосования зависело очень много; зависело решение этого вопроса, потому что оказалось, что некоторые товарищи разделяют мою позицию. Я воздержался и этим сказал, что на себя ответственности за будущий раскол в партии взять не могу. Я считал более целесообразным отступить, чем подписывать мир, создавая фиктивную передышку, но я не мог взять на себя ответственности за руководство партией в таких условиях. Я считаю, что при нынешнем положении страны психологически и политически раскол невозможен. Тов. Радек был совершенно прав, когда говорил, что комиссар по иностранным делам не имеет права воздерживаться по вопросу о войне и мире. Поэтому я тогда же сложил с себя звание комиссара по иностранным делам, в том же заседании Ц. К. нашей партии.

Итак, товарищи, мир подписан, он подлежит ратификации. Я не буду вам предлагать его не ратифицировать. Я с большим уважением отношусь к той политике, которая нашла свое выражение в подписании мира, в его ратификации, в той или иной передышке, даже хотя бы неопределенного исторического размера. Тут совершенно правильно указывалось, особенно тов. Лениным, что войну нужно вести, как следует. Нужно иметь для нее не только ножи у псковских крестьян, а необходимо иметь пушки, снаряды, винтовки и проч. Если их нам даст Америка, которой сегодня по тем или иным соображениям выгодно продать винтовки и пушки, так мы возьмем их для своих целей, не пугаясь того, что это исходит от империалистов. Так мы вместе с тов. Лениным смотрели на дело и рассчитывали, что Америка даст военное снаряжение, исходя, конечно, из своих соображений. Очевидно, что мы имели тогда в виду сопротивление, возможное при данной исторической ситуации, а не такое сопротивление, когда создадим мощные железные дороги, сильную армию и т. д. Таким образом, мы имели в виду отпор теми силами, какие у нас имеются и которые нужно привести в порядок. Тов. Ленин говорит о возможности эвакуации Петрограда. Но, ведь, одно это дело исчисляется днями и неделями, а создание железных дорог исчисляется долгими месяцами и годами.

Эти две перспективы возможны при условии затяжного характера революционной войны. Они могли довести партию до раскола. Эта опасность не исчезает и не уменьшается, если развитие европейской революции будет совершаться слишком медленно, если мы во имя передышки подпишем мир, благодаря которому мы выдали Украину. Мы не поддерживаем части нашей революционной армии в прямой ее борьбе, а, между тем, там борьба, по последним сообщениям, ведется, повидимому, с большим напряжением и с некоторым успехом. Мы не воюем, а в это время часть нашей Советской Федерации ведет борьбу. Завтра может возникнуть перед Петроградом или Москвою вопрос о поддержке украинского пролетариата, но что же они могут сделать. После завтра от нас немцы потребуют заключить мир с Украинской Радой; это есть у них в условиях мира, но пока еще не оформлено. Подпишем ли мы мир с Украинской Радой, которую мы разгояли вместе с украинскими рабочими и крестьянами? Далее, от нас потребуют подписания мира и с Свинхувудом, когда он раздавит красную армию Финляндии. Это требование не исключено, напротив, оно логически вытекает из условий мирного договора. Пойдем ли мы на это, повторяя, что мы слабы и не можем отказать и сопротивляться? Что же это значит? Что революционный пролетариат при данных условиях не может дать того отпора, который вытекает из его положения, господствующего класса в стране. Тогда скажите, что для революционного пролетариата Советская власть является слишком тяжелой ношей, вот что это значит. Для революционного класса недопустимы сделки с империалистами, вот где центр тяжести. Мы остаемся Советскою властью. Эту власть надо развивать и усиливать. Неужели мы, оставаясь властью, все же будем, считаясь с неопределенной длительностью передышки, все более отступать и будем идти на уступки за уступками, не ставя решительно никаких пределов, не давая никакой гарантии? Мы слабы и потому уступаем не только топографически, но и политически—в вопросах об аннулировании займов, национализации нашей промышленности. Если мы дадим развиваться этому отступлению во имя передышки с неопределенной перспективой, то это будет значить, что мы попадаем во внутренне-противоречивое положение. Мы говорим этим, что пролетариат России не в состоянии сохранить классовую власть в своих руках. Исторические комбинации передали ему эту власть, но он в силу разнообразных условий

отдает, отступает не только в топографическом, но и в политическом смысле. Я думаю, что этого не случится, что мы построим если не прекрасные железные дороги, то хоть сколько-нибудь спусные. Этот период передышки исчисляется в лучшем случае парой месяцев, а вернее, неделями и днями. В течение этого времени выяснится вопрос: либо мы заявим, что мы явились слишком рано и уходим в отставку, уходим в подполье, представляя сводить счеты со Свинхувудом или Украиной Черпову, Гучкову, Милюкову, — этим призванным политикам. Но я думаю, что уходить в отставку мы должны, если это придется, как революционная партия, т.-е. борясь до последней капли крови за каждую позицию. Перед такой перспективой ставят нас исторические условия.

Для развития революционного движения в Европе победа буржуазии над нами будет ударом, но нельзя его отождествлять с тем, что было после Парижской Коммуны. Тогда французский пролетариат был авангардом революции, остальная же Европа не имела никаких революционных традиций, погрязла в политическом отношении в полуфеодалном варварстве, теперь совершенно другое. Европейский пролетариат более, чем мы, созрел для социализма. Если бы даже нас раздавили, то нет все же никакого сомнения, что не может создаться такого исторического провала, какой был после Парижской Коммуны.

Мы начали с натиска по всем направлениям; например, арестовали остзейских баронов, в то время когда уезжали из Брест-Литовска, а между тем, арест этот был прямой провокацией по адресу германских империалистов. Это было в те самые дни, когда я заявил: «мы прекращаем войну». Арестовав в Прибалтике остзейских баронов, мы показали немцам кулак русской революции. Всякое наше действие всегда будет провокацией по отношению к германским империалистам. И я спрашивал: «ставим ли мы себе какой-либо предел, где кончаются наши уступки». Я ставил этот вопрос в Ц. И. К. и здесь снова его повторяю. Украина сражается, украинские пролетарии и солдаты сражаются с буржуазией; считаясь с создавшимся положением вещей, мы их не поддерживаем. Мы берем передышку. Но если немец потребует, чтобы мы подписали мир с Украинской Радой, подпишем мы его или нет? Некоторые товарищи из Ц. К. говорят: «да, подпишем», я говорю — нет. Это уже будет предательство в полном смысле слова. Ведь, они сражаются сейчас, они сражаются с частью нашей

собственной пролетарской армии. Поэтому я говорю: нет, товарищи, мира с Украинской Радой мы не подпишем. Есть известный предел, дальше которого мы идти не можем. Я не знаю, еще какая резолюция будет вам предложена, при том условии, что мир подписан. Революционной войны мы не можем вести, потому что тогда возник бы раскол в партии, и была бы подорвана Советская власть. Ратификация представляется неизбежной, но я хочу внести в эту резолюцию попытку поставить предел тому отступлению, которое есть не только отступление от известной границы, но и от известных принципов интернациональной политики. Мы должны сказать, что мы хотим получить известную передышку, хотим выиграть время для подготовки своих сил, но мы не можем во имя этой передышки подменить смысл нашей интернациональной политики, в то время, когда Украинская Рада душил украинских рабочих. Мы не можем заключить мира с Киевской Радой, которая рассматривает украинских рабочих, как непосредственных классовых врагов.

Мы, воздержавшиеся, показали акт большого самоограничения, так как мы жертвовали своим «я» во имя спасения единства партии в такой ответственный момент. Вы должны сказать другой стороне, что тот путь, на который стали, имеет некоторые реальные шансы. Однако это есть опасный путь, который может привести к тому, что спасают жизнь, отказываясь от ее смысла. Вы должны в этой резолюции дать нам гарантию того, что в вашем отступлении существует такой предел, дальше которого Ц. К. и Совет Народных Комиссаров отступать не позволят. (Рукоплескания.)

Председатель. Слово имеет тов. Рязанов.

Тов. Рязанов. Я очень рад, что мне приходится говорить после тов. Троцкого. Это не значит, что я буду спорить с тов. Троцким в том порядке прений, который у нас установился. Если бы у нашей партии существовала хорошая привычка обсуждать не только в тесном кругу, но и в широких собраниях организационные и тактические вопросы нашей партийной деятельности, то те колоссальные амплитуды, которые описывает политика Ц. К. за последнее время, не имели бы места.

У меня существуют большие разногласия со старыми товарищами по партии и с молодыми приятелями тов. Ленина. С тов. Троцким и тов. Лениным я еще в мае 1917 говорил по этому основному вопросу. Я ставил свою ставку на международ-

45

ную революцию. Я никогда не скрывал от себя мелко-крестьянского, мелко-буржуазного характера России. Я знал, что мы имеем то огромное преимущество, то колоссальное преимущество, которое доставил нам российский пролетариат, но я не скрывал от себя опасности. Я знал, что та пролетарская партия, к которой мы принадлежим, интересы которой мы выражали, должна быть поставлена перед дилеммой в тот момент, когда захватит власть, должна будет решить вопрос, будет ли она опираться на крестьянские массы или на пролетариат Западной Европы, должна будет подумать перед тем, как сделать решительный шаг.

Я настаивал, что мы должны строить свою политику на разжигании пожара мировой революции, ибо только опираясь на пролетариат Западной Европы, мы в состоянии увлечь за собой крестьянские массы. К сожалению, я не имею возможности на этом съезде рассказать некоторые подробности о наших разногласиях перед октябрьской революцией и после октябрьских дней.

Тов. Ленин и та часть партии, которая шла за ним, предпочла,—мы когда-нибудь после разберем эти условия,—опираться на крестьян. В нашей фракции я уже определил политику т. Ленина. Ленин хотел воспользоваться дознами Толстого, видоизменив их сообразно с переживаемой эпохой.

Толстой предлагал устроить Россию по-мужички, по-дуралки, Ленин—по-мужички, по-солдатски. Плоды этой политики, мужичкой и солдатской, мы теперь расхлебываем.

Тов. Ленин сегодня по адресу своих молодых друзей из оппозиции сказал несколько веских слов. Я с большим удовольствием слушал, как он говорил, что железных дорог нельзя восстановить в один день, что железные дороги нужно развивать, что дело социалистического переустройства не может быть проделано в один день, что тут ничего нельзя брать на ура, что нельзя развивать таких планов, когда у каждого солдата и рабочего развивается желание ханнуть что-нибудь и убраться. Это есть как раз те пункты разногласий, которые я формулировал на заседании большевистской фракции профессионального съезда. Товарищи это, вероятно, хорошо помнят. От вас тогда меня отличали не принципиальные разногласия, а следующие три пункта: «не надо зря стекол бить», не надо действовать по принципу «тяп—да тяп, вышел караль» и, тов. Троцкий, «легче на поворотах!».

Эти пункты тов. Ленин теперь признал: даже больше, он присоединился ко мне—я говорил: «легче на поворотах», он говорит: «не на ура—и не разбиваться», не поддаваться определенным инстинктам. Если вы дадите себе труд присмотреться к деятельности революционной обороны в течение последних дней, вы увидите, что обе стороны не замечают, как систематически не только та основная позиция, которую занимает тов. Ленин, но и его статьи позволяют ему убивать всякий подъем и энтузиазм. За нашей спиной, без нашего ведома и без ведома питерских пролетарских масс принимаются решения, известия о которых уже проникли в массы и вызвали колоссальную панику, о которой сегодня говорил Урицкий.

Под влиянием их сложилось стремление взрывать заводы, а этот шаг буквально способен убить всякий энтузиазм у той массы, на которую мы должны опираться. Можно бы рассказать, что выдвигалось в течение этих 12 дней, тогда бы вы оценили по заслугам уверения нашего Верховного и тов. Зиновьева, который с некоторых пор стал большим специалистом по военным делам. Приблизительно 7—8 дней назад я явился в наше военное министерство с предложением своих услуг. Я имею нескромность думать, что по некоторым вопросам финансовым, продовольственным и другим,—я кое-что смыслю, что в такое время, когда дело идет о снабжении армии в такой тяжелый момент. человек, даже близорукий, может оказать некоторую помощь. Я явился в военное министерство, разработал кое-какие планы, сказал, какие силы могу привлечь. Там первоначально я встретил довольно благожелательный прием и получил возможность зайти и в то отделение, которое должно снабжать Красную армию всем необходимым. Затем два дня колебались, допустить ли меня к работе. Как только я добился разрешения, не вступая в коллегию, просто перенести туда созданный мною аппарат, который будет решать задачи, поставленные нам, мне хозяйственный комитет конфиденциально сообщил: «Ваши услуги не нужны, мы решили завтра эвакуироваться». Я слишком ограничен во времени, чтобы распространяться на эту тему дальше, но я мог бы рассказать, что делалось в эти дни для поднятия энтузиазма и для снабжения армии, какие вещи проделывались.

Читая постановления революционного комитета по обороне, вы увидите, при каком минимуме понимания чести у этих товарищей проходили эти постановления, когда дело шло об орга-

низации обороны. Впоследствии я буду иметь возможность рассказать об этом в печати. Я вам должен сказать, что на Всероссийском съезде Советов я был единственным, голосовавшим против резолюции Троцкого. Тут, с этой стороны, и правые с.-р., и Суханов, и Мартов все воздержались, я был против резолюции и решил не принимать участия в голосовании только потому, что из речи тов. Зиновьева услышал твердое желание подписать мир. Не будучи согласным с политикой Троцкого, я тем не менее приветствовал предлагаемое решение.

У меня гора свалилась с плеч, когда он там применил формулу, которую я считал неудачной, но которая не была предательством по отношению к международному пролетариату, и вот теперь я вам предлагаю проявить больше осторожности и не тешить себя никакими иллюзиями.

С тов. Лениным, как раз, у меня была полемика по этому поводу в соединенном заседании фракции большевиков. Тогда тов. Ленин главный центр тяжести своей аргументации, как вы можете прочесть в его тезисах, перенес на то, что подписание мира сохранит для международного пролетариата существование яркого очага революционной пропаганды, каким является Советская Россия. Я сказал, что это есть желание устроить в России «келью под елью», под защитой германского штыка. Вот перед вами декларация прав трудящихся и эксплуатируемых народов, о которой тов. Свердлов в Учредительном Собрании говорил, что она будет заменять декларацию прав Великой Французской Революции. Дайте себе труд прочесть эту бумажку и спросить себя: сколько раз вы лгали, — извините за слово, — когда вы клялись до последней капли крови защищать каждый пункт ее. Я не имею времени прочитать ее целиком, но теперь, когда вы подписали мир, каждый пункт ее — это пощечина не только пролетарской России, но и всей Советской России, и будет еще более позорным, ужасным, когда через несколько дней вы будете подписывать мир с Украинской Радой, а через две недели — с Финляндией и Свинхувудом.

Очень хорошо, что тов. Троцкий напомнил тем товарищам, которых тов. Ленин тогда так убеждал, прежде чем они будут подписывать эту новую резолюцию, которой я еще не знаю, предварительно прочитать декларацию прав трудящихся и эксплуатируемых народов, принятую Третьим Всероссийским Съездом Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов.

Тов. Ленин со свойственной ему решительностью обрушился на московских товарищей за то, что они призывали Советскую власть вести войну. Где ваши солдатские депутаты? Где ваши Советы солдатских депутатов? Ведь, теперь вы должны сказать, что если только рядом с этой демобилизацией армии произойдет демобилизации этих солдатских депутатов, то разом демобилизуется и пролетарская партия. Тов. Свердлов как практик сделал первый шаг: он предложил уничтожить военные организации именно потому, что стоит на точке зрения Ленина и чувствует, что в этой политике он может опираться только на мужицкую массу. Он пробует уже теперь заменить военные организации интенсивной пропагандой среди крестьян, ибо есть только один выход: либо с пролетариатом Западной Европы, либо с этой мужицкой массой. Тут вы слышали от Соколыникова об интересном опыте построения революционной крестьянской войны на той почве, что мужик уже не толстовский мужик,—когда отбирают у него пилу, топор, хлеб и все проч., он обороняется. Это есть мужицкое дело. Вот, например, мужик говорит: «вы хотите Литву взять, я не хочу, вы хотите Польшу взять, я не хочу, вы хотите взять Курляндию, Эстляндию, Финляндию, я не хочу, вы хотите взять Украину, я не хочу»—это есть мужицкое дело, а вот мое пролетарское дело—бери все. (Смех.)

Я хочу припомнить еще одно место из речи тов. Троцкого,—тов. Троцкий помнит это, потому, что он не может не помнить тех вопросов, по которым он говорил на демократическом совещании,—он говорил о том, какой колоссальный риск—сдача Петрограда без тени сопротивления. Но и тут его осуждал тов. Ленин. Он говорил, что эвакуация Петрограда возможна днями. Жалкая иллюзия. Эвакуация Петрограда возможна, но возможна как эвакуация таких учреждений, как: Совет Народных Комиссаров, Центральный Исполнительный Комитет, Комиссариат Труда, Комиссариат Иностранных Дел, Всероссийский Совет Профессиональных Союзов, Союз металлистов, который уже 12 дней прекратил свою работу и сидит над чемоданами. Но эвакуация Питерского района, эвакуация Петрограда как центра промышленности, как центра организаций, связывающих пролетарскую массу,—ее немисливо совершить в несколько дней. Всякая попытка сдать этот Питер без сопротивления, подписав и ратифицировав этот мир,—она была бы неизбежной изменой по отношению к русскому пролетариату.

Но эвакуация Питера только провоцировала бы немцев на дальнейшее наступление. Им даже не нужно будет ждать, пока освободится море, чтобы ввести флот. Эвакуируя Питер, вы возбуждаете Швецию и даете возможность немцам, придравшись к 1-му пункту, нанести удар. Товарищ Ленин отдаст Питер, Москву, Урал, он не боится пойти во Владивосток, если японцы его примут. Он готов отступать, отступать и отступать даже тогда, когда его Троцкий хватает за фалды. Я скажу, что этому отступлению есть предел. Я не скажу «измена и предательство». Не красиво умереть. Мы за красотой не гонимся, но и не умереть бесславно на том посту, на котором петроградский пролетариат привык бороться, привык сражаться.

Тов. Свердлов. Товарищи, для многих из вас, конечно, совершенно новы те речи, которые вы только что слышали из уст товарища Рязанова,—но мы к ним привыкли. Здесь неоднократно их слышали и привыкли не обращать на них никакого внимания. Вглядитесь, сказал ли он хоть слово по существу того вопроса, который должен больше всего занимать наш съезд. Он очень много говорил о том, что в Комитете революционной обороны были неполадки,—много говорил и о неполадках в военном ведомстве,—но какое прямое отношение все это имеет к тому вопросу, который мы будем в настоящий момент обсуждать? Основной вопрос, который должен занимать нас в настоящий момент следующий: должна ли наша партия на предстоящем съезде Советов добиваться того, чтобы подписанный нами мир был ратифицирован или не был ратифицирован. Вот тот вопрос, на который мы должны дать ясный и точный ответ. И я думаю, что не такими речами, как речи товарища Рязанова, можно хоть что-нибудь выяснить в этом вопросе. Для того, чтобы дать себе точный отчет в том, должны ли мы подписывать мир или нет, мы должны прежде всего, как это и делали многие товарищи, окинуть взором все те прения, которые шли у нас в партии до настоящего съезда и обратить внимание на ту линию, которую вел Центральный Комитет нашей партии. Я не думаю, чтобы кто-нибудь из вас действительно серьезно мог бы сказать—и что еще важнее мог бы доказать, что линия Центрального Комитета партии была в данном случае непоследовательной. Товарищ Радек и некоторые другие товарищи, в том числе и т. Троцкий, когда он здесь выступал как бы с исповедью, как бы с разъяснением того, почему он воздержался в том или ином отдельном случае, почему

он вел такую политику,—внесли некоторую путаницу в самый вопрос. Я должен сказать и от своего имени и от имени тех товарищей, которые вместе со мной, разделяя общую для всего Центрального Комитета точку зрения, впоследствии решили подписать мир, что все мы одинаково стояли за то, что нужно затягивать переговоры до последнего момента, нужно затягивать как можно дольше, во чтобы то ни стало. Все мы отстаивали как раз ту позицию, которую вела вначале наша брестская делегация, во главе с товарищем Троцким, все мы были вполне единодушны, что та политика, которая проводилась тогда товарищем Троцким и делегацией, во главе которой он стоял,— что эта политика, направленная к пробуждению пролетарских масс Запада, была вполне правильной. Все мы разделяли эту точку зрения. Но мы полагали, что затягивать можно только до определенного момента, что тогда, когда придется выбирать: или угрозу немецкого наступления или подписывать мир,—то в этот момент нужно было такую политику прекратить. Если мы находили тогда ошибку, так только в том, что в тот момент, когда мы получили извещение генерала Гофмана, что состояние войны считается возобновленным, состояние перемирия прекращенным,— в своем вечернем заседании 17-го числа мы не решили, как Центральный Комитет—подписание мира, а решили на второй день, после того, как наступление стало фактом, когда Псков был взят, и мы стояли перед наступлением на Ревель, так что все те упреки, что Центральный Комитет вел неверную политику, несоответствуют действительности. Вся эта политика была верна. И я только указал на одну ошибку, действительно важную и крупную. Но сейчас дело не в том, чтобы разбирать ошибки, нам необходимо обратить внимание на то, что мы должны в настоящий момент делать. И тут встает вопрос о возможности или невозможности теперь, при настоящих условиях, той революционной войны, о которой когда-то и т. Ленин и т. Зиновьев, еще в 1915 г. за границей писали, как о такой войне, которая при известных обстоятельствах может быть неизбежной, о которой товарищ Ленин говорил на первом съезде Советов, не предусматривая, когда будет эта революционная война. Я говорю о цитате, которую выдернул товарищ Бубнов, вспоминая, что тов. Ленин говорил, что революционную войну при известных условиях нам придется вести. Мы и до сих пор говорим, что при известных условиях нам революционную войну придется неизбежно вести. Вопрос

не в том, могут ли быть такие условия, при которых революционная война будет неизбежна. Вопрос в том, возможна ли она в настоящий момент,—или нет. И тут мы отвечаем, что при данных условиях, при теперешнем состоянии нашей армии, положении транспорта, продовольствия и т. д., при той неслыханной разрухе, которая имеется сейчас в России,—никакой революционной войны мы вести ни в коем случае не можем и не только потому, что у нас нет армии, что мы находимся в периоде чрезвычайной разрухи, но и потому, что широкие народные массы войны не желают. И совершенно напрасно упрекают нас в том, что мы считаемся с так называемой общенародной, мужицкой и дурацкой, как выразился товарищ Рязанов, психологией. Мы не хотели бы считаться с этим, но тогда мы должны сказать себе, что мы силами одного пролетариата можем вести войну с германским империализмом, и если мы этого не можем сказать, то мы должны обратиться и в ту сторону, где находится так называемый мужик. Никто не должен забывать того, что Россия—страна в большей своей части крестьянская. И от этого факта уходить и не следует и нельзя. Не считаться с тем, что Россия страна крестьянская, мы не имеем права. Как партия пролетариата, как партия передовых борцов за социалистическую революцию,—к голосу широких народных масс мы не прислушиваться не можем. Но больше того, в крестьянстве, в его целом, совершенно нет ни малейшего желания вести войну. Армия же является ничем иным, как частью крестьянской массы. Армия эта сейчас разбежалась, демобилизовалась,—армии этой не существует, это неопровержимый факт, что крестьянство не хочет войны. Из настроения местных Советов вы можете убедиться в том, что крестьянство войны не хочет. Но было бы большим заблуждением полагать, что в рабочих массах есть желание бороться. Я не говорю о революционных верхах пролетариата. Я говорю о массах. Никто не может сказать, что в глубине пролетарской массы существует стремление драться во что бы то ни стало в данный момент. Мне приходилось здесь, в Питере, с первого дня существования комитета революционной обороны наблюдать всю эту работу, которая производилась здесь в партийных организациях, профессиональных союзах и т. д. Мне приходилось видеть товарищей и из других мест. И могу сказать определенно, что в широких кругах рабочих масс нет такого боевого настроения. И сколько бы мы ни говорили о революционной войне, от этого еще не

загорится пожар, от этих разговоров еще ничего не сделается. Для того, чтобы массы действительно получили полную возможность разобраться в создавшемся положении вещей, они должны убедиться в том, что никакого другого выхода для них нет, кроме одного только выхода—драться. Вот почему, кроме всех аргументов, я полагаю, что необходимо считаться и с тем обстоятельством, что если мы на предложенный мир согласимся—на гнусный, похабный мир, предложенный нам немцами,—если мы подпишем этот мир, и в результате этого мира возникнет новая война, то только при этих условиях широкие народные массы будут убеждены в том, что иного выхода, как драться, для них не существует, и мы должны привести широкие массы к такому сознанию. А если бы мы теперь бросили лучшие наши отряды в бой,—это в данный момент было бы самоубийством не только политическим, но и чисто физическим. Если бы вы присмотрелись к тому, из каких элементов создавались наши питерские отряды, то убедились бы, что там были лучшие наши товарищи. Это были люди, без которых Октябрьская революция была бы безуспешной.

Мы должны заняться организационной, практической, созидательной работой, должны создать новые формы во всех областях жизни. Для этого нам нужны сотни, тысячи сознательных товарищей. И все эти сотни и тысячи мы будем бросать в пасть германскому империализму в тот момент, когда мы знаем, что эти жертвы оказываются ненужными, что есть возможность их избежать. Было бы величайшим преступлением перед рабочим классом России и международным пролетариатом, если бы мы не сделали последней попытки спасти этих лучших наших товарищей. Когда мы наблюдали деятельность нашего штаба в эти дни, когда мы следили за тем, как наш генерал Бонч-Бруевич по карте расставлял те или иные группы и отряды, мы великолепно понимали, что для него это только определенные боевые единицы, которые вот уже три с половиной года бросаются под жерла пушек, для него ничего не значит гибель 5—10 тысяч пролетариев, но мы должны чувствовать, из кого состоят эти боевые единицы. Идя на гибель этих отрядов, мы подрубаем тот сук, на котором сидим. Все эти соображения заставляют нас сделать последний шаг—подписать мир. Это неизбежно потому, что только лучшие наши отряды были готовы двинуться в бой, и мы не могли бы поручиться, что

явится возможность привлечь более широкие круги. Мы должны были сделать этот шаг.

Будет ли долг или не долг этот мир, — об этом можно много спорить, но доказать, что этот мир будет краткосрочным никто не может, как не может доказать и того, что он будет длиться хотя бы несколько месяцев. Тов. Троцкий указывает, что он не против ратификации. Он не высказывается против нее, но не высказывается и за нее. За ратификацию он только в одном пункте. Что касается Украины, то, по его мнению, мы должны сказать, что до этого пункта мы отступаем, а дальше этого пункта мы не отступим ни в коем случае. Вчера в Центральном Комитете тов. Троцкий предложил нам соответствующую резолюцию о том, что с Винниченками мир недопустим. Но мы ее отвергли, мы не признали невозможным и мир с Винниченко. Мы исходили из соотношения сил в каждый данный момент. В данный момент, если мы вынуждены сделать уступку, то мы ее сделать обязаны. Если у нас будет хоть малейшая возможность не подписывать мира с Винниченко — мы этого мира подписывать не будем. Тут приходится рассуждать не так, что мы ставим себе определенный предел и дальше его ни в коем случае не идем. Приходится сказать: раз мы попали в такое гнусное положение, мы должны готовиться к дальнейшим битвам, должны заняться организационной работой действительного строительства, строительства всех сил, которые окажутся не на словах, а на деле способными к работе. Тогда мы на деле окажемся способными вести революционную войну, и я думаю, что наша партия должна будет на деле подчеркнуть всю важность, всю необходимость той работы, которая стоит перед ней. Я должен указать, что в настоящий момент перед нашей партией органически выдвигаются совершенно новые задачи, которые в течение последнего времени с октября месяца возникли перед Советами. Наша партия вложила всю свою душу в Советы, — через Советы и в Советах она вела свою главную работу. Теперь перед нашей партией станет целый ряд новых грандиозных задач, и все эти задачи можно охарактеризовать в нескольких словах: организация примерных отрядов, формирование их, создание такой революционной силы, которую в каждый данный момент можно было бы бросить против Германии и против всяческого империализма.

Председательствующий Соловьев. Внесено два предложения о прекращении прений. По регламенту я предлагаю

одному оратору слово за, одному—против. Осталось еще 26 ораторов.

Тов. Федоренко. Я внес предложение о прекращении прений. Я прекрасно понимаю, что данный вопрос очень важен, но все-таки хотел бы подчеркнуть, что срок заседания уже истекает, а вместе с тем съезд не может долго продолжаться. У нас еще не разрешен и один вопрос, в то время, как перед нами стоит еще три вопроса: о перемещении программы, наименования партии и т. д. Если мы сегодня не закончим данного вопроса, то останавливаться на нем завтра—значит задерживать съезд. Если бы еще было меньше ораторов—другое дело, но так как ораторов очень много, то я и поддерживаю свое предложение о прекращении прений.

Тов. Сапронов. Я также думаю, что сегодня нам нужно этот вопрос закончить, но не так, чтобы прекратить прения и баста. Мы сегодня можем продолжить обсуждение до 12 часов, до часу. Я утверждаю, что выплывают новые факты, новые аргументы, которых мы еще не слыхали. Мне приходилось беседовать с товарищами из провинции, которые говорили, что они еще не усвоили той или иной точки зрения по такому серьезному вопросу. Решить, голосовать потому только, что сегодня необходимо закончить, я думаю, что это невозможно. Кроме того, я вижу, что сегодня высказывались только Москва и Петербург. Еще никто не высказался из провинции. Нужно решать вопрос серьезно, нужно дать высказаться представителям провинции и тогда решить этот вопрос.

Тов. Свердлов. Нужно все-таки ввести некоторые ограничения. Достаточно, если мы дадим высказаться двоим товарищам за одну точку зрения и двоим за другую.

Тов. Сапронов. Если будут высказываться два—за и два—против, то нужно будет устроить перерыв, разбиться на фракции и выяснить, кто—за и кто—против. Иначе невозможно. Кроме того, здесь уже выясняются три точки зрения: точка зрения Троцкого это уже третья точка зрения. Я высказываюсь против предложения тов. Свердлова и предлагаю высказываться в порядке записи.

Председательствующий производит баллотировку предложения тов. Свердлова, которое отклоняется. Вынесены предложения об ограничении речей ораторов 15-ю, 10-ю и 5-ю минутами. Большинством принимается предложение ограничить время 10-ю минутами.

Тов. Оболенский. Товарищи, в 10 минут много не скажешь. Я постаралюсь остановиться только на самом существенном. Здесь тов. Ленин поставил вопрос таким образом, как будто до самого последнего момента Российская революция жила благополучно и процветала, укрывшись под крылышком международного империализма. В последний момент крылышко устранилось, и Российская революция пришла в первое столкновение с германским хищником. Подобная постановка в значительной мере дает основание тов. Ленину упрекать товарищей в недостаточно точной постановке вопроса: когда на нас производит совершенно неожиданный натиск германский империализм, мы своей строптивостью затрудняем заключение мира, который надо взять во что бы то ни стало. Такую постановку вопроса я считаю в значительной мере легкомысленной. Можно бы, пожалуй, возвратиться тов. Ленину его упрек в легковесности нашей позиции, если бы я был расположен к такому веселому настроению. С своей стороны, я утверждаю, что мы никогда не находились под крылом или под какой-то особой защитой международного империализма. Первое время он не нападал на нас не потому, что какие-нибудь затруднения на других фронтах или междоусобицы распри удерживали его от этого; вопрос стоял совершенно не так. В сущности говоря, еще летом, в то время, когда провалилось наступление Керенского, когда немцы перешли в контр-наступление на Рижском фронте, они, несомненно, имели абсолютную возможность раздавить русскую революцию точно так же, как русскую армию. Почему они не сделали этого тогда? Разумеется не потому, что у них были связаны руки на других фронтах, а потому, что они рассчитывали достичь своих целей еще более легким способом: они дожидались внутреннего разложения, которое, по их мнению, должна была принести русская революция, ожидали победы партии мира, которой они считали большевиков, они рассчитывали прийти более простым способом к желанному концу. Наконец, они вообще опасались наступления против русской революции. Впоследствии условия сильно изменились. Началось это изменение обстоятельств с момента возникновения брестских переговоров. Эта перемена заключалась в том, что определенно обнаружилось, что большевистская партия не является просто партией мира, а международной революционной партией. Политика большевиков стремится к классовому разложению в Европе, которое приведет к революционным стачкам. С большевиками сговориться или стол-

коваться невозможно и через них невозможно даже получить хлеба.

Так стал вопрос в конце переговоров в Брест-Литовске. В силу этого, германские империалисты должны были перейти в наступление и брать то, что им было необходимо. Непосредственно отсюда вытекает то положение, что мы не находимся под крылышком. Логически оно вытекает из развития революции, которое обнаружилось во время брест-литовских переговоров, и «горькие» товарищи, совершенно невиновны в том, что условия мира ухудшились: это происходило от того, что германский империализм поставил себе целью смести во что бы то ни стало Советскую власть, которая оказалась совершенно неработоспособной с его точки зрения, совершенно неспособной заключить с ними ту сделку, которая была нужна. Если тов. Ленин считает, что только теперь мы вышли из-под крылышка, что мы должны оставаться реальными политиками, то я спросил бы его, почему он раньше не стал на эту позицию, почему не искал разумной сделки, какую заключила Украинская Рада с германским империализмом? Украинская Рада вышла целехонькой, так как совершила буржуазную сделку. Раз вы начали революционную политику, которая неизбежно должна была привести к столкновению, вы не можете заключать мира, который должен подавить ваши основные стремления.

Теперь о похабном мире. Наши противники говорят, что заключив этот мир, мы можем, ценой частичной уступки, спасти большую часть своих завоеваний. Мы отдаем на разграбление Украину, Финляндию, Эстляндию и пр., но мы спасаем этим арифметически большую часть революции. Как экономист, так сказать, по своей специальности, я считаю этот аргумент поразительно легковесным и даже поразительно бессмысленным. Дело в том, что совершенно не дооценивается обстановка, в которой заключается эта самая сделка, не дооцениваются те силы, которые заключают ее. Эти две силы: одна—стальной аппарат Германии, другая—разложенный, расстроенный аппарат России. Отлично всем известно, что при столкновении двух таких враждебных сил, как, например, старая и слабая Персия или Китай с экономически-сильным организмом—происходит подчинение первой второму. Наше хозяйственное положение в значительной степени спустилось до этого уровня. При таком столкновении с мощным капитализмом европейской державы в мирное время, очень быстро, но непреложно

ным экономическим законам, происходит то, что начинается втягивание более слабой страны в орбиту крупной, и она, волей неволей, политически и экономически подчиняется последней. Власть более слабой страны рушится и заменяется властью страны более сильной. Стоит в этом случае более сильной стране протянуть свои щупальца, перерезать только одну артерию в теле этой более слабой страны, и она начинает пытаться ее соками, начинает высасывать живую кровь, и вторая, волей неволей, переходит в полное к ней подчинение.

Я утверждаю, что та сделка между Россией и германским империализмом, которую тов. Ленин хочет заключить за счет частичного подчинения германскому капиталу, не создаст спасения для остальной части. Она создаст то, что «когого-то завяз, всей птичке конец»: начнется поглощение и подчинение нашей более слабо-организованной страны организованным германским капитализмом. Именно так ставят вопрос трезвые и реальные немецкие политики. Вопрос не в том, «долго или коротко» будет продолжаться эта самая передышка, а в том, в чем она собственно будет заключаться. Нужно спросить тов. Ленина вовсе не о том, на какой срок предполагается заключить сделку, — нет, он должен сказать, считает ли он эту передышку, реально дающей некоторый покой нам, т.-е. считает ли он, что условия, которые он ставит, будут реально точной материей, что экономические уступки будут реальны хотя бы на одну ноту. Если вы это считаете, то в таком случае неизбежно, с разложением экономического организма России, крепнет организм финансового капитализма Германии, начнется автоматическое подчинение, экономическое втягивание России в орбиту его доминирующего влияния. Это разложение совершенно неизбежно.

Тов. Ленин указывал, что эта передышка даст возможность некоторой экономической организации страны. Подходи к вопросу с этой чисто экономической стороны, я должен констатировать, что этого типа передышка никакой возможности организации, несомненно, не даст.

Тов. Ленин недаром сказал, что нам придется почти в нелегальных условиях организовывать ее. Я вас спрашиваю, при той расшатанности, которая мне, как работающему в В. С. Н. Х. и руководящему этим делом, отлично известна, возможна ли в нелегальных условиях организация производства?

Совершенная бессмыслица—предлагать организовать промышленность чуть ли не в нелегальных условиях, когда ей нужна полная свобода действий.

Тов. Рязанов сильно ошибается, полагая, что молодые товарищи Ленина считают легким делом организацию производства. Мы никогда не думали, что легко организовать производство, по мы несколько не сомневались, что решительная ломка производства и замена его другими видами возможна и может даже разбудить новые силы. Но когда в такой момент будут связаны руки, когда будут сидеть на шее немецкие капиталисты, когда будет стоять за спиной контроль империалистов, в таком случае организация производства становится совершенно бессмысленной и невозможной. Разговоры относительно упорядочения продовольствия, железнодорожного транспорта, экономического хозяйства и пр. я, лично, считаю пустыми фразами, которые решительно ничего не дадут.

Какой экономический исход мог бы быть предложен,—об этом я говорить не могу, но могу сказать только одно, что полное излечение, полная передышка могла бы прийти не скоро. Исключительно только в том я согласен с тов. Троцким, что только вмешательство международной социалистической революции может нас спасти. Но временное излечение, временный подъем, сохранение тыла для той войны, которую нам неизбежно придется вести, возможны только путем коммунистической политики, путем перехода к более радикальным мероприятиям, чем те, которые мы проводили. Только в этом наше экономическое спасение, но последнее возможно только в случае полного разрыва с германским империализмом. В случае, если вы пойдете на сделку, немец сядет нам на шею, и тогда уже никакой организации провести мы не сможем. Все те обещания, которые дает тов. Ленин, являются совершенно пустыми речами.

Тов. Сергеев (Артем) Тов. Свердлов вам только что говорил о том, что в данный момент разногласия между нами сводятся к вопросу о том, можно ли ратифицировать мир, который уже подписан или нет. От наших противников мы прежде всего хотели бы узнать, что они нам предлагают. Ведь, сущность спора именно в этих практических шагах, которые нужно сейчас предпринять. Нам говорят о том, что мир очень плохой,—пусть так, но нужно ли его ратифицировать или нет, раз он уже подписан. Если наша партия, которая уже взяла на себя ответственность за

подписание этого мира, откажется сейчас его ратифицировать, если наша партия придет на съезд Советов и скажет: «нет ни в коем случае его ратифицировать не надо», то это значит, что наша партия должна объявить этим сейчас войну Германии. В таком случае необходимо привести аргументы, почему мы сейчас объявляем войну Германии. Объявляем ли мы ее потому, что она предложила слишком гнусный мир, что мы поторгуемся, что она что-нибудь скинет? Если бы наши товарищи говорили таким образом,—я бы понял, но из всей обстановки нашей революционной борьбы за мир видно, что мы на это не пойдем, не можем пойти. Может быть, у них будут другие аргументы, которые дадут возможность более спокойно осветить существующее положение, может быть, они желают объявить войну Германии потому, что Германия слишком сильна, и что поэтому Германия будет на нас давить? Хорошо, это действительный мотив, что Германия слишком сильна и может делать сейчас все, что угодно, и потому мы должны объявить войну, но я боюсь, что массы наши не пойдут за этим лозунгом. Единственно, что мы можем сказать, это—что Германия страна империалистическая и капиталистическая, но мы опасаемся, что после—нам придется объявить войну Японии, не менее империалистической стране, чем Германия, но если мы сейчас придем на съезд Советов, придем представителями рабочих, крестьян и будем объяснять широким массам населения, что нужно объявить войну Германии в силу этого условия, то никто нас не поймет. Я боюсь, что товарищи, сторонники революционной войны, в конце концов, не смогут поставить так вопроса, как они ставили его здесь.

Затем нам говорят, что положение наше ужасно, что хозяйственная разруха невероятна, что у нас отнимают Донецкий бассейн с углем, Украину с хлебом. Если мы объявим сейчас войну, мы их не получим; наоборот, как раз потеряем. Я, как один из представителей Донецкого бассейна скажу, что если Петроград и Москва объявят войну, то прежде всего заберут нашу красную гвардию, то, что у нас есть, с чем мы можем воевать с Петлюрой, чем мы били на другой стороне Каледина. Заберут ее сюда—оставить Петроград, а что останется нам? Товарищи, сторонники революционной войны, должны понять, что мы начнем войну в условиях продолжительной хозяйственной разрухи, когда она уже почти убила Донецкий бассейн, когда наши лучшие рабочие ушли отсюда воевать. На шахтах почти нельзя работать, потому

что дисциплинированные элементы ушли на фронт, и остальная рабочая масса перестала быть революционной и дисциплинированной. У нее нет понимания необходимости работать больше, усиленнее, настойчивее, чтобы спасти страну поднятием производительности труда на шахтах. Производительность упала, главным образом, потому, что ушли наиболее сознательные рабочие.

Если нам предлагают в качестве выхода из хозяйственной разрухи войну с Германией и надеются этим спасти Донецкий бассейн, то я думаю, товарищи, что таким образом подходят к вопросу совсем не с той стороны. Объявление войны Германии— а ничего другого, кроме объявления войны, нам не остается, если мы откажемся ратифицировать договор,—означает только одно, что мы, пытаясь спасти положение, делаем его еще хуже, мы удешевляем разруху. Конечно, можно возразить против того, что вообще нам нет выхода, как сказал тов. Бухарин, который уверен в том, что мировой империализм договорится, и что поэтому вообще нет выхода, что предстоит только развал. Раз происходит раздел вообще, то им воспользуется не одна Германия, а примет участие в дележе Япония, Англия и др. Поэтому придется объявить волей неволей войну всем,—со всеми странами разорвать всякие отношения.

Я помню, что один из товарищей на собрании партии предлагал этот выход, но перед широкими массами рабочих и крестьян—это вещь совершенно невозможная. Нам говорят, что если мы сейчас при условиях, в которых мы находимся, ратифицируем мир, то это будет предательством по отношению к рабочим Латвии, Украины и др., но я вас спрашиваю, разве, если мы сейчас объявим войну, они будут в лучшем положении?

Наконец, последний, самый убедительный аргумент—это тот, что нет никакой возможности вести войну сейчас с Германией. Нас упрекали в том, что, говоря так, мы убиваем революционную энергию масс; нам, очевидно, хотят сказать, что если мы будем бить в бубны и кричать «ура», революционная энергия масс возрастет. Я боюсь, что таким путем ничего, кроме обмана, который будет быстро разоблачен, мы не создадим и лишь внесем деморализацию в ряды как раз наиболее сознательной части передового пролетариата. У нас был один опыт, когда был дан неосмотрительный приказ наступать, не считаясь с тем, что победа была невозможной и когда надо было отступать, вследствие чего у нас разбили лучший революционный отряд. Это в одном

месте, а возьмите во всероссийском масштабе — это будет катастрофа. Ничего, кроме этого, нам не предлагают. Я думаю, что у нас не деклассированные банды пролетариата, который в результате хозяйственной разрухи, когда безработица свирепствует повсюду, стал люмпен-пролетариатом, что такого разложения в рядах пролетариата у нас нет. Когда мы нашему пролетариату объясняем, что для того, чтобы воевать, надо иметь соответствующие технические средства, мы его не разлагаем, и когда в момент наивысшей опасности мы призываем его защищать революцию во что бы то ни стало и объясняем, при каких условиях защита возможна, то я думаю, что мы выполняем только свой долг. Мы имеем дело не с младенцами, а со взрослыми людьми. Разрешите нам говорить с широкими массами трудового пролетариата, как со взрослыми людьми.

Нас обвиняют дальше в том, что мы считаемся с крестьянством, что мы прикрываем даже крестьянство и мешечников. Позвольте, товарищи, ведь сейчас пролетариат России, создав Советскую власть, вступил на путь социальной революции. Мы провозгласили социальную революцию, опираясь на широкие слои крестьянства. Что же вы нам предлагаете? В условиях, когда широкие слои еще не поняли всего положения, вы предлагаете, чтобы передовые слои пролетариата, — заметьте, не весь рабочий класс, а только его передовые слои, — объявили крестьянство просто бессознательными людьми, мелкой буржуазией, и чтобы только эта небольшая группа пролетариата ринулась в бой. Этим мы скажем, что для пролетарской диктатуры нет больше элементов, что пролетариат, на данной ступени развития, не может вести за собой беднейшие слои крестьянства и остальные слои рабочего класса. В этих условиях, очевидно, многие из вас думают, что рано минуту нам нужно уйти в отставку; с другой стороны, кажется, есть и такие товарищи, которых почему-то называют левыми, и которые предлагают благородный жест — вынуть шпагу и погибнуть, оставя по себе хорошую память. Я думаю, что в рядах пролетариата такой поступок может оставить очень скверную память. (Рукоплескания.)

Председатель. Слово имеет тов. Коллонтай.

Тов. Коллонтай. Товарищи, сейчас получилось следующее положение вещей: предварительный мир подписан, а мы видим, что война продолжается. И так, товарищи, этот мир, если он будет ратифицирован, едва ли будет представлять нечто большее,

чем бумажку, которую подпишут обе стороны с тем, чтобы ее не соблюдать. Иначе я его себе не представляю. Может быть, товарищи, которые стоят за подписание мира, рассчитывают именно на то, чтобы в этот короткий промежуток времени передышки собрать силы и напасть на врага. Только с этой точки зрения правы те наши товарищи, которые стоят за подписание мира,—внешним образом соблюдая его—при первой возможности стремиться нарушить. Но я думаю, что сама жизнь не дает возможности этой передышки. Мир сейчас уже стал невозможностью. Мы чувствуем, что старая война, империалистическая война, окончена; мы вступаем в новый период. Будет ли подписан мир или нет, но мы должны сказать, что сейчас уже началась другая война, определенная, ясная война белых и красных. Мы видим перед собой эту разрастающуюся войну, которая, прежде всего, выявилась в Финляндии и сейчас уже перекидывается в Швецию. Там создает другое настроение. Я скажу вам несколько слов об этом дальше. Сейчас хочу я только провести ту мысль, что эта война красных и белых, несомненно, заражает другие страны, т.-е. делает то, что мы ожидали вообще, на что мы надеялись. Именно в этот момент нам приходится оценивать вопрос о мире с нашей обычной точки зрения, т.-е. с той, с которой мы подходили всегда к каждому мероприятию, к каждому лозунгу, каждому нашему тактическому шагу,—укрепит ли мир интернациональную солидарность рабочего класса, или разобьет его революционную волю, которая нужна нам сейчас, нужна для долгого периода борьбы с окрепшим империализмом. Нет, товарищи, как раз подписание мира не укрепит этой революционной воли, этой революционной интернациональной солидарности, которая зарождается в разрастающейся борьбе,—войне красных и белых. Революционная воля крепнет не в период мира. Никакой агитацией вы этой революционной воли не укрепите, она создается и крепнет, развивается только в самой борьбе.

Сейчас подписание мира явилось бы предательством перед Финляндией, перед той войной, какая там идет и которая перебрасывается, несомненно, в другие страны, потому что, как вы знаете, за белогвардейцами Финляндии сейчас стоит Швеция. Для Швеции вопрос о положении дел в гражданской войне в Финляндии приобретает крайне острый характер. Мне пришлось теперь, в эту краткую неудачную поездку, быть там, и Швеция уже открыто наступала на Аландские острова. Там уже чувствуется

ясно дыхание этой нарастающей и крепнущей с каждым днем борьбы, новой войны красных и белых. Красным рабочим приходится организовываться, работать в подполье и создавать свою Красную армию, боевые батальоны рабочих, приходится считаться с возникающим новым интернационалом—интернационалом офицеров—немецких, русских, английских, французских. Как раз накануне нашего отъезда мы были свидетелями собрания офицеров немецких, русских, шведских, английских и французских. Все они сходились в одном стремлении безжалостного подавления Финляндии, уничтожения Красной армии, красных войск. Там даже ставился вопрос об аресте всей нашей делегации, это, собственно, к делу не относится, но это характеризует настроение. Совместное заседание немецких, русских, английских, французских, шведских и финских белогвардейцев весьма типично: то же самое происходит у нас в России, например, в Пскове, в тех местностях, где находятся уже немцы и где русские офицеры приходят к ним за помощью. Мы должны видеть всю картину развивающейся новой войны, возникшей еще до того, как мир был подписан. И мы должны использовать этот момент, создавая интернациональную революционную армию. И если погибнет наша Советская республика, наше знамя поднимут другие. Да здравствует революционная война! (Аплодисменты.)

Тов. Шелавин. В рабочих районах мы знали о войне красных и белых. Но мы в этих же районах увидели кое-что и другое. Две недели тому назад все рабочие стояли за революционную войну. Теперь в рабочих районах Питера случилось то же, что в Москве и во всей стране. Выходили один за другим рабочие и заявляли: «две недели назад говорил я так, а теперь смотрю на дело иначе». И это случилось не только в Василеостровском районе, а и в Выборгском, Нарвском и т. д. Рабочие районы, ощущая непосредственную опасность немецкого нашествия и не имея организованности, заговорили иначе—и заговорила не масса, а рабочие коллективы, партийные товарищи. Эту знамя нельзя ни родить, ни затушить холодной водой.

Когда была подписана формула «ни война, ни мир», то в Василеостровском районе я слышал от рабочих: «хорошо, что мир заключен». Вот как думает передовой революционной авангард Петрограда. Пред нами три пути. Средний путь—путь компромисса никуда не годен. И нам остается принять путь—заключения мира, его ратификации.

Вносится предложение прекратить прения. Предложение отклоняется. Вносится предложение о перенесении прений на следующее заседание. Тов. Сапронов высказывается против. Предложение принимается.

Заседание закрывается в 9 час. 45 минут вечера.

Заседание четвертое.

(8 марта, утреннее.)

Заседание открывается в 11 час. 40 м. Председатель тов. Свердлов.

Председатель. Позвольте открыть заседание. Слово для приветствия предоставляется представителю Финляндской с.-д. партии т. Тернийнен.

Тов. Тернийнен. Товарищи, от имени Ц. К. Финляндской с.-д. рабочей партии и Финляндского Совета Народных Комиссаров я уполномочен передать братский привет партии русского революционного пролетариата. Находясь в скалистей Финляндии под таким же гнетом капитала, как и вы, мы не были все же в стороне от международного единства пролетариата. Несмотря на шовинистские выкрики нашей буржуазии, мы все же тяготели к вам, русским товарищам. Ваша самоотверженная борьба служила для нас примером в борьбе против буржуазии нашей страны, поддерживала энергично финляндского пролетариата. Будучи совершенно солидарны с русским революционным пролетариатом, мы следили с большим напряжением за развивавшейся вашей революцией. Мы знали, что не от буржуа Керенского и Коновалова мы можем ждать проведения в жизнь задач, которые поставила революция, а от революционного пролетариата России. Когда вспыхнула великая октябрьская революция, в Финляндии почва для выступления была уже подготовлена. Первую пробу сил устроил наш пролетариат в ноябре, объявив всеобщую забастовку. Уже тогда происходили стычки с буржуазными белогвардейцами, вооруженными немецкими винтовками, уже тогда пролетарская Красная гвардия брала перевес над мясниками буржуазной гвардии. Но пролетариат все еще не был готов. Пришлось сделать передышку и укрепить кое-какие завоевания законода-

тельным путем, например, добиться утверждения закона о восьми-часовом рабочем дне, о новых коммунальных выборах и пр. Буржуазия, вооружившаяся при поддержке Германии и Швеции еще до всеобщей забастовки усиленно принимала меры в смысле подготовки своих «мясо-гвардейцев», готовая совершенно уничтожить организацию финляндского рабочего класса, потопить в крови движение финляндского пролетариата. Она пробовала разжечь страсти, обостряя продовольственный кризис, надеясь так же, как и русская буржуазия, на костлявую руку голода. Но надежды ее рушились. По примеру своих русских братьев наш пролетариат встал, как один человек. Среди гор Финляндии закипела борьба не на жизнь, а на смерть. Вся власть перешла в руки рабочего класса. Борьба еще продолжается, но за месяц борьбы мы многого достигли. На чрезвычайно длинном фронте, простирающемся от Ботнического залива до Ладожского озера, стоит твердо наша Красная гвардия, защищая революцию. Одержанная нами на днях победа, где в сражении легло свыше 500 белогвардейцев, явилась настоящим ударом для контр-революции. Наша Красная гвардия должна победить, отгесняя контр-революционные банды все дальше на север. Финляндская буржуазия выказала всю свою кровожадность: в тех местах, где преобладание еще остается за ней, например, на Северо-западном фронте, она попирает все человеческие законы, прибегая к приемам, воскрешающим средневековые отношения и обычаи. наших товарищей арестуют сотнями, бросают в тюрьмы, избивают и даже убивают. Взятые в плен красногвардейцы расстреливаются. Трудно передать словами все ужасы, творимые нашей буржуазией, потерявшей стыд, в то время, когда красногвардейцы поступают с пленными неприятелями по всем принципам гуманности. Недаром финляндский рабочий класс назвал этих белогвардейцев «гвардией мясников». Не имея достаточного количества добровольцев, желающих сражаться против рабочего класса, буржуазный генерал Маннергейм насильно набирает в свою армию население и насильно отправляет трудящийся народ бороться против своих братьев. В захваченных областях они вводят обязательную воинскую повинность. Не служит ли это доказательством бессилия финляндской буржуазии? Верьте, наши русские товарищи, сами теперь переживающие тяжелую борьбу за революцию, могут быть уверены, что финляндский пролетариат одержит, без сомнения, победу. Мы обязаны благодарить вас за многое: вы оказали нам

серьезнейшую поддержку. Кроме признания во имя принципов международного пролетариата, независимости нашей республики, вы приняли самое горячее участие в нашей борьбе. Многие из вас, русские товарищи, пожертвовали уже жизнью на полях Финляндии за общее дело пролетариата. Придерживаясь революционных принципов социализма, вы пришли к соглашению с финляндской рабочей республикой, заключили выгодные для Финляндии договоры. Это доказывает вашу интернациональную солидарность: это является образцом социалистического государства, гарантирующего свободу рабочего класса.

За все это финляндский революционный пролетариат вам выражает искреннюю благодарность. Да здравствует русский великий революционный пролетариат! Да крепнет единство между трудящимися всех стран! Да здравствует международная рабочая революция! (Рукоплескания.)

Председатель. Позвольте мне, товарищи, от имени съезда и от имени всей нашей партии выразить твердую уверенность в том, что вся та помощь, вся та поддержка, которую мы можем оказать финляндским рабочим в их борьбе против финляндской буржуазии, и впредь будет нами оказываться в полной мере. Если мы не сможем через наши Советы, организации, через наши правительственные учреждения оказывать ту необходимую помощь, которую мы оказывали до сих пор, то поред нашей партией встает задача будить к борьбе рабочий класс различных стран, оказывать ему всяческую поддержку и содействие. Та работа, которую проделали финские товарищи в Финляндии в борьбе со своей буржуазией, была тесно связана с нашей русской революцией. Многие наши товарищи, особенно питерские, действительно положили свои головы на полях Финляндии. Я не сомневаюсь в том, что впредь весь питерский пролетариат приложит все усилия к тому, чтобы власть, вырванная из рук буржуазии в Финляндии, осталась в руках рабочего класса и укрепилась. В этом мы видим залог единения рабочего класса всех стран, и позвольте выразить твердую уверенность в том, что не далек тот момент, когда пролетариат всех стран действительно укрепит господство пролетариата повсюду. (Аплодисменты.)

Товарищи, поступило предложение одного товарища из провинции не давать больше слова цекистам, а также москвичам и питерцам, стоящим близ Ц. К., которые выступали все время на съезде, а предоставить слово провинциальным делегатам.

Позвольте мне предложить вам прибегнуть к следующему: у нас записавшихся всего осталось приблизительно 22 человека. Всех, конечно, мы не будем иметь ни малейшей возможности выслушать. Я полагаю, что различные точки зрения нашли себе достаточно полное освещение вчера в тех прениях, которые имели место. Чтобы удовлетворить законное желание товарищей из провинции поделиться своим опытом и наблюдениями, может быть, мы в порядке записи предоставим слово 5—6 товарищам из провинции. Число их определится голосованием съезда.

Угодно будет согласиться со следующим порядком: цехистам больше слова не давать, и дать в первую очередь высказаться провинциалам. Если мы найдем возможным впоследствии предоставить слово еще раз членам Ц. К., мы можем тогда это сделать. Угодно будет согласиться с таким предложением? Возражений нет. Слово имеет тов. Стожок.

Тов. Стожок. Наконец, товарищи, после известной борьбы удалось получить слово мне, жалкому провинциалу. Мне очень трудно забыть вчерашний инцидент, когда не дали возможности высказаться провинции и закрыли прения. Я приветствую то, что заседание началось. Мы спешим, каждый спешит, а вместо этого мы по каким-то неведомым причинам опоздали с открытием заседания съезда на 1 ч. 40 м. В это время могло высказаться, по крайней мере, 10 ораторов. Но перейдем к делу. Здесь говорили о т. Ленине, конечно, разное. В газетах читал, что т. Ленин говорит, что плохо, если масса начинает опережать своих вождей. Такова, кажется, мысль т. Ленина. У нас, в провинции, наблюдается стремление к победе, принявшее массовый характер. А между тем его подрывают. Эти чувства, этот порыв следовало бы только приветствовать, его нельзя подрывать и уничтожать пустыми разговорами о том, что мы приступим к борьбе после, когда у нас будет материальная готовность к ней, а пока нужно сидеть, сложа руки или проделывать над собой хакари. Это есть хакари Советской власти, так как спокойно нельзя отдать себя в жертву империализму, гораздо лучше погибнуть в бою за правое дело, чем сделать хакари. Надо снасти жизнь борьбой. Погибали мы в 905 году, погибали с оружием в руках; нас разбили, но мы несколько не проиграли, а выиграли в 905 году. Так и теперь выиграем или погибнем с оружием в руках,—тем более, что идет революция, что ее нельзя ускорить спокойствием. Нет, так гораздо большая оттяжка. Мы будем бороться с оружием

в руках, прольем кровь, если надо умирать с оружием в руках. Это будет святая кровь, которая промоет глаза иностранному пролетариату, который так не видит и не понимает сущности дела, хотя смотрит на события. Да, без крови ничего не бывает.

Как известно, в Германии уже идет революция, сначала Либкнехта извести в тюрьму, потом под влиянием пролетарского движения опять выпустили. Борьба назревает, борьба идет. Ее необходимо поддерживать. Чем можем мы ее поддержать? Только лишь с оружием в руках, не давая нигде врагу завоевывать то, чего мы достигли. Если мы только, сложив руки, будем сидеть, к чему вас уже здесь призывают, то не победа будет, — падет дух не только у нас в армии, но даже в среде иностранного пролетариата. Они будут рассуждать: «там ничего не достигли, надо отложить свое дело на долгие годы». Нужно вспомнить, что мы давали клятву на могилах наших братьев, что не бросим оружия, пока не достигнем свободы, и вдруг, оказывается, что надо бросить оружие. Почему это мы забыли клятву на могилах павших братьев? Одною факт совершился, как это ни печально. Мы не обвиняем наше правительство в подлинности этого самого мира, но мы лишь должны быть всегда наготове — ежечасно дать полный отпор врагу. Мы не должны забывать этого, и обеспечить все то, пачатое нами, что надо еще довершить и здесь и в провинции. Здесь говорили о необходимости уйти в подполье. Мы тогда только должны уйти, когда нас прогонят, когда мы будем обессилены, когда будем вынуждены бросить оружие. Только тогда должны уйти в подполье.

Я встретил заметку т. Ленина, в которой он говорит о необходимости дисциплины. За это я приветствую его. На Украине мы неоднократно говорили, что необходимо создавать дисциплину на местах. Если будет создана дисциплина среди рабочих и войск, это только можно приветствовать, потому что с введением дисциплины поднимается дух, производительность и т. д. Но если ввести дисциплину только на словах, а на деле ничего не сделать, то положение лишь ухудшится. Пусть бы наши вожди приехали на рудники и сказали, чем помочь в борьбе с разложением. Там словами уже нельзя помочь. Пусть выйдет даже мудрый царь Соломон, и он тоже не даст должного ответа. Кричат «хлеба», — хлеб есть, но купить не на что, потому что работают 4 месяца и не получают жалованья. А много ли может сделать голодный человек?

О передышке нечего и говорить, если будет разваливаться Донецкий бассейн. У нас там закрываются рудники, металлургические заводы, так как не на что купить хлеба. Если у кого и есть деньги, так он с 40 рублей также с голоду сдыхает. Вот что делается у нас. Скажите, как можно в голодное время искоренить разруху. Мы пробовали обменивать хлеб на уголь в хлебном крае, но из этого ничего не вышло; кому идет тот уголь, который мы даем, 2000 вагонов, мы не знаем. Мы готовы дать уголь, но крестьянам он не нужен, им нужна мануфактура. Ее нужно доставить и обменять. Нужно прийти, как можно скорее, на помощь, если власть в наших руках. Дальше нет возможности терпеть не то, что без денег, а даже с деньгами, за которые нельзя купить хлеба. Говорят, что надо восстановить производство, надо спешить, но во время передышки этого сделать нельзя, этого можно достичь только путем войны, разжигая революцию. Германия диктует мир, чтобы мы не касались Центральной Рады; когда Центр. Рада захватила власть, то сейчас же отрезала на несколько месяцев вывоз хлеба с Украины. Советская власть начала налаживать дело и снова разрушает все. Нам надо бороться, надо дать хлеб Петрограду и центру, но и мы должны прийти на помощь Донецкому бассейну. Пока еще товарообмен только налаживается. Нужно наладить финансы. При достаточном финансировании будут у нас заводы работать, будут делать снаряды. Вы эвакуируете даже весь Петроград в Москву, даже в Харьков. Это — не помощь; эвакуация — великодушное дело, но не в отношении промышленности, нельзя взять заводы под мышку и уйти. Вы сами можете эвакуироваться, а это постоянно придется немцам оставить. Только сдайте его, — они построят все. Нам Москвы не надо. Все эти ценности, все эти миллионы мы хотим оставить без боя: «па, мол, бери, да убирайся». Здесь так именно сказал это слово один из товарищей, кажется, Рязанов. Если так, «сдавай, нечего нам стесняться», раз мы идем к несчастью, раскрываем границы, раз немец взял, захватил всю Европу, только разве тогда мы должны бороться в общем масштабе? Нам нечего отстаивать. Мы боремся не с теми империалистами, а с капитализмом, а потому эту борьбу можно пока отложить. Если мы падем кругом, то наша кровь только, может быть, промоет глаза иностранному пролетариату, а то он еще очень слеп. Может быть, нужны новые жертвы; я, может быть, тоже слепо смотрел недавно на это дело, но что промыло мне глаза — это кровь братьев,

которые пали с оружием в руках. Мы оружия не бросим, пока не переступят через наши трупы.

Председатель. Слово имеет т. Розанов.

Розанов. Товарищи, я являюсь делегатом от г. Ярославля и должен вам здесь заявить на съезде, что много из того, что говорил т. Ленин, уже оправдалось. Многие иллюзии, которые мы еще питали в конце декабря, уже разбиты. Я хочу познакомить вас с той позицией, которую заняла наша организация по отношению к вопросу о войне и мире. Еще в декабре месяце наши представители на Областном съезде в Москве, на собрании его пленума, предлагали резолюцию Областного Комитета. В ней говорилось, что необходимо немедленно прервать мирные переговоры и объявить священную войну. У нас было в конце декабря собрание, на котором почти все стояли за то, что надо объявить ее, разорвав все переговоры. У нас начались тогда митинги во всех военных частях, и мы призывали к священной войне с германским империализмом. Одним словом, говорилось много, революционного пылу было достаточно, но результат оказался довольно плачевный: несмотря на все горячие речи, на эти призывы, у нас мало записалось в наши новые отряды социалистической армии. Когда мы ознакомились с мыслями т. Ленина, мы поняли, что мы сделали неверный шаг. Когда пришлось обсуждать тезисы Ленина, многие спрашивали: почему он не настоял раньше и не предпринял таких мер? Здесь указывалось, что т. Ленин был в меньшинстве, что решения выносятся большинством, и им мы должны подчиняться. Слишком поздно рабочие начали сознать, что мало одного революционного пылу и энтузиазма, что надо провести действительную подготовку. Когда еще Красная армия не организована, когда ее нужно еще готовить, нужно отфильтровать негодные элементы, тогда необходимо выждать хотя бы несколько дней, чтобы организовать эту новую армию. Тов. Бухарин говорит, что сторонники мира разложили Красную гвардию. Нет, как раз те, кто призывает немедленно начать революционную войну, именно они не дают возможности организовать эту Красную гвардию. Надо признать, что в эту Красную армию очень много записалось элементов, не соответствующих своему назначению. Бывали случаи, когда красногвардейцы пытались убивать представителей, которые шли разоружать их. Такие случаи не редки. Нельзя делать всего наспех. Надо все подготовить, а в этом даже несколько часов или

дней могут сыграть громадную роль. Нельзя, чтобы в таком важном вопросе, как вопрос о войне или мире, нами пренебрегался классовый строй общества. Очевидно, этот вопрос должен быть иначе решен. Что мы видим? Получаются такие вещи, что иногда кадеты и большевики приходят к одному решению — немедленно начать революционную войну. С другой стороны, часто большевики тоже стоят за приятие мира. У нас в Ярославле было выпущено кадетами очень оригинальное, характерное воззвание. Из него сразу видно, какая опасность угрожает нам, если действительно мы поддадимся, будем питать те же иллюзии. В листовке говорилось, что в Москве было выпущено воззвание от группы «Единства», в котором автор, обращаясь к крестьянину, говорит: «мужик, брат, не поддавайся, нажимай тех, кто готов купить жестокой ценой добровольный мир». В заключение, наши кадеты призывают к общенациональному единению. В роковые часы вражеского нашествия они требуют и предлагают единение. Не будучи большевиками в данный момент, они призывают всех русских граждан прийти на помощь Советской власти, объединиться вокруг Советов, как единственной организации народной власти. Кадеты призывают объединиться вокруг центра, вокруг единственного центра. Что значат эти слова, когда они говорят, что они тоже будут участвовать в этой революционной войне. Ведь, это замечательно хитроумный ход с их стороны. Конечно, мы прекрасно понимаем, что это — одни слова. Для больших масс рабочих, у которых недостаточно развито классовое самосознание, это грозит опасностью затемнить его совсем. Этим создается как раз та опасность, которой мы старались все время избежать. Ведь наш основной принцип, который является необходимым условием для развития и успеха революции, это есть принцип развития классового самосознания. Надо резко провести грань между взглядами тех и других классов. Действительно может внести путаницу призыв кадетов объединиться вокруг Советов. Многие рабочие, которые еще не совсем уяснили себе суть дела, могут не заметить, какой тут ловкий подход. Подумайте, они призывают объединиться вокруг Советов, как единственной организации. Мы отлично знаем, что в настоящий момент мы обречены на поражение. Мы дали оружие в руки буржуазии, которая может сказать, если бы у нас было Учредительное Собрание, то тогда, действительно, эта война увенчалась бы успехом. При этом наносится смертельный удар в сердце Советской власти, смертель-

ный удар всей нашей революции. Вот в чем опасность. Надо все-таки реагировать на все хитроумные ходы буржуазии и контр-революционеров. Теперь, когда наши иллюзии разбиты, большинство наших товарищей признает, что заявление Совета Народных Комиссаров о согласии на мир было великолепным тактическим шахматным ходом, который помог нам действительно, сразу же изменил положение в нашу пользу. Здесь тов. Свердлов говорил, что многие речи производят странное впечатление и впервые их нам приходится слышать. Я не совсем согласен. Такие речи, как т. Рязанова, мы слышали от меньшевиков, но они делали добавления и называли предателями тех большевиков, которые стояли за заключение мира. Они указывали на пример Коммуны. Они говорили: «коммунары умели умирать, а вы не умеете даже этого,—вы изменники, вы предатели».

Затем о речи т. Бухарина. Его речь мало убедительна. Те же самые доводы приводили ловкие эс-эры на том съезде, о котором я говорил, при этом им, конечно, аплодировали меньшевики. Там были те же доводы, те же доказательства, что сейчас мы слышим в речах тех, кто стоит на точке зрения немедленной революционной войны. Этими самым они льют воду на колеса буржуазии.

Масков. Самая большая опасность—это трещина в самой нашей партии.

И с Урала. Когда ехал сюда, имел у себя взрывчатых веществ больше, чем у Рязанова. Здесь я их потерял. Мы должны констатировать факт трещины нашего здания сверху. Эта трещина в здании нашей партии. Эта трещина дает материал в руки наших врагов и может привести к краху.

Когда решается вопрос не только жизни русской революции, но и жизни всего пролетариата, мы раскола внести не можем, и трещина, которая имеется, я верю, сгладится.

За последнее время мало уделялось внимания партии: и в Ц. К. и на местах увлекались портфелями, мало времени уделяли организации. С некоторыми положениями т. Ленина я тоже не согласен, напр., с положением о том, что у нас нет силы.—Но тогда, ведь, это банкротство!—Это неверно, сила у нас есть, но она еще сырая. Нужно им на одну минуту не забывать лозунга: организация, организация и организация, в смысле боевой. Тактика подписания мира правильна, хотя уральские товарищи не уполномочили меня это говорить.

Тов. Сапронов. С первых дней мы выбросили лозунг «борьба за мир». О передышке в 3 дня т. Ленин 8 января не говорил, — а о передышке в несколько месяцев. Это одна сторона. Вадорно и это подписание мира; оно никуда не годится, ибо хлеб с Украины вы не получите. Мы видим, что крестьяне организуют партизанские отряды для борьбы. Это говорят и наши противники. Для маленькой передышки вы заключаете мир в тысячу раз хуже только для того, как говорит тов. Ленин, чтобы вывезти из Питера 10 тыс. революционных рабочих. Но какой ценой вы это покупаете? И чем финляндские рабочие хуже? И двигаясь на Восток, вы дойдете до столкновения, которое вам готовит Япония и Америка.

Шумайлов. Глядя на борьбу наших вождей, удивляешься. Давно ли в Циммервальде т. Ленин критиковал Чернова? Надо сравнить теперешнее заявление т. Ленина и прежнее. К чему мы должны стремиться? Чернов постепенно пасовал, сдавая все революционные позиции. Тов. Ленин делает первую уступку, по более чувствительную, чем Чернов. Потом пойдут уступки за уступкой. Сейчас сдали наши революционные завоевания под давлением германского империализма. Но нам надо быть готовым к тому, что нам предъявят требования на Востоке. Как только Германия увидит, что мы не выполняем ее требований, она пошлет белогвардейцев, мы должны будем уступить еще и еще раз, попадая в заколдованный круг.

Мы сильны не большинством, а благодаря тому, что промежуточные слои встали на занятую нами позицию, мы стали сильны, и мы победим. Что заставило эти промежуточные слои перейти на нашу позицию? Их заставила это сделать решительная политика, наша твердость, неустрашимость и наше постоянство. Если в настоящий момент мы сдадим позиции, то этим самым мы окончательно убьем дух в промежуточных слоях не только в России, но и на Западе. Если только эти промежуточные слои населения на Западе не примкнут к нашим товарищам рабочим, — социальной революции там не бывать. Заняв позицию, которую рекомендуют нам сторонники мира, конечно, мы дадим в руки всех империалистов и всех оборонцев, примыкающих к ним, материал для агитации против пролетарских лозунгов. Они могут говорить: «смотрите на социалистических рабочих, смотрите на социалистическую революцию — они, захватив власть, став у власти, предали вас». Такая агитация может даже пользоваться успехом. При

таких условиях действительно устраняются промежуточные слои. Они не встанут на позицию борьбы, а одни рабочие, определенно стоящие на социалистической позиции, без промежуточных слоев, будут подавлены империалистами, будут подавлены белогвардейцами—и революция погибнет. Наши вожди все сходятся на одном: если только не произойдет в настоящий момент на Западе революции,—мы погибли, и наша социальная революция проиграна. Выбирайте один путь, путь борьбы, который действительно сможет зажечь социальную революцию на Западе, который будет светить мировым красным факелом, вызывая западный пролетариат на борьбу. Заявив эту позицию, товарищи, мы, вне всякого сомнения, можем еще выиграть. Если мы сейчас на эту позицию не вступим,—мы все равно проиграем, при этом проиграем позорно и ни в коем случае не окажем своим товарищам, социалистам Запада, никакой поддержки, никакой надежды на их конечный успех.

Председатель. Поступило предложение о прекращении прений. Записавшихся имеется около 20 человек, при чем 7 человек — провинциалов. Угодно высказаться против?

Тов. Урицкий. Я предлагаю дать возможность высказаться прочим провинциалам.

Тов. Пельше. Я полагаю, что провинциалы много нового не внесут. Вы слышали, что они повторяются. Теперь не время слушать повторение одного и того же. Надо поскорее перейти к делу, которое нас ждет. Поэтому поддерживаю предложение о прекращении прений.

(Голосованием прения прекращаются.)

Тов. Бухарин. Товарищи! В настоящее время нужно поставить перед собой один основной вопрос, который должен быть обсужден в первую очередь: от разрешения его ни в коем случае не могут и не должны отказываться сторонники ни той, ни другой позиции. Этот вопрос гласит следующее: возможна ли теперь вообще война? При чем под словом «теперь» я подразумеваю если не сегодняшний день, в буквальном смысле этого слова, то ближайшее, самое ближайшее время. Нужно решить, возможна ли она объективно, или нет. Мы отвечаем, что такого рода война возможна,—наши противники утверждают, что она невозможна (Голос *Ленина*: «Возможна»). Что же говорит тов. Ленин: невозможна или возможна? Если эта война возможна в ближайшем будущем, через несколько дней, то нужно спросить сторонников

того течения, которое представляет тов. Ленин, на чем же, в конце концов, они базируют свою позицию? Ведь, как раз центральный пункт всей их аргументации, всех их речей, резолюций и выступлений митинговых и съездовских и всяких иных в том, что сейчас, в силу объективных причин, при разложении армии, при современном состоянии продовольственного дела, при развале транспорта и пр., войну вести мы не можем. У тов. Ленина в уме, так сказать, определенная диалектическая схема, которую он все же недостаточно ярко выявил пред нами. Например, до сих пор я полагал, что он считает войну абсолютно невозможной. Но нужно посмотреть, как преломляются эти рассуждения тов. Ленина у всех остальных сторонников его позиции. Тов. Свердлов прямо говорит, что воевать сейчас мы не можем. Перед вами выступал прямолинейный тов. Артем, который говорит, что воевать мы не можем; выходил ряд других ораторов, которые говорили то же самое. И утверждаю, что в агитации против нас, против сторонников революционной войны, самым основным аргументом в демагогической форме является следующий: сейчас воевать—это посылать людей на убой. Вот основной козырь наших товарищей, которые с нами не согласны, вот основной аргумент. Я говорю, что подобная позиция не выдерживает никакой критики. Может быть, тов. Ленин сейчас с ними не согласен, но все же такое течение в нашей партии имеется и проявляется достаточно ярко. Это течение дезорганизует все дело революционной обороны. Если тов. Ленин стоит на другой точке зрения, то соответственным образом должна измениться вся его агитация: в своих статьях, в своей агитации он должен говорить рабочим: дело обстоит чрезвычайно плохо; быть может, через два дня мы должны будем воевать. Поэтому все беритесь за оружие сейчас же, ведите войну, она возможна, не отказывайтесь от нее. Разве не должны мы все, как один человек, стоять именно на такой точке зрения? (Возгласы: «правильно». Аплодисменты). Но, товарищи, вы не знаете, как в действительности ведется агитация. Возьмите все отчеты, всмотритесь во всю ту тяжелую артиллерию, которая выдвигается против нас. Вы увидите, что подчеркивается только одна сторона дела, увидите утверждения о том, что война в силу объективных условий невозможна. Другой половины нет, другая сторона не разворачивается. А что это означает? Я вчера слышал от вашего сторонника, тов. Ленин, от тов. Позерна, приехавшего с Северного фронта, что солдаты в значи-

61

тельной степени бежали потому, что они не понимали той совершенно нелепой позиции, которую занимают руководящие круги нашей партии. Он утверждает, что пропаганда и агитация, ведущиеся сейчас нашей партией, в конце дезорганизуют солдат, которые не понимают всего происходящего. Солдаты говорят, со слов наших вождей, что война невозможна, и потому они отказываются воевать и проливать даром кровь. Поэтому они удирали все до последнего человека. Вот как обстоит дело, и от этого не отвертеться решительно ничем. Поэтому, выступая первый раз, я говорил и это же повторяю сейчас, что ошибочность и вред официальной партийной линии заключается в том, что вместо духовной мобилизации пролетариата она его духовно демобилизует, разлагая его волю к священному отпору империалистов. Прощлый раз я утверждал, что наши противники придут к нашей позиции, но за эту «передышку» их деятельность,—их пропаганда и агитация,—объективно будет способствовать разложению, демобилизации наших сил, вместо их мобилизации. Тов. Ленин не согласен с той прямолинейной позицией, которую защищают все его сторонники,—это я положительно утверждаю. В таком случае я спрошу его, если он полагает, что через два-три дня мы в состоянии будем вести войну: для чего он покупает такой ценой этот договор, наносящий нам неисчислимый вред и шельмующий нас в глазах всего мирового пролетариата? Для чего нужно подписывать этот договор, для чего он нужен, если мы можем вести войну? Эту передышку тов. Ленин исчислял сначала месяцами потом днями, потом часами. На наших глазах пресловутая передышка совершенно тает и превращается в математическую линию с одним измороением, т.-е. в точку. Таким образом, тов. Ленин приближается к нашей позиции, но все же ради этой математической точки платить такую дорогую цену, какую собирается платить тов. Ленин, не стоит. Вы слышали от него здесь, что он готов заплатить ценой, даже во 100 раз большей. Извините, такого расчета, такой бухгалтерии понять никоим образом невозможно (*Ленин: «Очень возможно»*).

Товарищи, второй основной вопрос—это вопрос следующий. Тов. Ленин полагает,—и все мы с ним согласны в этом,—что война возможна, и тогда встает второй вопрос: каким образом будет происходить процесс организации этой войны. На этот второй вопрос можно дать два различных ответа. Можно полагать, что у нас будет известное, довольно длительное время, довольно боль-

шой промежуток времени для того, чтобы развить наши силы, чтобы организовать их, чтобы наладить громадный организационный аппарат, чтобы мобилизовать всех рабочих, всех солдат, чтобы привлечь некоторые слои кадрового офицерства, получить известное снаряжение и наладить, таким образом, военную машину, военно-социалистическую машину, по всем правилам военного искусства и военной науки; *post factum*, когда все это будет проделано, когда будут громадные запасы в резерве, построенные по чисто военному образцу,—начать борьбу, имея все или почти все шансы на успех. Это одна перспектива. Другая перспектива—это нечто совершенно противоположное. Согласно этой перспективы, организация наших военно-технических сил совершается в самом процессе борьбы. Ее можно представить себе таким образом, что с течением времени, по мере наступления империалистов, будут все больше и больше обнажаться социальные корни немецкого нападения, а может быть, японского, английского или французского, и с другой стороны, социальные корни защиты против этого наступления. И вот в процессе этого классового столкновения неизбежно будет мобилизоваться и та, и другая сторона с духовной и материальной стороны, будут раскрепощаться умы и будет создаваться оборона социалистического отечества. В процессе этой борьбы будут формироваться новые группировки, которые на первых порах, может быть, будут чрезвычайно хаотическими и с военной стороны несовершенными. Вначале они будут, может быть, терпеть поражения, не будут выдерживать никакой критики с точки зрения военно-технической, но сила их лежит в социалистических лозунгах, в социальной сущности этой новой мобилизуемой армии. В конце концов, в процессе борьбы, непосредственных столкновений, стычек с классовым противником, создается совершенно боеспособная, нового типа армия, которая сможет выдержать напор. Вот две различные схемы. Первая гласит: сперва полная организация, потом—борьба; вторая гласит: организация сил во время борьбы. Вторым вопросом необходимо поставить непосредственно после вопроса—возможна ли война вообще? Нужно без всяких фраз совершенно трезво учесть, какая из этих двух перспектив возможна. (Ленин: «Ясно, что обе».) Я утверждаю, что первая перспектива, на которой базирует всю свою тактику тов. Ленин, абсолютно утопична и является сплошной фразой. Ведь тов. Ленин сам чрезвычайно урезал свою передышку. Первая перспектива предполагает известный промежуток

времени и пространства. И тут нужно прямо и определенно сказать: сколько времени нужно для того, чтобы организовать армию по всем правилам военного искусства? Как вы будете ее формировать, откуда вы будете черпать все запасы и ресурсы? Как вы думаете ее оборудовать? Спросите любого военного, и он вам скажет, что для этого нужны вовсе не часы,—от 5 часов такого-то дня до 7 часов другого, как высчитывает тов. Ленин,—для этого нужен очень и очень солидный промежуток времени. И вот почему первая перспектива совершенно не реальна. Тов. Ленин говорит, что мы махаем шпагой, а в действительности он сам махает шпагой, не имея за собой реальной перспективы. И мы оцениваем положение в тысячу раз более трезво, чем он сам. Тов. Ленин старается изобразить нас в неблагоприятном виде для того, чтобы потом с большей легкостью поражать наше изображение, им же созданное самим. Такой прием для серьезной политики совершенно не годится, потому что несколько не выясняет вопроса, который мы дебатировем.

Тов. Ленин утверждает, что мы говорим о начавшемся в Западной Европе пожаре революции, что мы рисуем розовыми красками положение, которое нужно рисовать черными красками. Сам же он малюет черной краской только по одной линии, утверждая, что мы не можем воевать. Когда же обсуждается основной вопрос о передышке, тут тов. Ленин рисует вам розовые перспективы, развивает такие перспективы, которых на самом деле не существует. Нужно определенно сказать: тов. Ленин, решается ли вы утверждать, сможете ли вы говорить, доказывать, выступать перед рабочими с тем, что вы получите передышку для организации всего того громадного дела, о котором вы говорите? Мы утверждаем, что не только нельзя сказать,—как говорил тов. Зиновьев—«мы не можем дать ответа: может выйдет,—может нет»,—а можно дать лишь один определенный ответ: такой передышки вам не дадут, если вы не пойдете по пути превращения пролетарской партии в партию непролетарскую. В этом случае вам передышку, может быть, и дадут. Одно ясно, и это я категорически утверждаю, что, такой передышки, при сохранении рабочего характера Советской власти, мы не получим (*Ленин*: «Уже получили»). Вы говорите (обращается к тов. Ленину): «уже получили». Вы уже организовали все то, что предполагали организовать? О такой ведь передышке мы говорим. Пока мы получили передышку только для того, чтобы состоялся наш съезд. Боль-

шей передышки мы не получим. Вряд ли кто-нибудь может доказать противное. Такой розовой перспективы, которая говорила бы, что мы сумеем организовать военные силы, а потом лишь двинемся в бой,—такой перспективы нет и быть не может.

Таким образом, нам остается лишь вторая возможность, вторая перспектива,—и я утверждаю, что весь ход русской революции предопределяет именно такой исход,—этот исход—мобилизация сил в процессе борьбы. Вся наша революция шла по такому пути. И если тов. Ленин утверждает, что есть некоторая качественная разница, так как раньше приходилось иметь дело с Калединым, а теперь с немецким империализмом, то я утверждаю, что в процессе борьбы с буржуазией мы сами должны были разрушать милитаристический аппарат буржуазии и у нас нет и не может быть возможности в ближайшее время создать нечто подобное милитаристическому аппарату буржуазии. Такая перспектива для нас закрыта. Вся наша сила в нашей социальной базе и в наших социальных лозунгах. Тов. Сокольников вчера с величайшей проницательностью говорил здесь о мужике, который дерется, когда у него отнимают или скотину, или сапоги. Но этот-то самый мужик и спасает нас в настоящий период (*Голоса с мест: Правильно!*)

Тов. Зиновьев утверждает, что мы смешиваем две вещи—социальный состав партии и социальный состав страны. Он приписывает мне утверждение, что мы якобы не должны считаться с крестьянством. Это неверно. Он извращает мои слова. Я и товарищи, солидарные со мной, утверждаем, что наша партия из авангарда превращается в партию общенародную. Однако это не имеет никакого отношения к тому, считаться или не считаться с крестьянством, как с социальным элементом страны. Мы утверждаем, что мы авангард и должны вести остальные слои, но при этом, конечно, мы должны считаться с крестьянством. Нелепо было бы с ним не считаться. Это всякому ясно. Но считаться, товарищи, можно по-разному. Мы можем, как авангард, тянуть эти массы вперед, а можем капитулировать перед ними, не доведя до той точки, до которой мы обязаны их довести. Вот в чем наши разногласия, а не в том, о чем говорил тов. Зиновьев. Тов. Зиновьев становится на совершенно фаталистическую точку зрения. Он говорит, что сейчас реальное соотношение сил неблагоприятно и больше ничего. На этом он готов успокоиться и предлагает другим проделать то же. Эта позиция абсолютно недопу-

стима. Никогда революционные марксисты не говорили, что реальное соотношение сил таково; задача наша в качестве реальных политиков заключается в том, чтобы мы сами постоянно старались изменять соотношение реальных сил. Соотношение общественных сил вполне определено: по крайней мере, ответы, которые получены на анкету по вопросу о войне и мире, не оставляют сомнений. Мы видим, что громадное большинство делегатов высказалось за мир во что бы то ни стало. В силу этого мы говорим, что в данной стадии ничего другого ожидать нельзя, но наша священная обязанность заключается в том, чтобы давить на массы, втягивать их в борьбу. Мы были бы не революционерами, а старыми бабами, если бы преклонились благоговейно перед этим фактом, а не постарались бы его изменить. Раз мы авангард (и в этом мы упрекаем товарищей наших справа),—мы обязаны поднимать эти низы до того уровня, на котором мы стоим. И вот тут, товарищи, мы говорим: так как мы являемся авангардом, то наша задача, наша священная обязанность состоит в том, чтобы поднимать эти низы до того уровня, на котором мы стоим. Но здесь можно поставить марксисту вопрос: «хорошо, но где у вас хоть какая-нибудь гарантия того, что вы сможете это сделать? Вы говорите, что будете поднимать эти крестьянские слои, вы сумеете это сделать; быть может, со временем состояние вещей будет таково, что это само собой придет?» Я утверждаю, что на этот вопрос надо ответить следующим образом: «объективные условия говорят за то, что крестьянство будет вовлечено в борьбу» (*Голос*: «Когда?»). Когда тов. Сокольников рассказывает нам, что около Пскова организовалось 10.000 вооруженных крестьян, которые сражаются и расправляются с немцами, как нужно расправляться,—один этот факт доказывает, что движение началось, что оно будет распространяться в той самой мере, в какой будет двигаться против нас полчища германских и японских империалистов. Этот выход у нас есть, и это единственная реальная оптимистическая перспектива. Но если так, то надо поставить еще один вопрос: «по какому методу надо втягивать крестьянство в эту борьбу?» И здесь с некоторыми изменениями нужно повторить то, что я говорил раньше: «если вы, товарищи, представляете себе дело таким образом, что вы сперва организуете все крестьянство, сперва вооружите это крестьянство, заставите его совершать все продуманно, мобилизуете его материально и духовно, а потом пустите в качестве военной силы, я скажу, что вы утописты, безна-

дежные утописты. Единственная реальная перспектива относительно крестьян состоит в том, что эти крестьяне будут втягиваться в борьбу тогда, когда будут слышать, видеть, знать, что у них отбирают землю, сапоги, отбирают хлеб,—это единственная реальная перспектива. С моей точки зрения, совершенно нецелесообразно то, что проделывают наши товарищи, имеющие большинство в Ц. К., так как они это делают только потому, что у них перед глазами малюет все та же перспектива,—что они сперва организуют весь фронт, а потом целиком бросят его. Нет такой перспективы. Наше единственное спасение заключается в том, что массы познают на опыте, в процессе самой борьбы, что такое германское нашествие, когда у крестьян будут отбирать коров и сапоги, когда рабочих будут заставлять работать по 14 часов, когда будут увозить их в Германию, когда будет железное кольцо вставлено в ноздри, тогда, поверьте, товарищи, тогда мы получим настоящую священную войну. Эта война не явится в один день, это есть длительный процесс, который связан вначале с тяжчайшими поражениями, с тяжелыми потерями, но который будет потом победоносным. Сила его заключается в том, что он с течением времени растет. Вот почему с этой точки зрения совершенно не реальна, не допустима, вредна перспектива, которую имеют в виду товарищи.

Здесь тов. Зиновьев, отчасти тов. Смилга и еще несколько товарищей утверждали, что мы, рекомендуя такой способ действия, подрываем корень Советской власти. Я говорю: неверно. Советская власть не погибнет со сдачей Питера и Москвы. Что-нибудь одно из двух: либо Советская власть, как государственная власть старого типа, власть министров Витте и Дурново, власть, от которой, если снять голову, не останется ничего, либо это власть другого типа, о которой писал тов. Ленин в своей превосходной, быть может, лучшей из всех, написанных в течение войны, книжке: «Удержат ли большевики государственную власть?». Там тов. Ленин выставлял неоспоримое положение, что Советская власть есть не только Совет Народных Комиссаров, а власть фабрично-заводских комитетов, власть маленьких деревенских ячеек, власть крестьянских съездов, профессиональных союзов, власть тех маленьких ячеек, которые пустили свои щупальцы на каждом руднике и шахте. Если действительно наша власть такого типа, то империалистам ее придется выдирать зубами из каждой фабрики, из каждого завода, из каждого села и деревни. Если

64
402

наша Советская власть—такая власть, она не погибнет со сдачей Питера, Москвы (*Голос*: «Тогда мир не опасен». *Ленин*: «Совершенно верно»), потому что это власть масс, их организаций; если она со сдачей Питера, Москвы не погибнет, то не верно, что мы подрываем Советскую власть, идя на потерю Москвы и Питера, потому что мы этим самым фактом втягиваем, укрепляем, сплачиваем все силы страны. Вот действительно настоящая реальная революционная перспектива. Напротив, то, что хотите делать вы, товарищи, это есть подрыв Советской власти, которая сильна своим социалистическим содержанием. Если вы это социалистическое содержание начинаете вылушивать, вы губите Советскую власть.

Еще на последней городской конференции тов. Свердлов, который вместе с тов. Зиновьевым выступал против меня, чуть не клятвоу утверждал, что Брестские условия есть последняя уступка, и что мы делаем эту уступку, чтобы окончательно открыть глаза немецкому пролетариату. Тов. Свердлов говорил, что мы делаем последнюю уступку, но прошло всего несколько дней или, быть может, часов, как была сделана еще уступка—Батум, Карс и пр. Эта последняя уступка превратилась в предпоследнюю. Вчера тов. Троцкий рассказывал, что готовится еще целый ряд уступок, а тов. Ленин обещал, что уступит еще 100 раз. При таком положении дел у нас действительно не остается ничего. Если проделать все операции, которые делают наши товарищи, действительно нужно прийти к заключению, что «овчинка выделки не стоит».

Развивая другую перспективу, мы полагаем, товарищи, что факты приведут к тому, что рано или поздно верх одержит наша линия, что, только приняв ее, мы спасаем Советскую власть и социалистическое содержание этой власти. Сейчас, например, годится даже сдача Украины, т.-е. выдача наших украинских товарищей,—и тут дело не в том, что мы уступаем территорию, а в том, что мы готовимся сделать с Украинскими Советами то, за что мы клеймили буржуазную Раду по отношению к нам. Этого факта не вычеркнешь ничем.

У меня не осталось времени, и я только хотел бы сказать несколько слов относительно раскола. Тов. Зиновьев и некоторые другие товарищи утверждают, что мы ведем раскольническую политику, что выпуск нашей газеты является расколом,—я должен напомнить о том, что немногие товарищи внесли в Ц. К. резолю-

цию, где было черным по белому сказано о расколе. Эта резолюция не была, к сожалению, напечатана в «Правде», но в нашем органе, «Коммунист», всякий мог прочесть ее. В ней было сказано, что нам дается полная свобода агитации, и что мы имеем право этой агитации. Мы полагали, что вопрос о подписании мира очень серьезен и должен быть поставлен во всей широте перед массами. Тов. Зиновьев вчера утверждал, что он в первый раз от меня слышал попытку говорить не от чувства, а от разума. Я утверждаю, что тов. Зиновьев ошибается, так как он не сможет отрицать, что ни «Красная Газета», ни «Правда», ни один из официальных органов не ставят вопроса более деловым образом, чем наша газета. Если в чем-либо можно упрекать наших товарищей, и в частности «Коммунист», то только в том, что он слишком научно, что он слишком серьезно ставит вопрос о войне, а вовсе не в революционной фразе. Если будут дальше говорить о том, что мы раскольники, что мы стремимся к расколу в трудный момент, то это не верно. Мы говорим, что мы не раскольники, мы хотим только обсуждать вопрос, не отделиваясь фразой и не запугивая авторитетом, мы хотим серьезно подойти к вопросу и принять серьезное решение.

Председатель. Слово имеет тов. Ленин.

Тов. Ленин. Товарищи, позвольте мне начать с замечаний сравнительно мелких, с конца. Товарищ Бухарин в конце своей речи дошел до того, что сравнил нас с Петлюрой. Если он считает, что это так, то как же может он оставаться в одной партии с нами? Разве это не фраза? Конечно, если бы это действительно было так, мы не сидели бы в одной партии. То, что мы вместе, доказывает, что на 9/10 с Бухариным согласны. Правда, он прибавил немного революционных фраз о том, что мы хотели предать Украину. Я уверен, что о таких заведомых пустяках говорить не стоит. Я вернусь к товарищу Рязанову и здесь я хочу отметить, что подобно тому, как исключение, случающееся раз в 10 лет, лишь подтверждает правило, так и ему случилось сказать нечаянно серьезную фразу. (*Рукоплескания.*) Он сказал, что Ленин уступает пространство, чтобы выиграть время. Это почти философское рассуждение. На этот раз вышло так, что у тов. Рязанова получилась совершенно серьезная, правда, фраза, в которой вся суть—я хочу уступить пространство фактическому победителю, чтобы выиграть время. В этом вся суть, и только в этом. Все остальное—только разговоры: необходимость револю-

ционной войны, подъем крестьянства и пр. Когда тов. Бухарин изображает дело так, что насчет возможности войны двух мнений быть не может, и говорит: «спросите любого военного» (я записал с его слов), раз он так ставит вопрос, что спрашивает любого военного, то я ему отвечаю: таким любым военным оказался французский офицер, с которым мне пришлось беседовать. Этот французский офицер, смотря на меня, конечно, злыми глазами,—ведь я продал немцам Россию,—говорил: «Я роялист, я сторонник монархии и во Франции—сторонник поражения Германии, не подумайте, что я сторонник Советской власти,—как же подумаешь, если он монархист,—но я был за то, чтобы вы подписали договор в Бресте, потому что это необходимо». Вот вам «спросите любого военного». Любому военному должен был сказать то, что я говорил: надо было подписать договор в Бресте. Если теперь из речи Бухарина вытекает, что наши разногласия очень уменьшились, то это потому, что главный пункт разногласий его сторонники спрятали.

Когда теперь Бухарин громит нас за то, что мы деморализовали массы, он абсолютно прав, только он себя громит, а не нас. Кто провел эту кашницу в Ц. К.? Вы, тов. Бухарин (*смех.*) Как вы не кричите, а правда возьмет верх: мы в своей товарищеской семье, мы на своем собственном съезде, скрывать нечего и придется говорить правду. А правда состоит в том, что в Ц. К. было три течения. Я просил голосование воспроизвести, размножить, вселкий член партии зайдет в секретариат, если пожелает, и посмотрит голосование,—историческое голосование 21-го, которое показывает, что колебались-то они, а мы несколько не колебались; мы говорили: «возьмем мир в Бресте,—лучшего не получите,—чтобы готовить революционную войну. Сейчас мы уже выиграли 5 дней, чтобы эвакуировать Питер. Сейчас выпущено воззвание Крыленко и Подвойского, которые не были в числе левых, и которых Бухарин третировал, говоря, что «вытаскивают» Крыленко, как будто мы выдумали, то, что Крыленко докладывал. Мы с этим абсолютно согласны; ведь вот как обстоит дело, ведь, это военные доказывали то, что я говорил, а вы отговариваетесь тем, что немец не наступит. Разве можно это положение сравнить с октябрём, когда дело было не в технике? Нет, если вы хотите считаться с фактами, так считайтесь с тем, что разногласия касались того, что нельзя начать войну, когда она заведомо невыгодна. Когда тов. Бухарин начал заключительное слово громовым вопросом: «возможна ли

война в ближайшем будущем?», он меня очень удивил. Я отвечаю без колебаний: возможна,—а сейчас надо принять мир. Тут никакого противоречия нет.

После этих коротких замечаний я перейду к детальным ответам предыдущим ораторам. По отношению к Радеку я должен сделать исключение. Но было другое выступление—тов. Урицкого. Что там было, кроме Каноссы, «предательства», «отступили», «приспособились»? Ну что это такое? Разве это не из газеты левых-эсэровской, ваша критика? Тов. Бубнов читал нам заявление, поданное в Ц. К. цекистами, считающими себя очень левыми, которые провели полностью пример демонстрации перед всем миром: «поведение Ц. К. наносит удар международному пролетариату». Разве это не фраза? «Демонстрировать перед всем миром бессилие!» Чем мы демонстрируем? Тем, что предложили мир? Тем, что армии побежала? Разве мы не доказали, что начать войну с Германией сейчас, не приняв Брестского мира, значит показать миру, что наша армия больна, не желает идти на бой? Совершенно пустое, когда Бубнов утверждает, что это колебание целиком было создано нами,—это было потому, что наша армия больна. Когда бы то ни было, передышку надо было дать. Если бы следовали правильной стратегии, мы имели бы месяц передышки, а так как вы последовали стратегии неправильной, мы имеем только пять дней передышки,—и это хорошо. История войны показывает, что для того, чтобы остановить армию, бегущую в панике, достаточно иногда бывает даже дней. Кто не берет, не подписывает сейчас дьявольский мир, тот—человек фразы, а не стратегии. Вот в чем горе. Когда мне цекисты пишут: «демонстрация бессилия», «предательство», это—вреднейшая, пустейшая ребячья фраза. Демонстрировали мы бессилие тем, что попробовали воевать, когда нельзя было демонстрировать, когда наступление на нас было неизбежно. Что касается псковских крестьян, то мы привезем их на Съезд Советов, чтобы они рассказали, как обращаются немцы, чтобы они создали ту психологию, когда заболевший паническим бегством солдат начнет выздоравливать и скажет: «да, теперь я понял, что это не та война, которую большевики обещали прекратить, это—новая война, которую немцы ведут против Советской власти». Тогда наступит оздоровление. Но вы ставите вопрос, который решить нельзя. Никто не знает срока передышки.

Дальше я должен коснуться позиции тов. Троцкого. В его деятельности нужно различать две стороны: когда он начал перего-

66

воры в Бресте, великолепно использовав их для агитации, мы все были согласны с тов. Троцким. Он цитировал часть разговора со мной, но я добавлю, что между нами было условлено, что мы держимся до ультиматума немцев, после ультиматума — мы сдаем. Немец нас надул: из 7 дней он 5 украл. Тактика Троцкого, поскольку она шла на затягивание, была верна: неверной она стала, когда было объявлено состояние войны прекращенным и мир не был подписан. Я предложил совершенно определенно мир подписать. Лучшее Брестского мира мы получить не могли. Всем ясно, что передышка была бы в месяц, что мы не проиграли бы. Поскольку история отмела это, об этом не стоит вспоминать, но смешно, что Бухарин говорит: «жизнь покажет, что мы были правы». Я был прав, потому что я писал об этом еще в 15 году: «Надо готовиться вести войну, она неизбежна, она идет, она придет». Но надо было мир взять, а не хорохориться зря. И тем более надо было мир взять, что война придет, а сейчас мы по меньшей мере облегчаем эвакуацию Питера, мы ее облегчили. Это факт. Когда тов. Троцкий выдвигает новые требования: «обещайте, что не подпишете мир с Винниченко», я говорю, что ни в коем случае такого обязательства на себя не возьму. Если бы Съезд взял обязательство, ни я, ни один из моих единомышленников, никто ответственности за это на себя не возьмет. Это значило бы вместо ясной линии маневрирования, — отступая, когда можно, иногда наступая, — вместо этого связать себя снова формальным решением. Никогда в войне формальными соображениями связывать себя нельзя. Смешно не знать военной истории, не знать того, что договор есть средство собирать силы: я уже ссылался на русскую историю. Некоторые, определенно как дети думают: подписал договор, значит проданся сатане, пошел в ад. Это просто смешно, когда военная история говорит яснее ясного, что подписание договора при поражении есть средство собирания сил. В истории бывали случаи, когда войны следовали одна за другой, все это мы забыли, мы видим старая война превращается в (в стенограмме несколько слов отсутствуют). Если вам угодно, связывайте себя формальными соображениями навсегда и давайте тогда ответственные посты лев. с. - р. Мы на себя ответственности за это не возьмем. Тут нет ни тени желания раскола. Я убежден, что жизнь вас научит. 12 марта, — не за горами, — вы получите большой материал.

Товарищ Троцкий говорит, что это будет предательством в полном смысле слова. Я утверждаю, что это совершенно неверная

точка зрения. Чтобы показать конкретно, я возьму пример: 2 человека идут, на них нападают 10 человек, один борется, другой бежит,—это предательство; но если 2 армии по 100 тысяч и против них 5 армий; одну армию окружили 200 тысяч, другая должна идти на помощь, но знает, что 300 тысяч расположены так, что там ловушка: можно ли идти на помощь? Нет, нельзя. Это не предательство, не трусость: простое увеличение числа изменило все понятия, каждый военный это знает,—тут не персональное понятие: поступая так, я сберегаю свою армию, пусть ту возьмут в плен, и свою обновлю, у меня есть союзники, я выжду, союзники придут. Только так можно рассуждать; но когда к соображениям военным пригнутаваются другие, тут ничего, кроме фразы, нет. Так политику вести нельзя.

Все, что может быть сделано, мы сделали. Тем, что мы подписываем договор, мы сберегли Питер, хотя бы на несколько дней. (Пусть секретари и стенографы не вздумают этого писать.) В договоре приказано вывести из Финляндии наши войска, войска заведомо негодные, но нам не запрещено вывозить оружие в Финляндию. Если бы Питер пал несколько дней назад, то намика охватила бы Питер, и мы ничего бы не вывезли, а за эти пять дней мы помогли нашим финским товарищам, я не скажу сколько, они это сами знают. !

Слова о том, что мы предали Финляндию, являются самой ребяческой фразой. Мы именно тем и помогли, что во время отступили перед немцами. Не погибнет никогда Россия, если провалится Питер, тут 1000 раз прав тов. Бухарин, а если маневрировать по-бухарински, тогда можно хорошую революцию загубить. (Смех.)

Мы ни Финляндию, ни Украины не предали. Мы помогаем, чем можем. Мы из наших войск ни одного хорошего человека не увели и не уведем. Если вы говорите, что Гофман поймает, накроет,—конечно, он может, в этом я не сомневался, но во сколько дней он это сделает, он не знает и никто не знает. Кроме того, соображения ваши, что поймает, накроет, есть соображения политического соотношения сил, о котором буду говорить дальше.

Выяснив, почему я абсолютно не могу принять предложение Троцкого—так вести политику нельзя, я должен сказать, что примером того, насколько товарищи на нашем Съезде ушли от фразы, которая фактически осталась у Урицкого, показал Радек. Я его никоим образом не могу обвинить за это выступление во фразе. Он

сказал: «ни тени предательства, ни позора нет, потому что ясно, что вы отступили перед воиной подавляющей силой». Это оценка, которая всю позицию Троцкого разбивает. Когда Радек сказал: «стиснув зубы, надо готовить силы», это правда, — тут я целиком подписываюсь: не хорохорясь, а стиснув зубы, готовиться.

Касаясь речи тов. Бухарина, я отмечаю, что когда у него не хватает аргументов, он выдвигает нечто от Урицкого и говорит: «здорово вас шельмуем». Тут аргументы не нужны: если мы ошельмованы, мы должны были бы собрать бумаги и убеждать, но хотя мы и ошельмованы, я не думаю, чтобы наши позиции были поколеблены. Тов. Бухарин пытался анализировать классовую основу наших позиций, но вместо этого рассказал анекдот о покойном экономисте-москвиче. Когда напали в нашей тактике связь с мешечничеством, то, ей-богу, смешно, забыли, что отношение класса в целом, — класса, а не мешечников, — показывает нам, что русская буржуазия и все ее прихвостни — делопародовцы и новожизненцы втрапливают нас в эту войну всеми силами. Ведь этот классовый факт вы не подчеркиваете. Объявлять сейчас войну Германии, значит поддаваться на провокацию русской буржуазии. Это не ново, потому что это есть вернейший, я не говорю, абсолютно верный, ничего абсолютно верного не бывает, — вернейший путь сбросить нас сейчас. Когда тов. Бухарин говорил: жизнь за них, все кончится тем, что мы признаем революционную войну, — он праздновал легкую победу, ибо неизбежность революционной войны мы предсказывали еще в 1915 году. Наши разногласия были в том, что немец наступит или нет; что нам надо было объявить состояние войны прекращенным; что надо в интересах революционной войны отступать физически, отдавая страну, чтобы выиграть время. Стратегия и политика предусматривают самый что ни на есть густой мирный договор. Наши разногласия исчезнут все, раз мы эту тактику признаем.

Председатель. Слово для доклада от мандатной комиссии предоставляется тов. Бокию.

Тов. Бокий. Мандатной комиссией признаны беспартийными мандаты 30 делегатов, представляющих 135 тысяч членов партии. Опротестованы единогласно 4 мандата делегатов, представляющих 10 тысяч членов. Далее, 2 мандата опротестованы 2 членами. 3 мандата — 1 членом. Комиссия предлагает дать голос 3-м представителям.

Опротестованы: мандат тов. Бобылева, как мандат от съезда по земельному вопросу; мандат от Николаевской организации Сулакского подрайона; один из мандатов от Нижегородского к-та, так как присланы 2 делегата, тогда как нужно было прислать одного. Двумя членами комиссии опротестованы выборы на Съезд от Петербурга, так как на конференции не было кворума.

Мною опротестованы: кронштадтский делегат тов. Аванесов, делегировавший Бюро фракции Ц. И. К., и тов. Лашевич, представитель фракции Петроградского Совета.

Тов. Аванесов указывал, что тов. Теодорович имел мандат на VI съезде от Петербургского Совета, но никаких доказательств, проверяющих это, не привел.

Во всяком случае, если ошибка была один раз допущена, то не следует ее повторить на этом Съезде. Тем более, что посылка представителей от Петроградского Совета по существу является двойным представительством. Питерские члены нашей партии уже участвовали в выборах на своей конференции, а здесь участвуют вторично через Питерский Совет. Кроме того, я еще опротестовал мандат тов. Любовича, представителя Кронштадтского комитета. Дело в том, что, во-первых, меня смущают цифры, во-вторых, Кронштадтский комитет входит в Окружную организацию. Конференция была дня четыре-пять тому назад, а там было установлено, что Кронштадтским комитетом объединено три тысячи членов. Между тем, как на Съезде, здесь тем же мандатом представлено $3\frac{1}{2}$ тысячи. Такое увеличение на 500 человек в течение нескольких дней в Кронштадте весьма сомнительно. Эти цифры наводят на размышления. А затем я вообще сомневаюсь, чтобы в Кронштадте сейчас было не только 3500, но, пожалуй, даже и 500 членов партии: дело в том, что в период самого расцвета Кронштадтской организации, летом и осенью, там было три тысячи членов партии. Эта цифра фигурировала на конференциях, на съездах. Там большинство членов организации состояло из матросов. Теперь флот не существует, и, значит, этих членов партии в Кронштадте нет. Остались только рабочие, которые могут дать только максимум тысячу членов партии. Далее мандатная комиссия единогласно предлагает дать решающий голос следующим организациям: Владивостокской, Хабаровской и др. У них не хватает всего 400 человек. Тов. Пейбут представляет 2.600 членов партии, и мы предлагаем дать ему решающий голос. Затем в Лысьвенской организации 2.325 чле-

нов, ее представляет тов. Еремчук; в Горловско-Щербиновской— 2.100 членов партии, ее представляет тов. Стожок. Этим трем организациям мандатная комиссия предлагает дать решающий голос.

Тов. Свердлов. Слово имеет тов. Аванесов.

Тов. Аванесов. Я думаю, что целесообразнее будет, если раньше здесь приведут все те замечания, которые были сделаны в комиссии. Поэтому я сейчас дам разъяснения, почему, чем руководствовалась мандатная комиссия, утверждая эти мандаты. Прежде всего о Кронштадте. Если бы мы входили в рассмотрение, насколько правильны представленные цифры, то мы должны были бы проверить все мандаты, т.-е. насколько правильно указала Питерская—число своих членов—36.000; Московская—20.000 и т. д. Но нам приходится полагаться только на ссылку, что такой-то член Съезда представляет такое-то число членов партии, и брать число на веру. Конечно, если не верить нашим местным организациям, то был бы прав тов. Бокий, оспаривая этот мандат. Но так как тов. Бокий поднял вопрос о том, что были сведения, что указанного числа членов в Кронштадтской организации нет, мы предоставили ему возможность здесь изложить свои соображения.

С другой стороны перед нами, перед большинством, стал другой вопрос,—о Петроградской конференции, которая, с нашей точки зрения, была неправомочной конференцией и не имела права выбирать своих представителей. Судя по указанному этой организацией числу членов, они должны были быть представлены на конференции числом 72, и Съезд должен был иметь больше половины предыдущего, между тем на конференции было всего 29 человек, и эти 29 человек избирали представителей на Съезд. Мы должны были представить на утверждение, Съезд решит, утвердить их или нет. Что же касается кандидатуры тов. Бобылева, то представлен мандат, правда, не совсем понятный; в мандате написано, что от земельного комитета, между тем, по видимому, в действительности он исходит от местного комитета, так как имеется и подпись председателя местного комитета, и печать комитета, так что, может быть, он совмещает два мандата: по земельному вопросу был съезд, там его избрали, а потом комитет присылает его от себя. Это очень спорно.

Теперь по поводу Нижегородской организации, насчитывающей 6.125 членов; конечно, мы считали, что, как организация, имеющая более 5.000 членов, она имеет право еще на одного предста-

пиготы, и это право было предоставлено, тем более, что мы предоставляли такое же право организациям, которые имеют 2.000 членов. Естественно было 6 тысячам представить два места, и поэтому я снова предложил бы нижегородские мандаты утвердить полностью. Что же касается вопроса о предоставлении мест Центр. Исп. К-ту и Петроградскому Совету, то имелись следующие соображения. Прежде всего чисто формальные: тов. Боккий говорит, что на прошлом съезде этого представительства не было, а все товарищи заявляют, что это представительство имело место. Тов. Боккий сам должен это знать, так как находился в мандатной комиссии. А кроме формальных соображений, имеются соображения другого характера. У нас в портфеле имеется ряд мандатов от различных советских организаций и фракций, и они все лишены голоса, потому что не представляют организаций. Это я к чему говорю? На местах весьма распространено такое явление: чисто партийных организаций не имеется, между тем фракции в Советах имеются, и эти фракции прислали сюда представителей, имеющих за собою определенное число голосов. Им все-таки в мандате отказать.

Всероссийский Центральный Комитет, который должен будет выступать на Всероссийском Съезде Советов и в котором в громадном большинстве партия большевиков, не может быть совершенно оторван от партийного съезда, невозможно отказать ему в одном представителе, если он должен на Съезде Советов проводить волю и решения этого съезда. Я думаю, что совершенно нежелательно было бы лишением Ц. И. К. представительства создать прецедент на будущее время, тем более, что в прошлом этот вопрос был разрешен в положительном смысле, потому большинство мандатной комиссии считало бы, что необходимо и Петроградскому Совету и Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету предоставить решающие голоса.

Председатель. По поводу доклада мандатной комиссии уже записалось 7 человек. Я не сомневаюсь, что запишется еще ряд товарищей. Я не сомневаюсь точно так же и в том, что можно заниматься опротестовыванием ряда мандатов вообще, с большим или меньшим основанием, не спору и против того, что имеется, может быть, возможность основательно оспаривать некоторые мандаты, я не вхожу совершенно в обсуждение по существу вопроса. Я ставлю перед товарищами только следующий вопрос: если мы пойдем на аннулирование ряда мандатов, неизбежно при-

69

дется, аннулировав один, аннулировать и ряд других. Но мы должны отдать себе отчет в том, что в таком случае данный Съезд будет неправомочным. Не забудьте, что согласно постановления Центрального Комитета на Съезде должно быть представлено не меньше половины членов партии, представленных на прошлом съезде. Это является вполне основательным соображением. И мы должны утвердить все мандаты или не должны утверждать ни одного до подробного рассмотрения каждого из них. Поэтому я, прежде чем поставить пред товарищами вопрос, угодно им или нет открывать прения по докладу мандатной комиссии, прошу слова. Записалось 8 человек. Я все это ставлю товарищам на вид. Поэтому прежде всего позвольте поставить на голосование вопрос, будем ли мы обсуждать детально доклад мандатной комиссии или нет?

Тов. Бокний. Мне кажется, что тов. Свердлов не совсем прав, когда говорит, что не будет кворума. Дело в том, что опротестованы мною как раз товарищи, которые не представляют ни одного члена партии. Ни тов. Аванесов, ни тов. Лашевич не представляют ни одного члена партии, так что лишение их решающего голоса для кворума значения иметь не будет. Исключение составляют товарищи из Кронштадта. Я предлагаю отдельно разбирать все опротестованные мандаты.

Председатель. Имеется, значит, предложение: решить голосованием вопрос: обсуждать или нет каждый из 5 опротестованных мандатов в отдельности?

Предложение голосуется. Большинством голосов отвергается.

Председатель. Позвольте внести следующее предложение. Все мандаты, кроме мандатов т. т. Аванесова и Лашевича, как мандатов, не представляющих ни одного члена партии, мы утверждаем с тем, чтобы о мандатах Лашевича и Аванесова дать высказаться одному товарищу за, одному—против и голосовать особо.

Тов. Бокний. Я хотел бы от имени Петроградской организации сказать одно слово.

Голоса: Не надо.

Вопрос с места: А как с представителем от земельного комитета?

Председатель. Об этом речь не идет. Раз мандатная комиссия единогласно утвердила или отклонила какой-либо мандат, тут о них речи быть не может.

Голосованием доклад мандатной комиссии единогласно утверждается.

Председатель. Позвольте теперь дать одному высказаться за утверждение мандатов от фракции Петроградского Совета и Центрального Исполнительного Комитета, другому—против. Кому угодно высказаться против?

Тов. Фенигштейн. Тов. Аванесов просил не создавать прецедентов неутверждением этих двух мандатов, так как раньше, говорил он, имел место такой случай, что фракции были представлены на съезде. Если бы даже такой прецедент был, то не нужно создавать обратного прецедента, чтобы на партийном съезде были представители не партийной периферии, а отдельных учреждений. Центральный Исполнительный Комитет и Петроградский Совет сами по себе не партийные учреждения. Я понимаю еще, если бы это представительство было от фракции, но ведь здесь представлено лишь бюро фракции. Мне думается, что если эти два представителя были посланы от фракции в целом, то все же это прецедент в высшей степени нежелательный. Мы, члены фракции Центрального Исполнительного Комитета и члены Петроградского Совета, состоим членами определенных организаций, и эти организации здесь представлены. Нет никакого смысла давать двойное представительство этим двум учреждениям. Тов. Аванесов говорит, что нельзя же лишить их права решающего голоса, раз они на съезде Советов будут проводить решения, принятые здесь. Но ведь они должны будут проводить их независимо от того, участвовали ли они в голосовании на Съезде или нет. Решениям Съезда подчиняться они обязаны, и для этого вовсе не необходимо, чтобы они участвовали на Съезде. Это бесспорно. На Съезде же должны быть представлены партийные организации и только они.

Тов. Зинovieв. Товарищи, я думаю, что, во-первых, не так страшно было бы создать прецедент. Не в столь отдаленном прошлом на наших партийных съездах фракции профессиональных союзов имели решающий голос. Это вытекало из условий рабочего движения, из построения партии.

Мне кажется, что из условий нашей работы в последнее время вытекало, что важнейшие советские фракции должны иметь определенную долю влияния на наших партийных съездах. Мы знаем, что последние месяцы Советы несли на себе все бремя работы. Сейчас мы обсуждаем конкретный вопрос, надо ли предоставить фракциям Центрального Исполнительного Комитета и Пе-

петроградского Совета по одному решающему голосу? Кто видал выборы в Петрограде, тот не может колебаться. От фракции Петроградского Совета выбирало человек 300 лучших работников,—цвет Петроградского пролетариата,—товарищи, теснее связанные с массами рабочих, чем какая-нибудь организация. На Петроградской конференции выбирали 29 человек, большинством 15 против 13. Что организация хирела последнее время, это все знают. Это вытекало из условий здешней работы. Поэтому нельзя сейчас лишить голоса представителя, который выбран 300-ми голосами, а не отдельными членами партии, как здесь говорилось,—тов. Лашевич будет представлять 300 человек. Это представительство совершенно необходимо. Это же относится к фракции Центрального Исполнительного Комитета, которая будет нести громадную ответственность за решения этого Съезда. Совершенно правильно указал тов. Аванесов, ни малейших колебаний не может быть по этому вопросу, и Съезд должен единогласно постановить, что т. т. Лашевич и Аванесов имеют решающий голос.

Голосованием мандаты т. т. Лашевича и Аванесова утверждаются.

Председатель. Позвольте перед тем, как приступить к голосованию резолюций, сделать маленькое разъяснение по поводу императивных мандатов. Ряд товарищей обращались в президиум с вопросом, как быть при голосовании: они получили императивные мандаты от своих организаций или партийных центров. Относительно голосования я должен здесь в двух словах сделать разъяснение, с которым мне приходилось уже выступать на Питерской конференции. На Питерской общегородской конференции тоже возник вопрос об императивных мандатах. Я сразу указал, что у нас в партии никакие императивные мандаты не признаются и не могут признаваться. Это вытекает из всей партийной практики, во-первых, и, во-вторых, из того простого соображения, что, если мы признаем императивные мандаты, не нужно было бы устраивать никаких съездов, а послать анкету, получить ответы и тем ограничиться. Императивные мандаты нашей практикой отвергаются. Делая это разъяснение, я считаю совершенно излишним, если не будет особых требований, открывать прения по этому вопросу. Делаю разъяснение просто о нашей партийной практике в этом отношении.

Тов. Боклий. Может быть, разрешите прочитать весь список членов Съезда? (Читает список.)

Председатель. Слово к порядку голосования резолюций имеет тов. Соловьев.

Тов. Соловьев. Я обращаю внимание Съезда на то, что первый пункт порядка дня, с которого мы начали занятия,—это отчет Центрального Комитета. В прениях этот вопрос слился со следующим пунктом порядка дня, с вопросом о текущем моменте. Я полагаю, что до голосования резолюции по вопросу о войне и мире Съезд должен утвердить отчет Центрального Комитета. Я предлагаю этот вопрос решить голосованием.

Председатель. Удобно ли будет, товарищи, перед голосованием резолюции общей поставить на голосование вопрос об утверждении отчета Центрального Комитета?

Тов. Сапронов. Я, товарищи, высказываюсь против вот почему: тов. Соловьев указал, что отчет Центрального Комитета слился с вопросом о текущем моменте. Принятием той или иной резолюции вынесется определенное решение, одобряет ли Съезд платформу нашего Центрального Комитета или нет.

Председатель. Итак, имеется предложение поставить на голосование прежде всего вопрос об утверждении отчета Центрального Комитета.

(Голосованием предложение принимается.)

Итак, вопрос ставится не в плоскости одобрения или неодобрения, такого предложения не было сделано. Было сделано предложение утвердить или не утвердить.

(Единогласно. отчет утверждается.)

Ко мне поступило предложение об устройстве 10-минутного перерыва перед голосованием; внесено оно тов. Стожком.

Тов. Стожок. Я, товарищи, внес это предложение о перерыве на 10 минут, чтобы мы, приезжие провинциалы, могли спеться, сговориться, чтобы не получилось, как в басне «Лебедь, щука и рак».

Тов. Соловьев. Я очень удивлен той мотивировкой предложения, которую дал тов. Стожок. Мы все должны спеться на Съезде, а не провинциалы, москвичи и петербуржцы отдельно. Я полагаю, что перерыв объявлять не нужно, он затянется и мы только напрасно потеряем время. Я предлагаю сейчас приступить к голосованию резолюций.

(Голосованием перерыв отвергается.)

Председатель. Позвольте перейти к голосованию. Прежде всего голосую о принятии за основу той или другой резолюции.

Виссено предложение за подписью 6-ти т. т., хотя требуется 10 подписей, произвести поименное голосование. Я считало необходимым согласиться с тем, что нужно сделать отступление от регламента и произвести поименное голосование. Но поименное голосование будет производиться потом, когда резолюции будут проголосованы в целом, предварительно же мы будем голосовать поднятием рук.

Имеются две резолюции.

Кто за принятие в основу резолюции тов. Ленина прошу поднять руки? — 28 голосов. Кто за принятие в основу резолюции намечательной в «Коммунисте»? — 9 голосов. Большинство за принятие резолюции тов. Ленина. Кто воздержался? Один. Принята резолюция тов. Ленина. Кому угодно вносить поправки?

Тов. Рязанов. Моя поправка сводится к тому, чтобы были вычеркнуты некоторые слова. Я не имел возможности голосовать, но не подлежит сомнению, что я бы голосовал против всей резолюции. Теперь я вношу следующую поправку, на которой я настаивал бы в интересах поддержания партийного достоинства Съезда пред лицом международного пролетариата. Я предлагал в этой резолюции, там, где говорится, что первейшей и основной задачей нашей партии и всего авангарда сознательного пролетариата и Советской власти Съезд признает принятие самых энергичных, беспощадных, решительных, драконовских мер для повышения самодисциплины, дисциплины среди рабочих и крестьян России, товарищи, я предлагаю тут, — я сейчас скажу вам почему, — следующую формулировку: товарищи, те, кто знает, что проделывается именем Советской власти тут в Питере...

Председатель. Тов. Рязанов, будьте добры говорить о поправке.

Тов. Рязанов. Те, кто знает, что проделывается именем Советской власти, и кто покрывается именем самой революционной в мире партии — большевиков, те, кто знает ту гнусную вещь, которая совершилась два дня назад, когда были расстреляны шесть ни в чем неповинных людей на основании безумного приказа о немедленном расстреле, подписанном Троцким, те поймут, во что превращаются действия именем пролетарской партии. Совет профессиональных союзов еще 4 недели назад указал на необходимость поднятия трудовой дисциплины масс, но для этого имеется язык, достойный пролетариата. Вы можете сказать: «мы употребили

все меры для поднятия этой дисциплины путем духовной мобилизации, путем разъяснения ряда вещей, которые рабочим неясны», по принимать эту резолюцию по адресу рабочих и крестьян перед лицом международного пролетариата,—это не только признаваться в собственном бессилии, но и в собственной глупости. Я предлагаю выбросить эти позорные слова.

Председатель. Итак, внесено определенное предложение. Угодно высказаться против? Позвольте решить вопрос голосованием. (Поправка отвергнута.)

Слово для поправки берет тов. Троцкий.

Тов. Троцкий (читает). «Съезд признает необходимым подписание Советской властью». Я предлагаю вместо этого сказать: «Съезд признает допустимым», потому что тов. Ленин в заключительном слове признал, что теперь события изменяются так быстро, что через два дня мы можем отказаться от ратификации. Стало быть, связывать Советскую власть, что она обязана подписать, несмотря на всякие возможные перемены, нет необходимости. Вместо «необходимым» предлагается поставить «допустимым», тем самым предоставляя Советской власти в случае изменения политической ситуации переменить решение. 2-я поправка к 1-му пункту — тут сказано: «Необходимо воспользоваться хотя бы малейшей возможностью передышки перед наступлением империалистов на Советскую социалистическую власть». Вместо этого предлагаю сказать для ясности: «Перед неизбежным и близким наступлением империализма на Советскую Социалистическую Республику», и 3-я поправка, в конце фразы: «Перед неизбежным и близким наступлением на Советскую Социалистическую Республику» прибавить: «В тех частях Российской Федерации, где это наступление прервано в настоящий момент». Нельзя забывать, что в других частях Российской Федерации приходится говорить не о близком наступлении, а о происходящем сейчас наступлении. Только что мы получили телеграмму из Одессы, что она находится в крайне тяжелом положении, может быть, накануне падения под натиском украинских, польских и германо-австрийских войск. Стало быть нужно ясно и точно сказать, что мы не забываем, что находимся в одной части Российской Федерации, где наступление прервано, а в других частях продолжается.

Наконец, в связи с тем, что я излагал вчера, я предлагаю в конце резолюции внести следующее самостоятельное положение, то, что я считаю наиболее существенным сейчас: «Съезд считает

недопустимым для Советской власти подписание мира с Киевской Радой и правительством финляндской буржуазии».

Председатель. Против поправки имеет слово тов. Ленин.

Тов. Ленин. Товарищи, в своей речи я уже говорил, что ни я, ни мои сторонники не считаем возможным принятие этой поправки. Мы никоим образом ни в одном стратегическом маневре связывать себе руки не должны. Все зависит от соотношения сил и момента наступления на нас тех или иных империалистических стран, от момента, когда оздоровление нашей армии, несомненно, начинающееся, дойдет до того, что мы будем в состоянии и обязаны будем не только отказаться от подписания мира, но и объявить войну. Я согласен вместо тех поправок, которые предлагает тов. Троцкий, принять следующие:

Во-первых, сказать, — и это я буду безусловно отстаивать, — что настоящая резолюция не публикуется в печати, а сообщается только о ратификации договора.

Во-вторых, в формах публикации и содержания Ц. К. предоставляет право внести изменения в связи с возможным наступлением японцев.

В-третьих, сказать, что Съезд дает полномочия Ц. К. партии как порвать все мирные договоры, так и объявить войну любой империалистической державе и всему миру, когда Ц. К. партии признает для этого момент подходящим.

Это полномочие порвать договоры в любой момент мы должны дать Ц. К., но это никоим образом не значит, что мы порываем сейчас, в том положении, которое сегодня существует. Сейчас мы ничем не должны себе связывать рук. Слова, которые предлагает внести тов. Троцкий соберут голоса тех, кто против ратификации вообще, голоса — за среднюю линию, которая снова создает то положение, когда ни один рабочий, ни один солдат ничего не поймет в нашей резолюции.

Мы сейчас постановим необходимость ратификации договора и дадим полномочия Центральному Комитету объявить войну, в любой момент, потому что на нас наступление готовится, может быть, с трех сторон; Англия или Франция захотят у нас отнять Архангельск, — это вполне возможно, но во всяком случае ни в отношении разрыва мирного договора, ни в отношении объявления войны мы не должны стеснять свое центральное учреждение ничем. Украинцам финансовую помощь мы даем, помогаем, чем можем. Во всяком случае, нельзя связывать себя тем, что мы никакого мир-

ного договора не подпишем. В эпоху растущих войн, сменяющихся одна другую, растут новые комбинации. Мирный договор есть одно живое маневрирование—либо мы на этом условии лавирования стоим, либо заранее формально связываем себе руки так, что нельзя будет двинуться: нельзя ни мириться, ни воевать.

Председатель. Позвольте голосовать каждую поправку в отдельности. Должен только сделать маленькое разъяснение на счет последнего предложения тов. Ленина. Само собой разумеется, что Ц. К. партии, как верховный орган партии в период между съездами, может принимать всякие ответственные решения. Кто за то, чтобы заменить слово: «необходимым» словом «допустимым» прошу поднять руки. (Поправка отклоняется). 2-я поправка: перед словами «наступление империализма» вставить «перед неизбежным и близким» (поправка отклоняется). 3-я поправка: «в тех частях Российской Федерации, где наступление прервано в настоящий момент».

Тов. Рязанов. Прошу слово против.

Тов. Троцкий. По этому поводу уже высказался тов. Ленин.

Тов. Ленин. Я, кажется, говорил: нет, я этого принять не могу. Эта поправка создает намек, выражает то, что хочет сказать тов. Троцкий. Намеки не следует ставить в резолюции.

1-й пункт говорит о том, что мы принимаем ратификацию договора, считая необходимым воспользоваться всякой, хотя бы даже малейшей возможностью передышки перед наступлением империализма на Советскую Социалистическую Республику. Говоря о передышке, мы не забываем, что наступление на нашу республику продолжается. Вот моя мысль, которую я подчеркнул в заключительном слове.

Председатель. Итак, позвольте поставить на голосование поправку.

(Поправка отклоняется.)

Следующая поправка—к этой резолюции добавляется следующий пункт: «Съезд считает недопустимым для Советской власти подписать мир с Киевской Радой и правительством финляндской буржуазии». Тов. Троцкий высказался за, тов. Ленин — против. Слово имеет тов. Радек по мотивам голосования.

Тов. Радек. Товарищи, группа товарищей уполномочила меня сделать следующее заявление: «Мы будем голосовать за поправку Троцкого по следующим соображениям. Когда нам стали коленом на горло, мы спрашивали тов. Ленина: какой предел вы ста-

вите? Будете ли вы для передышки подписывать мир с Украинской Радой, отдадите ли в руки буржуазной Украинской Рады наших украинских товарищей или нет? Здесь тов. Ленин открыто сказал: «я не буду подписывать», и был совершенно прав, потому что нельзя для спасения русской революции делать такие вещи. Мы можем не иметь сил помочь Украине, но мы перед лицом всех рабочих мира сдавать, подписывать, что мы отдаем украинских рабочих в руки украинской буржуазии, не можем. Тов. Ленин здесь в речи своей весь план...

Председатель. Тов. Радек, вы взяли слово по мотивам голосования, а вместо этого полемизируете. Я принужден был дать слово, но прошу держаться в пределах вашего заявления.

Тов. Радек. Мы будем голосовать за поправку тов. Троцкого, потому что мы уверены, что это совершенно не мешает правительству и дальше маневрировать, насколько возможно, потому что немцы люди дела и штыка.

Тов. Ленин. Я лишен возможности ответить сейчас на полемику тов. Радека, — поскольку я не голосую, у меня нет мотивов голосования. В обычном порядке я ответить не могу, не хочу задерживать Съезд просьбой дать мне слово для ответа на эту полемику. Напоминаю поэтому только сказанное в заключительном слове, а, во-вторых, выражаю свой протест против того, чтобы слово по мотивам голосования превращалось в полемику, отвечать на которую я не в состоянии.

Председатель. Позвольте голосовать.

(Поправка отклоняется.)

Тов. Ленин. Я прошу слова для дополнения резолюции (читает).

Тов. Троцкий. Я хочу сказать, что эта поправка означает. Она равна той поправке, которую я вносил, когда говорил, что Съезд признает вместо «необходимость» «допустимым», потому что, если считать, что Съезд признает необходимым, то это можно понять в том смысле, что Съезд обязывает Ц. К. — во всяком случае, что бы ни произошло, — этот мир ратифицировать. Новая резолюция говорит, что Съезд может прекратить договор и объявить войну, стало быть может отказаться от ратификации. Тем самым слово: «недопустимым» опротестовывается в другом кассационном порядке, заменяется тем словом, на котором я настаивал, т.-е. словом «допустимым».

Тов. Зиновьев. Я боюсь, что если мы постановим резолюцию не публиковать, то получится обратный результат. Я предлагаю принять словесную форму, что сейчас публикуется, что Съезд большинством постановил договор ратифицировать. Форму опубликования резолюции поручить Ц. К., будущему новому Ц. К. нашей партии. Держать постановление в тайне неосуществимо, это только создаст почву для кривотолков, которые повредят нашему делу.

Тов. Ленин. Я думаю, товарищи, что надобности в этой поправке, которую вносит тов. Зиновьев, нет. Я надеюсь, что в зале только члены партии, я думаю, что можно принять, ввиду государственной важности вопроса, решение взять личную подписку с каждого находящегося в этой зале.

Это вовсе не такая излишняя мера, мы находимся в условиях, когда военные тайны становятся для Российской Республики очень важными вопросами, самым существенным. Если мы в печати скажем, что Съезд признал ратификацию, то тогда недоразумения быть не может. Я только предлагаю не голосовать этого сейчас потому, что могут быть изменения: сегодня еще должны прийти сведения, у нас приняты специальные меры, чтобы нас информировали с северо-востока и юга,—эти известия могут кое-что изменить. Раз Съезд согласится, что мы должны маневрировать в интересах революционной войны, дал даже полномочия Ц. К. объявить войну, — ясное дело, что в этом у нас согласие обеих частей партии, спор только и состоял в том, продолжать ли без всякой передышки войну или нет. Я полагаю, что, внося такую поправку, я говорю вещь бесспорную для большинства и для оппозиции; думаю, что иных толкований быть не может. Я считаю более практическим подтвердить лишь о том, что надо держать ее в тайне. Кроме того, принять дополнительные меры и взять на этот счет личную подписку с каждого находящегося в зале.

Председатель. Имеется несколько предложений: во-первых, резолюция тов. Ленина, во-вторых — предложение тов. Зиновьева, — что Съезд считает необходимым пока публиковать только то, что он постановил договор ратифицировать, форму же опубликования резолюции поручить новому Ц. К.

Тов. Рязанов. Товарищи, и первый, и второй выход абсолютно недопустимы. Можно предложить, чтобы вы приняли эту резолюцию для внутреннего употребления, но одно, выбрав Ц. К., предоставить Ц. К., на основании той общей линии, которая тут выяснилась, принимать определенные меры, когда он сочтет нуж-

ним. Делать то, что вы делаете тут,—это верх нелепости. Это значит погубить всю ту работу, которую Ленин тут проводил в течение двух дней. Я предлагаю облечь Ц. К. неограниченными полномочиями, предоставить Ц. К. выбирать ту или иную меру, но не принимать ни предложения Ленина, ни предложения Зиновьева.

Тов. Радек. Надо считаться с фактом, что партия—наполовину нелегальная партия по отношению к немецкому империализму, и предложение тов. Ленина правильно. Надо облегчать борьбу с немецким империализмом, не давая козыря в руки—официальной резолюции Съезда. Поэтому я за предложение тов. Ленина.

Председатель. Итак, товарищи, позвольте решить вопрос голосованием.

Голосует следующее предложение тов. Ленина: «Съезд признает необходимым не публиковать принятой резолюции и обязать всех членов партии хранить тайну. В печать дается только, что Съезд постановил ратифицировать мирный договор. Кроме того, Съезд особо подчеркивает, что Ц. К. дается полномочие разорвать все договоры и объявить войну».

Поступило предложение тов. Зиновьева: опубликовать, что постановлено договор ратифицировать, форма же опубликования резолюции поручается новому Ц. К.

Тов. Зиновьев. Я вполне присоединяюсь ко второй части резолюции, а по вопросу о публикации резолюции мое предложение сводится к тому, чтобы форму публикации поручить будущему Центральному Комитету.

Председатель. Прежде всего позвольте предложить проголосовать первую часть: «Съезд признает необходимым не публиковать принятой резолюции и обязать всех членов партии хранить тайну. В печать дается только, что Съезд высказался за ратификацию», и второе—опубликовать только, что договор ратифицируется, форму опубликования резолюции поручить Центральному Комитету. (Голосованием принимается формулировка тов. Ленина.) Вторая часть: «Съезд особо подчеркивает, что Центральному Комитету даются полномочия»...

(Голосованием принимается единогласно.)

Председатель. Позвольте теперь, товарищи, перейти к поименному голосованию принятой за основу резолюции. Я должен только напомнить всем еще раз, что практика прошлого нашего Съезда, Съезда июля-августа, показала, что никакие запре-

щении давать те или иные сведения о том, что происходило на Съезде, оказывались недействительными. Ставлю на вид перед товарищами крайнюю важность вопроса. Ни один член Съезда не имеет права давать какие бы то ни было сведения кому бы то ни было.

Тов. Ленин. Нельзя ли, ввиду того, что была роздана резолюция, сейчас же принять решение, что всякий, получивший резолюцию, приносит ее на этот стол немедленно и тут же. Это есть один из мер сохранения военной тайны.

Председатель. Каждый, вернувшись домой, должен сделать отчет в своей организации, но крайней мере, центрам, и вы должны будете иметь эти резолюции, но каждый должен помнить, какие документы он имеет в своих руках.

Тов. Ленин. Я прошу проголосовать. Наши партийные центры состоят из взрослых людей, которые поймут, что сообщения, содержащие военную тайну, делаются устно. Я поэтому вполне настаиваю, чтобы немедленно все тексты резолюций, имеющихся на руках, положить сюда на этот стол. (Большинством голосов предложение отвергается.)

Председатель. Позвольте перейти к поименному голосованию. (Производится поименное голосование резолюции по вопросу о войне и мире.)

Председатель. Результаты голосования следующие: за резолюцию 30, против 12, воздержалось 4. Итак, резолюция принята. Ввиду того, что настало время для перерыва, объявляю перерыв. Внесено предложение о том, чтобы внести дополнительную резолюцию сейчас же.

Тов. Крестинский. Товарищи, принятая резолюция говорит о том, что нужно сделать сейчас и делать в будущем, и совершенно не вынесена Съездом резолюция о том, правильна или неправильна была тактика неподписания мира в Бресте 10 февраля, тогда как в речах тов. Ленина сквозило резкое осуждение этой тактики и признание того, что эта тактика, имевшая за собой одобрение большинства партийной организации, была тактикой неправильной. Потому я вношу резолюцию, каковая говорит только об этом. Резолюцию эту вносим мы с тов. Иоффе! «Седьмой Съезд Российской с.-д. партии (большевиков) полагает, что тактика неподписания мира в Бресте 10 февраля этого года была правильной тактикой, так как она наглядно показала, даже самым отсталым отрядам международного пролетариата, полную

независимость рабоче-крестьянского правительства России от германского империализма и разбойничий характер последнего».

Председатель. Позвольте дать слово одному за, одному—против. Нет желающих. Позвольте голосовать.

(Голосованием резолюция утверждена.)

Слово для личного заявления имеет тов. Рязанов.

Тов. Рязанов. Я обращаюсь к тем товарищам—и попрошу выслушать несколько спокойней—к тем товарищам, которые знают, что я имел случай доказать товарищам по партии и рабочим массам, что в минуты опасности я не отделяюсь от нее, что в минуты опасности я вхожу в ряды ее и принимаю все удары. Та резолюция, какую вы сегодня приняли, даже в том случае, если она предназначена для внутреннего употребления, та резолюция, в которой вы разрываете со всем тем, чему я служил всю свою жизнь,—а я всегда вам заявлял, что для меня дисциплина международного пролетариата выше всякой национальной дисциплины,—в этой резолюции, кроме этого разрыва со всеми для меня основными предпосылками революционного марксизма, вы в этой резолюции вставили еще целый ряд вещей, которые я считаю совершенно лишними. Я не хочу употреблять теперь резких слов, и вы, товарищи, поймите, если я сегодня должен заявить, что я, к сожалению, не чувствую в себе возможности оставаться в рядах этой партии.

Председатель. Слово для личного заявления тов. Троцкому.

Тов. Троцкий. Я объяснял, товарищи, почему я воздержался в Центральном Комитете в один из самых ответственных моментов нашей политической жизни.

Я считал, что вести войну в таких условиях, когда партия не только окружена врагами со всех сторон, но и расколота, мы не можем. Поэтому я считал своим долгом предоставить ответственность той части партии, возглавляемой тов. Лениным, которая считала, что путь спасения лежит в данный период через подписание мира, и которая так глубоко была в этом убеждена, что считала возможным по этому вопросу ставить партию перед ультиматумом раскола. Сейчас здесь эта политика одобрена. Разумеется, это обстоятельство само по себе не могло изменить той позиции и той доли ответственности, которая ложится на меня в партии. Но здесь произошло нечто другое. Партийный Съезд, высшее учреждение партии, косвенным путем отверг ту политику, которую я,

в числе других, проводил в составе нашей Брест-Литовской делегации, которая имела известный международный отклик с двух сторон, и в рабочем классе, и среди правящих классов, и которая сделала имена участников этой делегации самыми ненавистными именами для буржуазии Германии и Австро-Венгрии; и сейчас вся германская и австро-венгерская пресса полна обвинений по адресу Брест-Литовской делегации и в частности по моему адресу в том смысле, что мы повинны в срыве мира и во всех дальнейших несчастиях. Хотел этого или не хотел партийный Съезд, но он это подтвердил своим последним голосованием, и я слагаю с себя какие бы то ни было ответственные посты, которые до сих пор возлагала на меня наша партия.

Председатель. Слово к порядку имеет тов. Зиновьев.

Тов. Зиновьев. Товарищи, вокруг небольшого инцидента, который частью прошел незамеченным для значительной части Съезда, и в голосовании которого не участвовала значительная часть Съезда, может создаться инцидент в высшей степени нежелательный для нашей партии, потому что мы все понимаем значение заявления тов. Троцкого. Никто голосованием этим не хотел сказать, что осуждается тактика делегации в целом. Автор резолюции, тов. Ленин, заявляет, что он стоит на том, что тактика, которую вела делегация в общем и целом была правильной тактикой, которая была направлена к тому, чтобы поднимать массы на Западе, обнажать германский и австрийский империализм. Мы разошлись по вопросу о том, когда наступил критический момент, когда надо было ультиматум принять, а Лев Давыдович сделал попытку сделать вывод, что Съезд присоединяется к оценке германских и австрийских империалистов. Само собой разумеется, понятно, что об этом не было речи, чтобы Съезд хотя бы косвенно допускал, чтобы циничные истолкования, которые дает Гофман, чтобы это входило в намерения большинства Съезда... Я поэтому предлагаю считать весь этот инцидент не бывшим. Его не было, как не было и заявления Троцкого. Либо так, либо надо поставить вопрос на дискуссию специальную. Я думаю, мы нашли бы формулировку такую, чтобы было ясно, что мы оцениваем работу делегации, разоблачавшую империализм, что мы ее целиком одобряем, что мы считаем, что она вытекала из условий момента. Мы разошлись по вопросу о формулировке—ли война, ли мир. Это ни для кого не тайна. Тов. Троцкий сказал вполне определенно, что только потому, что из этого голосования можно вывести недоверие по-

литике в целом, дать толкование, которое дает германская и австрийская буржуазия, которая вполне справедливо ненавидит тов. Троцкого и других делегатов,—только на основании этого он сделал столь неожиданный вывод. Вот почему, я думаю, что для Съезда нет никакого выхода, кроме принятия моего предложения, и я на этом настаиваю.

Председатель. Поступило несколько предложений. Я несколько не сомневался в том, что тот инцидент, который имел место, сделать не бывшим—трудно, но последствия можно устранить. Здесь произошло явное недоразумение. Поступило, во-первых, предложение переголосовать резолюцию тов. Крестинского, которая была отвергнута незначительным большинством. Резолюция эта следующая (читает резолюцию).

Тов. Соловьев. Здесь произошло недоразумение, но чем быстрее мы будем выкарабкиваться из этого недоразумения, тем больше можем запутаться. Поэтому я предлагаю объявить перерыв и после перерыва вернуться к этому вопросу.

Председатель. Поступило предложение вернуться к этому после обеденного перерыва.

Голосуется. Большинством голосов постановляется покончить с этим вопросом сейчас.

Тов. Зиновьев. По-моему, надо сказать так: «Съезд полагает, что работа мирной делегации в Бресте, направленная к разоблачению австро-германского империализма и к разжиганию классовой борьбы, была вполне правильной». Или прибавить: «Съезд считает бесплодным дискутировать по вопросу о том, правильна или неправильна была формула—ни война, ни мир», потому что мы слышали, что от нее отрекалась и так называемая левая сторона.

Председатель. Итак, имеется несколько резолюций. Прежде всего поставлю на голосование вопрос о переголосовании резолюции тов. Крестинского.

Голосованием постановлено резолюцию переголосовать.

Тс в. Радек. Моя резолюция—Съезд приветствует Брестскую делегацию в ее борьбе в Бресте, направленной к поднятию рабочего класса на борьбу против империалистов.

Председатель. Имеется две резолюции—резолюция тов. Крестинского и резолюция т.т. Радека и Зиновьева.

Голосование. Большинством голосов принимается резолюция тов. Радека.

Резолюция оглашается тов. Зиновьевым еще раз:

«Съезд приветствует Брестскую советскую делегацию за ее громадную работу в деле разоблачения германских империалистов, в деле вовлечения рабочих всех стран в борьбу против империалистических правительств».

Председатель. Позвольте голосовать. Я еще раз оглашу резолюцию тов. Крестинского.

«7-й Съезд полагает, что тактика неподписания мира в Бресте была совершенно правильной тактикой, так как она наглядно показала самому отсталому отряду международного пролетариата полную независимость рабоче-крестьянского правительства России от германского империализма и разбойнический характер последнего».

— Кто за резолюцию тов. Зиновьева?—20—за, 3—против.

— Кто за резолюцию т. Зиновьева?—20—за, 3—против.

Итак, и та, и другая резолюция приняты.

Тов. Зиновьев. Мне кажется, что т. председатель не прав. Две резолюции противопоставлялись друг другу. Результат голосования показал, что принята та, которая собрала больше голосов, почти вдвое. Это совершенно ясно. Поскольку придают политическое значение, нельзя не признать, что принята вторая, потому что, в скобках сказано, что первая отменяет резолюцию о мире. Это мое глубочайшее убеждение. Таким образом, если признать верным решение тов. Свердлова, тогда надо вернуться к вопросу о войне и мире.

Председатель. Я покорнейше прошу товарищей оставаться на местах, не начинать беготни.

Я указал, что мною было высказано иное мнение. Я сказал, что иного толкования быть не может, что приняты обе резолюции. Раз за одну резолюцию подано большинство, меньшинство против, значит резолюция принята; если бы голосование было только такое: за—столько-то и против не принималось во внимание, то проходила бы та резолюция, которая собрала большинство. Поскольку резолюция 1-я получила больше голосов за, чем против, постольку резолюция считается принятой. Никакого иного толкования тут быть не может.

Каждый может думать, что это противопоставляется, как каждый может думать, что не противопоставляется, а голосование показало, что вы не противопоставляете. Здесь ни в какие дебаты входить не приходится; если тов. Зиновьев полагает, что это отменяет что-либо, пусть предложит соответствующую поправку—что он имеет право сделать.

Тов. (пропуск в стенограмме). После того, как состоялось постановление о принятии резолюции, неслыханным нарушением будет, если мы будем снова вносить новые поправки и т. д. В данном случае я решительно протестую против той практики, которая установлена у нас на всех съездах и совещаниях председателем. Поэтому я прошу считать резолюцию окончательно принятой и никаких поправок и проч. в резолюцию не вносить.

Председатель. Я должен указать, что, само собой разумеется, предложения выкинуть тот или иной кусок или заменить его чем-либо не было, так как никаких поправок к данной резолюции быть не может, но может быть внесена новая резолюция, дополнение, новый пункт к этой резолюции. Это, если хотите, будет поправка, которая будет новой резолюцией.

Тов. (пропуск). Когда первая резолюция ставилась на голосование, некоторые товарищи, в том числе и я, полагали, что ей будут противопоставлены другие резолюции. Я не голосовал против, полагая, что буду голосовать за 2-ю. Теперь выяснились резолюции, и я буду голосовать против 1-й резолюции.

Тов. Зиновьев. Я предлагаю следующее: Съезду признать, что принята резолюция, которая собрала большинство голосов. Я думаю, что нельзя ограничиться объяснением хотя бы даже такого компетентного лица, как Свердлов, но так как в одной резолюции говорится прямо, что Съезд полагает, что тактика неподписания мира была совершенно правильной, то это неверно, ибо съезд $\frac{4}{5}$ признал ее неправильной. Больше того, я думаю, что таким образом в этот момент признал съезд не $\frac{4}{5}$, а почти единодушно, потому что 1 был против (шум: «неверно»). Затем хотят на основании выводов из позиции Бухарина заявить, что он не желает принимать ответственности, что он держался другой линии.

Получилось положение такое, что Съезд одобрил, таким образом, то самое, чего он хотел, в чем он был более единодушен.

Возник другой вопрос: то, что надо выразить полное доверие нашим товарищам, действовавшим там, что нужно вышибить оружие из рук господ Шейдеманов, которые пытались создать такое положение, что тут выражается недоверие делегации. Это оружие надо было вышибить из рук, это превосходно выполнено той резолюцией, которую предлагает тов. Радек.

Вот почему никак нельзя признать принятыми обе резолюции.

Председатель. Ряд товарищей просят слова, чтобы высказаться. Позвольте предложить вам, как мы делали перед этим

просто решить вопрос переголосованием, ввиду того, что мы никак не можем выпутаться. Я дам одному—за, одному—против.

По поводу моего предложения тов. Крестинский.

Тов. Крестинский. Я прежде всего считаю, что обе резолюции друг другу не противопоставляются. За одну резолюцию голосовали те, кто считал всю тактику Брестской делегации правильной и самое неподписание мира—их было меньше,—за другую резолюцию голосовали те, кто считал правильной не всю тактику, а только ее 1-ю часть, таких было больше. Поэтому и та, и другая резолюция могут быть приняты. Затем в вопросе об аннулировании этой резолюции...

Председатель. Позвольте, вы должны говорить не о моем предложении, а о вашем, нужно ли переголосовать?

Тов. Крестинский. Нет, я против того. Эта резолюция несколько не противоречит резолюции тов. Ленина, потому что она говорит о том, что мир сейчас нужно ратифицировать, что нужно готовиться к войне, между тем, как эта резолюция говорит о прошлом; я убежден, что многие из товарищей, которые голосовали за резолюцию тов. Ленина, который считает, что сейчас, при создавшемся положении, нужно мир ратифицировать, нужно готовиться к войне; в то же время считают, что месяц назад, 10 февраля, нельзя было подписать мир, а сейчас можно ратифицировать его.

Председатель. Помимо моего предложения у меня имеется требование с 8 подписями—переголосовать. Я принужден поставить вопрос о переголосовании. Угодно или нет, товарищи, переголосовать обе резолюции. (Решено переголосовать: 18, против 10.)

Тов. Троцкий. «Съезд считает заявление нашей делегации о неподписании мира ошибочным». Для того, чтобы не было неясностей, чтобы дать возможность этому единодушию, о котором говорит т. Зиновьев, проявиться, я ставлю форму такой резолюции. Раз вы будете голосовать другие резолюции, то вы не имеете права не голосовать этой резолюции. Она в той же самой плоскости стоит.

Тов. Радек. Я прошу перерыва.

Председатель. Имеется новое предложение. Имеются 3 резолюции.

Тов. Радек. Я прошу перерыва по следующим соображениям. Не надо прятать голову в песок, мы знаем, о чем идет дело.

Никто не может решить такого вопроса в этой суматохе. Я требую перерыва, чтобы люди могли столкнуться.

Тов. Грушинский. Я против перерыва, потому что нет двух мнений, и потому что никто не отрицает политику тов. Троцкого (*голоса*: «неправда»). Это факт, мы все абсолютно говорили и все постановили, что это совершенно правильная тактика. Если мы примем ту резолюцию, которую предложил Крестинский, мы...

Председатель. Вопрос о перерыве.

Именно потому, что вопрос совершенно ясен, перерыва не нужно.

Тов. (*пропуск в стенограмме*). По мотивам голосования я, в согласии с некоторыми товарищами, высказывался против перерыва, рассматривая его, как новое выражение недоверия т. Троцкому.

Ввиду явной неосновательности заявления тов. Грушинского, что никто не высказывался против неподписания мира, тов. Ленин достаточно высказался за то, что мир в Бресте подписывать следовало. Раз вопрос открыто поставлен на голосование, то мы желаем, чтобы было проголосовано, следовало ли подписать или не следовало.

Председатель. Итак, я ставлю вопрос о перерыве.

(Перерыв отклоняется.)

Итак, я буду голосовать резолюции.

1-ая резолюция (читает). Угодно кому-нибудь говорить за резолюцию?

Тов. Радек. Ответственность за неподписание мира в Бресте не может лечь на тов. Троцкого. Ц. К. партии, если считал политику губительной, имел прямую обязанность запретить тов. Троцкому вести ее. Таким образом вопрос тогда надо было поставить Брестской делегации: или подписывать—или не выезжать. Это было сделано личным разговором одного члена Ц. К. с другим и совершенно не входит в счет.

Тов. Троцкий. Ц. К. голосовал за мое предложение. Во всяком случае неслыханная в истории вещь, чтобы партия перед лицом врага отказывалась от политики, которую вело ее представительство, которая дала в результате—стачки рабочих в Берлине и Вене. Поэтому я предлагаю голосовать всем поголовно за резолюцию тов. Радека.

Председатель. Угодно кому-нибудь против?

Тов. Зиновьев. Я слышал, что это неслыханно в истории. Само собой понятно, что у нас единства нет: было правильно или неправильно неподписание мира. Никто не предлагал сказать обратное, никто не предлагал обсудить вопрос, нельзя же требовать от большинства Съезда, чтобы он без всякой практической надобности сказал обратное тому, что думало большинство, независимо от того, как думало месяц тому назад; многие из нас думали, считали, что это было правильно. Но мы заседаем не месяц тому назад, мы заседаем после наступления, после определенных фактов заседаем. Мы будем голосовать сейчас, что это правильно. Ни о каком недоверии не может быть речи. Тов. Троцкий по-своему прав, когда сказал, что действовал по постановлению правомочного большинства Ц. К. Никто не оспаривал, но не в этом дело, а вопрос идет о том, что при новой мировой ситуации Ц. К. вернулся к прежнему положению, признав, что это правильно, но это не вытекает ни из какой потребности (*Голос*: «Кроме раскола».) Кроме действительно потребности раскола, кроме того, чтобы сгустить картину в партии. Тов. Троцкий, может быть, сделает попытку истолковать отклонение резолюции, как недоверие, и хотя бы в малой степени подтвердить то, что хотят взвалить на мирную нашу делегацию.

Никакой другой прямой потребности нет. Нельзя накладывать Съезд в таком вопросе. Мне кажется совершенно ясно, что в вопросе о том, были ли правильны действия Троцкого, как раз в этом вопросе у нас полное единодушие, что не надо было так действовать.

Громадное большинство Съезда думает, что не надо было так действовать. Есть сторонники, что надо мир прервать, начать революционную войну, но зачем мы будем посягать на вопросы прошлого. Вы создаете нелепейшее положение. Есть одно требование, вытекающее из нашего положения международного рабочего класса, которое мы удовлетворили резолюцией. Нельзя, только что принявши резолюцию, которая говорит, что большинство Ц. К., большинство партии сделало ошибку, нельзя после того, как приняли эту резолюцию, ставить другую, которая отрицает. Вот почему мне кажется, что большую ошибку создают те, кто после того, как мы наметили линию, давая нам возможность сплотить ряды, раскалываются. Во имя чего это нужно, я решительно не понимаю. С точки зрения раскола я это понимаю, но с точки зрения единства это не нужно.

Председатель. Итак, я ставлю на голосование резолюцию тов. Крестинского. Кто за резолюцию, прошу поднять руки. Кто против? (*Голоса*: «Не нужно против».) Угодно ставить только за? Ряд товарищей требует, чтобы резолюция была проголосована за и против. (*Голос*: «Что, не хватает гражданского мужества голосовать против?».) При чем тут гражданское мужество, хорошо, что у вас есть гражданское мужество, чтобы расколоться. (*Голос с места*: «Это позор, чистейшее запугивание»).

Тов. Троцкий. Здесь есть 2 резолюции конкурирующие: одна одобряет, другая отрицает. Они, как конкурирующие, должны быть поставлены прежде всего. Одна будет отвергнута, другая принята. Ту, которая принята большинством, нужно переголосовать за и против, а потом 3-я резолюция, которая не исключает ни одной, ни другой.

У вас есть резолюции—Крестинского, Зиновьева и моя. Исключают друг друга моя и Крестинского. Вы должны прежде всего поставить их, как конкурирующие, с самого начала; если одна получить большинство, мы тогда должны голосовать за и против, а затем резолюцию тов. Зиновьева, которая не исключает.

Председатель. Я сделаю свое разъяснение. Буду вести так, как необходимо. Резолюций конкурирующих нет. Тов. Троцкий, противопоставляя свою резолюцию резолюции тов. Крестинского, не прав в том отношении, что с таким же успехом можно противопоставлять резолюцию Зиновьева, которая начинается «Съезд приветствует», и др., «Съезд считает ошибочной (*Троцкий*: «Отдельный шаг»), ну отдельный шаг, так что объяснение тов. Троцкого не убедительно. Я позволю себе поставить на голосование резолюцию тов. Зиновьева. (Читает резолюцию.)

Тов. Радек. Когда я вносил эту резолюцию, которая называется резолюцией тов. Зиновьева, я не считал ее противопоставленной резолюции тов. Крестинского. Теперь я буду голосовать противное.

Председатель. За резолюцию тов. Крестинского голосовать нельзя, потому что это аннулирует то, что мы проголосовали. Вопрос идет только о том, доверяем мы тов. Троцкому или нет, верна ли та политика или не верна. И потому я буду голосовать за доверие тов. Троцкому и ни в коем случае за резолюцию тов. Крестинского, каковая аннулирует предыдущее решение. Они

хотят контрабандно провести. Мы выражаем доверие и больше ничего. Поступило предложение каждую голосовать за и против. (Резолюции голосуются.)

За резолюцию тов. Крестинского—17, против—19.

За резолюцию тов. Зиновьева—25, против—12.

Тов. Троцкий вносит резолюцию. (Оглашается.)

Тов. Володарский. Те две резолюции, которые сейчас голосовались, заключали в себе не только суждение съезда по данному конкретному вопросу, они заключали суждение и о всей политике. Эта резолюция хочет у нас вырвать решение по данному конкретному вопросу. Я считаю, что Съезд имеет право в настоящий момент отказаться от внесения резолюции по данному конкретному вопросу. Никаких практических результатов от этого мы не получим, а между тем, несомненно нарушим и единство партии и создадим трения, какие нам нежелательны. Поэтому я предлагаю употребить способ, употреблявшийся в старых буржуазных парламентах, поставить так называемый предварительный вопрос: угодно ли Съезду выносить свое мнение по данному конкретному вопросу, или он считает возможным не выносить никакой резолюции по этому вопросу?

Тов. Оппоков. Я, товарищи, полагаю, что всякий ответственный политик, поставленный нашей партией во главе правительства, имеет право требовать осуждения или вынесения доверия совершенно ясно и определенно той политике, какая ведется. Те товарищи, которые стараются меня перекричать, они могут аргументировать это гораздо более убедительным способом. Я думаю, что раз тов. Троцкий вел эту линию, он имеет право получить совершенно ясный и определенный ответ. Эта линия была линией Центрального Комитета, и Центральный Комитет имеет также право на это. Неужели у Съезда не хватит гражданского мужества дать свой определенный ответ на это. Никаких здесь угроз расколом никто не ставит, но и гражданского мужества, я констатирую, у ораторов, как, например, у тов. Володарского, не хватает. И все эти увертки—есть жалкие увертки.

Голосуются предложение тов. Володарского о том, чтобы поставить предварительно вопрос, ставить ли на голосование резолюцию тов. Троцкого. Большинство голосов предложение тов. Володарского отклоняется.

Председатель. Слово против резолюции Троцкого — Крестинскому.

Тов. Крестинский. Резолюция тов. Троцкого могла бы, конечно, не голосоваться, потому что ответ на первую резолюцию является ответом на резолюцию тов. Троцкого. Но когда голосовалась первая резолюция, то, тов. Зиновьев старался убедить вас, что голосовали вы ответ на вопрос, что нужно было отказаться от подписания мира. Между тем, в резолюции, какую вносил я, и в резолюции, какую вносил тов. Троцкий, говорится только об одном, что не нужно было тогда, месяц тому назад, подписывать мир, не касаясь вопроса о демобилизации и т. д. Я поэтому полагаю, что правильно было тогда—мира не подписывать, что в настоящий момент у нас на Съезде противопоставляются только две линии—линия немедленной революционной войны и линия подписания и ратификации мира сейчас, что резолюция Ленина, которая принята, говорит только о противопоставлении этих двух линий, и вы выбирали между этими двумя линиями. И поэтому те товарищи, которые голосовали за резолюцию тов. Ленина, которые признали нужным подписание мира, имеют полное право сказать, что месяц тому назад линия делегации, которая отказалась подписать мир, была не ошибочной. Предлагаю голосовать против резолюции Троцкого и отвергнуть эту резолюцию.

(Голосованием резолюция Троцкого отвергается.)

Голосуется резолюция тов. Крестинского: за—17, против—19.
Голосуется резолюция тов. Зиновьева: за—25, против—12.

Принята резолюция тов. Зиновьева.

Объявляется перерыв до 6 часов.

Заседание пятое.

(8 марта, вечернее.)

Заседание открывается в 8 час. под председательством тов. Свердлова.

Председатель. Позвольте открыть заседание. Следующим вопросом порядка дня стоит вопрос о пересмотре программы и названия партии. Докладчиком от Центрального Комитета выступает тов. Ленин.

Тов. Ленин. Товарищи, по вопросу об изменении названия партии, как вы знаете, с апреля 1917 г. в партии развернулась довольно обстоятельная дискуссия, и поэтому в Центральном Комитете сразу удалось достигнуть не вызывающего, кажется, больших споров, а может быть, даже почти никаких—решения: именно, Центральный Комитет предлагает вам переменить название нашей партии, назвав ее Российской Коммунистической Партией. в скобках большевиков. Это добавление мы все признаем необходимым, потому что слово «большевик» приобрело право гражданства не только в политической жизни России, но и во всей заграничной прессе, которая следит за развитием событий в России в общих чертах. Что название «социал-демократическая партия»—научно неправильно, это уже также было разъяснено в нашей прессе. Когда рабочие создали собственное государство, они подошли к тому, что старое понятие демократизма,—буржуазного демократизма,—оказалось в процессе развития нашей революции превзойденным. Мы пришли к тому типу демократии, который в Западной Европе нигде не существовал. Он имел свои права только в Парижской Коммуне, а про Парижскую Коммуну Энгельс выражался, что Коммуна не была государством в собственном смысле слова. Одним словом, поскольку сами трудящиеся

массы берутся за дело управления государством и создания вооруженной силы, поддерживающей данный государственный порядок, постольку исчезает особый аппарат для управления, исчезает особый аппарат для известного государственного насилия, и постольку, следовательно, и за демократию, в ее старой форме, мы не можем стоять.

С другой стороны, начиная социалистические преобразования, мы должны ясно поставить перед собой цель, к которой эти преобразования, в конце концов, направлены, именно — цель создания коммунистического общества, не ограничивающегося только экспроприацией фабрик, заводов, земли и средств производства, не ограничивающегося только строгим учетом и контролем за производством и распределением продуктов, но идущего дальше к осуществлению принципа: от каждого — по способностям, каждому — по потребностям. Вот почему название коммунистической партии является единственно научно правильным. Возражение, что оно может подать повод к смешению нас с анархистами, в Центральном Комитете было сразу отвергнуто, потому что анархисты никогда не называют себя просто коммунистами, но с известными добавлениями. В этом отношении имеются всякие разновидности социализма, однако они не ведут к смешению социал-демократов с социал-реформистами и с социалистами национальными и т. п. партиями.

С другой стороны, важнейшим доводом за перемену названия партии является то, что до сих пор старые официальные социалистические партии во всех передовых странах Европы не отделались от того угара социал-шовинизма и социал-патриотизма, который привел к полному краху европейского социализма, официального, во время настоящей войны, так что до сих пор почти все официальные социалистические партии являлись настоящим тормазом рабочего революционного социалистического движения, настоящей помехой ему. И наша партия, симпатии к которой в массах трудящихся во всех странах в настоящее время безусловно чрезвычайно велики, наша партия обязана выступить с возможно более решительным, резким, ясным — недвусмысленным заявлением о том, что она свою связь с этим старым официальным социализмом рвет, и для этого перемена названия партии будет средством наиболее способным достичь цели.

Дальше, товарищи, гораздо более трудным вопросом явился вопрос о теоретической части программы, о практической и по-

литической части ее. Что касается до теоретической части программы, то мы имеем некоторые материалы: а именно, изданы были московский и петербургский сборники о пересмотре партийной программы в двух главных теоретических органах нашей партии: «Просвещении», выходившем в Петербурге, и «Спартаке», выходившем в Москве; были помещены статьи, обосновывавшие то или иное направление изменения теоретической части программы нашей партии. В этом отношении известный материал имеется. Намечались две основных точки зрения, которые, на мой взгляд, не расходятся, по крайней мере, коренным образом, принципиально; одна точка зрения, которую я защищал, состоит в том, что нам выкидывать старую теоретическую часть нашей программы нет оснований, и это было бы даже неправильно. Нужно только дополнить ее характеристикой империализма, как высшей ступени развития капитализма, а затем — характеристикой эры социалистической революции, исходя из того, что эта эра социалистической революции началась. Каковы бы ни были судьбы нашей революции, нашего отряда международной пролетарской армии, каковы бы ни были дальнейшие перипетии революции, во всяком случае, объективное положение империалистических стран, вступавших в эту войну, доведших до голода, разорения, одичания самые передовые страны, — положение объективно — безвыходное. И тут надо сказать то, что тридцать лет тому назад в 1887 г. говорил Фридрих Энгельс, оценивая вероятную перспективу европейской войны. Он говорил о том, как короны будут дюжинами валяться в Европе, и никто не захочет поднимать их, он говорил о том, какая неимоверная разруха станет судьбой европейских стран, и как конечным результатом ужасов европейской войны может быть лишь одно — он выразился так: либо победа рабочего класса, либо создание условий, делающих эту победу возможной и необходимой. На этот счет Энгельс выражался чрезвычайно точно и осторожно. В отличие от людей, которые искажают марксизм, которые преподносят свои запоздалые лже-умствования, что на почве разрухи социализма не может быть, Энгельс понимал превосходно, что война всякая, даже во всяком передовом обществе, создаст не только разруху, одичание, мучения, бедствия в массах, которые захлебнутся в крови, что нельзя ручаться, что это поведет к победе социализма, он говорил, что это будет: «либо победа рабочего класса, либо создание условий, делающих эту победу возможной и необходимой».

т.-е., следовательно, тут возможен еще ряд тяжелых переходных ступеней при громадном разрушении культуры и производительных средств, по результатом может быть только подъем авангарда трудящихся масс, рабочего класса и переход к тому, чтобы он взял в свои руки власть для создания социалистического общества. Ибо каковы бы ни были разрушения культуры — их вычеркнуть из исторической жизни нельзя, их будет трудно возобновить, но никогда никакое разрушение не доведет до того, чтобы эта культура исчезла совершенно. В той или иной своей части, в тех или иных материальных остатках эта культура неустранима, трудности лишь будут в ее возобновлении. Итак, вот одна точка зрения, что мы должны старую программу оставить, дополнив ее характеристикой империализма и начала социальной революции.

И эту точку зрения выразит в проекте программы, которая была мною напечатана. Другой проект был напечатан тов. Сокольниковым в московском сборнике. Другая точка зрения выражена была в наших беседах, в частности — тов. Бухариным, в печати тов. В. Смирновым, в московском сборнике. Эта точка зрения состояла в том, что надо либо совершенно вычеркнуть, либо почти удалить старую теоретическую часть программы и заменить новой, характеризующей не историю развития товарного производства и капитализма, как делала наша программа, а современную стадию высшего развития капитализма — империализм и непосредственный переход к эре социальной революции. Мне не думается, чтобы эти две точки зрения расходились коренным образом и принципиально, но я буду отстаивать свою точку зрения. Мне кажется, что теоретически неправильно вычеркнуть старую программу, характеризующую развитие от товарного производства до капитализма. Неверного в ней ничего нет. Так дело шло, так оно идет, ибо товарное производство родило капитализм, а он привел к империализму. Это общая всемирно-историческая перспектива, и основы социализма забывать не следует. Каковы бы дальнейшие перипетии борьбы не были, как бы много частных загагов нам не пришлось преодолеть (их будет очень много, — мы видим на опыте, какие гигантские изломы делает история революции, и только еще у нас дело куда как пойдет сложнее и быстрее, темп развития будет более бешеным, и повороты будут более сложными, — когда революции превратится в европейскую), — для того, чтобы в этих зигзагах, изломах истории не затеряться и сохранить общую перспективу,

чтобы видеть красную нить, связывающую все развитие капитализма и всю дорогу к социализму, которая нам, естественно, представляется прямой, и мы должны ее представлять прямой, чтобы видеть начало, продолжение и конец, — в жизни она никогда прямой не будет, она будет невероятно сложной, — чтобы не затеряться в этих изломах, чтобы в периоды шагов назад, отступлений, временных поражений, или когда нас история, или неприятель отбросит назад, чтобы не затеряться, важно на мой взгляд, и теоретически единственно правильно будет старую основную программу нашу не выкидывать. Ибо мы находимся сейчас только на первой переходной ступени от капитализма к социализму у нас, в России. История нам не дала той мирной обстановки, которая теоретически на известное время мыслилась и которая для нас желательна, которая позволила бы быстро перейти эти переходные ступени. Мы сразу видим, как гражданская война много затруднила в России, и как эта гражданская война сплетается с целым рядом войн. Марксисты никогда не забывали, что насилие неизбежно будет спутником краха капитализма во всем его масштабе и рождении социалистического общества. И это насилие будет всемирно-историческим периодом, целой эрой самых разнообразных войн — войн империалистических, войн гражданских внутри страны, сплетения тех и других, войн национальных, освобождения национальностей, раздавленных империалистами, различными комбинациями империалистических держав, входящих непремено в то или иные союзы в эпоху громадных государственно-капиталистических и военных трестов и синдикатов. Эта эпоха — эпоха гигантских крахов, массовых военных насильственных репрессий, кризисов — она началась, мы ее ясно видим, — это только начало. Поэтому выбросить все, что относится к характеристике товарного производства вообще, капитализма, вообще — мы не имеем оснований. Мы только что сделали шаги, чтобы капитализм совсем стряхнуть и переход к социализму начать. Сколько еще этапов будет переходных к социализму, мы не знаем и знать не можем. Это зависит от того, когда начнется в настоящем масштабе европейская социалистическая революция, от того, как она легко, быстро или медленно справится со своими врагами и выйдет на торную дорогу социального развития. Этого мы не знаем, а программа марксистской партии должна исходить из абсолютно точно установленных фактов. Только в этом — сила нашей программы, которая через все

перипетии революции подтвердилась. Только на этом базисе марксисты свою программу должны строить. Мы должны исходить из абсолютно точно установленных фактов, состоящих в том, что развитие обмена и товарного производства во всем мире стало преобладающим историческим явлением, привело к капитализму, а капитализм перешел в империализм это абсолютно непреложный факт, нужно это прежде всего в программе установить. Что этот империализм начинается эру социальной революции — это тоже факт, который для нас очевиден, который мы должны ясно осознать. На виду всего мира, констатируя этот факт в своей программе, мы факел социальной революции поднимаем не в смысле только агитационной речи, — поднимаем, как новую программу, говоря всем народам западной Европы: «Вот то, что мы с вами вынесли из опыта капиталистического развития. Вот каков был капитализм, вот как он пришел к империализму, и вот та эра социальной революции, которая начинается, и в которой первая роль по времени выпала на нашу долю». Мы выступим перед всеми цивилизованными странами с этим манифестом, который не будет только горячим призывом, который будет абсолютно точно обоснованным, получающимся из фактов, всеми социалистическими партиями признаваемых. Тем яснее будет противоречие между тактикой этих партий, теперь изменивших социализму, и теми теоретическими предпосылками, которые все мы разделяем, которые в плоть и кровь каждого сознательного рабочего перешли: развитие капитализма и переход его в империализм. Накануне империалистических войн, съезды в Хемнице и в Базеле дали в резолюциях такую характеристику империализма, противоречие между которой и теперешней тактикой социал-предателей — вопиющее. Мы должны поэтому это основное повторить, чтобы тем яснее показать прудящимся массам Западной Европы, в чем обвиняют их руководителей.

Вот то основное, по которому я считаю такое построение программы единственно теоретически правильным. Отбросить, как будто старый хлам, характеристику товарного производства и капитализма, это не вытекает из исторического характера происходящего, ибо дальше первых ступеней перехода от капитализма к социализму мы не пошли, и наш переход усложняется такими особенностями России, которых в большинстве цивилизованных стран нет. Следовательно, не только возможно, но неизбежно, что в Европе эти переходные стадии будут

инными, и поэтому фиксировать все внимание на тех национальных специфических переходных ступенях, которые для нас необходимы, а в Европе могут не стать необходимыми, это будет теоретически неправильно. Мы должны начать с общей базы развития товарного производства, перехода к капитализму и перерождения капитализма в империализм. Этим мы теоретически занимаем, укрепляем позицию, с которой нас ни один, не изменявший социализму, не собьет. Из этого дается столь же неизбежный вывод: эра социальной революции начинается.

Делаем это мы, оставаясь на почве непреложно установленных фактов.

Дальше, нашей задачей является характеристика советского типа государства. Я по этому вопросу старался изложить теоретические взгляды в книге «Государство и Революция». Мне кажется, что марксистский взгляд на государство в высшей степени искажен был господствовавшим официальным социализмом Западной Европы, что замечательно наглядно подтвердилось опытом советской революции и создания Советов в России. В наших Советах еще масса грубого, недоделанного, это не подлежит сомнению, это ясно всякому, кто приедем к их работе, но что в них важно, что исторически ценно, что представляет шаг вперед во всемирном развитии социализма — это то, что здесь создан новый тип государства. В Парижской Коммуне это было на несколько недель, в одном городе, без сознания того, что делали. Коммуны не понимали те, кто ее творил, они творили чутьем гениально проснувшихся масс, и ни одна фракция французских социалистов не сознавала, что она делает. Мы находимся в условиях, когда, благодаря тому, что мы стоим на плечах Парижской Коммуны и многолетнего развития немецкой социал-демократии, мы можем ясно видеть, что мы делаем, создавая Советскую власть. Народными массами, несмотря на всю ту грубость, недисциплинированность, что есть в Советах, что есть пережиток мелко-буржуазного характера нашей страны, несмотря на все это — новый тип государства создан. Он применяется не неделями, а месяцами, не в одном городе, а в громадной стране, в нескольких нациях. Этот тип Советской власти себя показал, если он перебросился на столь отличную во всех отношениях страну, как Финляндия, где нет Советов, но тип власти опять-таки новый, пролетарский. Так это доказательство того, что теоретически представляется бесспорным, что Советская власть есть

новый тип государства без бюрократии, без полиции, без постоянной армии, с заменой буржуазного демократизма — новой демократией, демократией, которая выдвигает авангард трудящихся масс, делая из них и законодателя, и исполнителя, и военную охрану, и создает аппарат, который может перевоспитать массы.

В России это едва только начато и начато плохо. Если мы соизмерим, что плохого в том, что мы начали, мы это преодолеем, если история даст нам возможность поработать над этой Советской властью сколько-нибудь порядочное время. Поэтому мне кажется, что характеристика нового типа государства должна занять выдающееся место в нашей программе. К сожалению, нам пришлось работать теперь над программой в условиях такой невероятной спешки, что нам не удалось даже созвать свою комиссию, выработать официальный проект программы. То, что роздано товарищам делегатам, названо лишь черновым наброском, и всякий это ясно увидит. В нем вопросу о Советской власти посвящено довольно большое место, и мне кажется, что тут международное значение нашей программы должно сказаться. Было бы крайне ошибочным, мне кажется, если бы мы международное значение нашей революции ограничивали призывами, лозунгами, демонстрациями, воззваниями и т. д. Этого мало. Мы должны конкретно показать европейским рабочим, за что мы взялись, как взяли, как это понимать: это толкает их конкретно на вопрос — как социализма добиться. Тут они должны посмотреть: русские берутся за хорошую задачу и если берутся плохо, то мы сделаем лучше. Для этого как можно больше конкретного материала нужно дать и сказать, что нового мы создать попытались. В Советской власти мы имеем новый тип государства; постараемся обрисовать его задачи, конструкцию, постараемся объяснить, почему этот новый тип демократии, в котором так много хаотического, несуразного, что составляет в нем живую душу — переход власти к трудящимся, устранение эксплуатации, аппарата для подавления. Государство есть аппарат для подавления. Надо подавлять эксплуататоров, но их подавлять нельзя полицией, их может подавлять только сама масса, аппарат должен быть связан с массами; должен ее представлять, как Советы. Они гораздо ближе к массам, они дают возможность стоять ближе к ней, они дают больше возможности воспитывать эту массу. Мы знаем прекрасно, что русский крестьянин стремится к тому, чтобы учиться, но мы хотим, чтобы он учился не из книг, а из собственного опыта. Советская власть

есть аппарат—аппарат для того, чтобы масса начала немедленно учиться управлению государством и организации производства в общенациональном масштабе. Это гигантски трудная задача. Но исторически важно то, что мы беремся за ее решение, и решение не только с точки зрения лишь нашей одной страны, но и призывая на помощь европейских рабочих. Мы должны сделать конкретное разъяснение нашей программы именно с этой общей точки зрения. Вот почему мы считаем, что это есть продолжение пути Парижской Коммуны. Вот почему мы уверены, что, вставши на этот путь, европейские рабочие сумеют нам помочь. Им лучше сделать то, что мы делаем, при чем центр тяжести с формальной точки зрения переносится на конкретные условия. Если в старое время было особенно важно такое требование, как гарантия права собраний, то наша точка зрения на право собраний состоит в том, что никто теперь не может помешать собраниям, и Советская власть должна обеспечить только зал для собраний. Для буржуазии важно общее прокламирование широковещательных принципов: «Все граждане имеют право собираться, но собираться под открытым небом,—помещений мы вам не дадим». А мы говорим: «Поместье фраз и побольше сути». Необходимо отобрать дворцы,—и не только Таврический, но и многие другие,—а о праве собраний мы молчим. И это надо распространить на все остальные пункты демократической программы. Нам надо судить самим. Граждане должны участвовать поголовно в суде и в управлении страны. И для нас важно привлечение к управлению государством поголовно всех трудящихся. Это—гигантски трудная задача. Но социализма не может ввести меньшинство партии. Его могут ввести десятки миллионов, когда они научатся это делать сами. Нашу заслугу мы видим в том, что мы стремимся к тому, чтобы помочь массе взяться за это самим немедленно, а не учиться этому из книг, из лекций. Вот почему, если мы эти наши задачи конкретно и ясно выскажем, мы толкнем все европейские массы на обсуждение этого вопроса и на практическую его постановку. Мы, может быть, делаем плохо то, что необходимо делать, но мы толкаем массы на то, что они должны делать. Если то, что делает наша революция не случайность,—а мы в этом глубоко убеждены,—не продукт решения нашей партии, а неизбежный продукт всякой революции, которую Маркс называл народной, т.-е. такой, которую творят народные массы сами своими лозунгами, своими стремлениями, а не повторением программы старой буржуазной рес-

публики, — если мы это ставим так, то мы достигнем самого существования. И здесь мы подходим к вопросу о том, следует ли уничтожать различия между программами максимум и минимум, — и да, я лет. Я не боюсь этого уничтожения, потому что та точка зрения, которая была еще летом, теперь не должна иметь место. Я говорил «рано» тогда, когда мы еще не взяли власти, — теперь, когда мы эту власть взяли и ее испытали, — это не рано. Мы должны теперь вместо старой программы писать новую программу Советской власти, несколько не отрекаясь от использования буржуазного парламентаризма. Думать, что нас не откинут назад, — утопия.

Исторически отрицать нельзя, что Россия создала Советскую республику. Мы говорим, что при всяком откидывании назад, не отказываясь от использования буржуазного парламентаризма, — если классовые, враждебные силы заголят нас на эту старую позицию, — мы будем идти к тому, что опытом завоевано, — к Советской власти, к Советскому типу государства, государства типа Парижской Коммуны. Это нужно выразить в программе.

Ясно, что мы сейчас не можем выработать программу. Мы должны выработать основные ее положения и сдать в комиссию или в Центральный Комитет для выработки основных тезисов. Даже проще: разработка возможна на основании той резолюции о Брест-Литовской конференции, которая дала уже тезисы. На основании опыта русской революции должна быть сделана такая характеристика Советской власти и затем предложение практических преобразований. Здесь, мне кажется, в исторической части нужно заметить, что сейчас начата экспроприация земли и производства. Мы здесь ставим конкретную задачу организации потребления, универсализации банков, превращения их в сеть государственных учреждений, всю страну охватывающих и дающих нам общественное счетоводство, учет и контроль, проведенный самим населением, лежащий в основе дальнейших шагов социализма. Я думаю, что эта часть, наиболее трудная, должна быть формулирована в виде конкретных требований нашей Советской власти, — что мы сейчас же сделать хотим, какие реформы намерены провести в области банковской политики, в деле организации производства продуктов, организации обмена, учета и контроля, введения трудовой повинности и проч. Когда удастся, мы дополним, какие шаги, шажки и полшажки мы сделали в этом отношении. Тут должно быть совершенно точно, ясно, определенно

то, что у нас начато, то, что не доделано. Мы все прекрасно знаем, что громадная часть начатого нами не доделана. Нисколько не преувеличивая, совершенно объективно, не отходя от фактов, мы должны сказать в программе о том, что есть, и о том, что мы сделать собираемся. Эту правду мы покажем европейскому пролетариату и скажем: это надо делать, — чтобы они говорили: то-то и то-то русские делают плохо, а мы сделаем лучше. И, когда это стремление увлечет массы, тогда социалистическая революция будет неизбежна. На глазах у всех совершается империалистическая война, насквозь грабительская. Нужно обнажить это, обрисовывать войну, как объединение империалистов против социалистического движения. Вот те общие соображения, которыми я считаю необходимым поделиться с вами, и на основании которых я делаю практическое предложение сейчас обменяться основными взглядами по этому вопросу и затем выработать, может быть, несколько основных тезисов здесь же, а сейчас, если это будет признано трудным, отказаться от этого и стать вопросом о программе Центральному Комитету или особой комиссии, которой поручить, на основании имеющихся материалов и на основании stenографических или подробных секретарских отчетов Съезда, составить программу, которая должна сейчас же изменить свое название. Мне кажется, мы можем осуществить это в настоящее время, и я думаю, что все согласится с тем, что при той неподготовленности нашей программы в редакционном отношении, на которой застали нас события, сейчас ничего другого сделать нельзя. Я уверен, что за несколько недель мы можем это сделать. У нас достаточно теоретических сил во всех течениях нашей партии, чтобы в несколько недель получить программу. В ней, конечно, может быть много ошибочного, не говоря уже о редакционных и стилистических неточностях, потому что у нас нет месяцев для того, чтобы за эту работу засесть со спокойствием, необходимым для редакторской работы:

Все эти ошибки мы исправим в процессе нашей работы в полной уверенности, что мы даем возможность Советской власти осуществить эту программу. Если мы, по крайней мере, формулируем точно, не отходя от действительности, то, что Советская власть есть новый тип государства, форма диктатуры пролетариата, что демократии мы поставили иные задачи, что задачи социализма мы перевели из общей абстрактной формулы «экспроприации экспроприаторов» в такие конкретные формулы, как на-

ционализации банков и земель,—это и будет существенною частью программы.

Земельный вопрос придется преобразовать в том смысле, что мы здесь видим первые шаги того, как мелкое крестьянство, желающее стать на сторону пролетариата, желающее помочь ему в социалистической революции, как оно при всех своих предубеждениях, при всех своих старых воззрениях поставило себе практическую задачу—перехода к социализму. Мы не навязываем этого другим странам, — но это факт. Крестьянство не словами, а делами показало, что оно желает помочь и помогает пролетариату, завоевавшему власть, осуществить социализм. Напрасно приписывают нам то, что мы хотим насильно ввести социализм. Мы будем справедливо делить землю, с точки зрения преимущественно мелкого хозяйства. При этом мы даем предпочтение коммунам и крупным рабочим артелям. Мы поддерживаем монополизацию торговли хлебом. Мы поддерживаем,—так говорили крестьянству,—экспроприацию банков и фабрик. Мы готовы помочь рабочим в осуществлении социализма. Я думаю, нужно издать основной закон о социализации земли на всех языках. Это издание состоится,—если уже не состоялось. Эту мысль выскажем конкретно в программе,—ее нужно выразить теоретически, не отходя ни на шаг от конкретно констатированных фактов. И мы обращаемся к европейскому пролетариату с просьбой помочь нам в нашей работе.

Нашу программу мы можем таким образом разработать в несколько недель, и ошибки, которые мы сделаем, их поправит жизнь. Мы их сами исправим. Они все будут легки, как перышко, по сравнению с теми положительными результатами, которые будут достигнуты.

Тов. Бухарин. На девятисто девять сотых я согласен с Лениным. Основной пункт у нас был—расхождение программы максимум и минимум. Мы настаивали на том, что это деление необходимо устранить. Теперь это основное разногласие исчезло. Ленин ставил вопрос в своей статье таким образом, что по его мнению не нужно говорить «топ» не перепрыгнув. И исходя из этих соображений, он настаивал на сохранении этого. Теперь мы уже перепрыгнули, взяли власть, и, таким образом, с точки зрения Ленина мы можем уничтожить это старое деление. Но одним из самых существенных пунктов, которые должны быть в нашей программе, и на которых особенно подробно останавливался Ле-

нии,—это вопрос относительно типа Советской власти. И этот пункт со всеми деталями точно так же разделяется и нами. Но я лично полагаю, что не совсем правильно отношение Ленина к вопросам теоретической части программы,—вот это есть разногласие, которое остается между нами и сейчас, разногласие отнюдь не принципиального свойства, потому что, вообще говоря, это лишь вопрос целесообразности. На чем должно быть поставлено в настоящее время логическое ударение? Где заключается в настоящее время центр тяжести? Вообще говоря, программа не является общим курсом социальной политики. Теоретическая часть программы это не длинное рассуждение, которое должно охватывать целые огромные периоды, которые должны дать громадную схему. Заметьте, что Маркс, когда он останавливался на характеристике капиталистического строя, или когда определял его, или когда брал какую-нибудь определенную категорию, всегда подмечал то, что было специфично и типично для данной исторической эпохи, и это самое характерное для данной полосы он и ставил во главу угла. Сейчас наша программа не должна представлять собою рассуждения, а должна стать оружием борьбы пролетариата, которое помогает ему ориентироваться. Она должна дать ему определенные, руководящие идеи не для теоретических рассуждений, а для практической борьбы, для понимания разворачивающейся картины событий. Совершенно естественно, что как раз в анализе современной исторической полосы и должен лежать логический центр тяжести. Я этим не хочу сказать, что теоретическая часть нашей программы должна быть обсуждаема попутно, это, разумеется, недопустимо. Центр тяжести ее должен лежать в характеристике текущей эпохи. Вот на этом, мне кажется, целесообразно настаивать. Опять-таки отсюда ни в коем случае не следует, что мы должны давать лишь общую характеристику социалистического строя. Она должна быть сохранена, как общие теоретические рамки, потому что и империалистический капитализм есть все же капитализм. Вы можете дать характеристику империализму, как определенному подвигу капитализма, который особенно типичен для настоящего времени.

Но вместе с водой вы выплескиваете и ребенка. Вы должны признать, что для характеристики империализма нужно обрисовать капитализм, так как иначе получится некоторая неразрешимая задача. Вот почему мне кажется, что характеристика капитализма должна быть сохранена, потому что социальное противоречие нуждается в этой характеристике.

Но не в этом должен лежать логический центр тяжести. По-нашему он должен лежать как раз не в этой общей характеристике капитализма, которая должна остаться, а в характеристике современной исторической полосы. Теперь я несколько отступаю от своих былых взглядов; тогда мне казалось, что при характеристике империалистической полосы нужно поставить ударение на характеристике империалистической эпохи—эпохи распада капитализма, которая уже наступила. Капитализм уже трещит экономически и социально, и если сейчас еще социалистическая, общеевропейская, мировая революция, как конкретный факт, выцвипий на поверхность жизни, еще не наступила, так эта революция уже зреет, даже назрела,—и экономический базис для этой революции уже налично. Налицо распад капиталистических отношений. Возьмите современное положение. Например, Россия перед октябрьским переворотом переживала как раз картину полного распада капиталистических отношений. Эпоха империализма, эпоха преобладания империализма, эпоха социальной революции—в этом чередовании должен лежать логический центр тяжести теоретической части. И совершенно понятно, что при такой постановке вопроса нас не может удовлетворить старая теоретическая программа. Она вся написана применительно к страшно молодой, только что начавшей действовать демократии, когда русский капитализм делал только первые шаги. Старая программа появилась еще в то время, когда еще шли споры о том, есть ли у нас в России капитализм или нет. А теперь мы уже перепрыгнули через капиталистические отношения. Совершенно ясно, что старая теоретическая программа для нас не годится. Каким это ни кажется парадоксом на первый взгляд, но мы были в значительной степени либералами. Мы были либералами по отношению к государству. Мы всегда не доценивали государства, как спредельного, чрезвычайно могущественного фактора. Я подписывалось под каждым словом Ленина в его характеристике государства. У нас не только существует государство,—в смысле организации нового типа государства,—но мы сами, к сожалению, ничего не делали для того, чтобы разъяснить классовый характер государственной буржуазии. В программе по этому поводу у нас почти ничего нет. Возьмите вопрос относительного мирового хозяйства и относительно роли хозяйственных организаций в общих пределах мирового хозяйства. Это есть коренной вопрос современной жизни: борьба государства, функция и роль буржуазных

капиталистических организаций в их столкновении с пролетариатом. Естественная реакция пролетариата, который, как мы отлично знаем, стремится к тому, чтобы перевести государство с буржуазного на пролетарское, сместить организации буржуазные и установить свои собственные; все это вопросы колоссальной важности. Они в теоретической части не затронуты. У нас чрезвычайно много говорилось о кризисах. Это правильно, и сейчас это нужно сохранить. Но всякому ясно, что сейчас во время войны в тысячу раз больше кризисов. И теперешняя война в значительной мере выполняет работу промышленных кризисов, поскольку разряжает промышленную атмосферу. Этого у нас не было в программе.

Но этого недостаточно для понимания теперешней жизни. Для этого необходимо знать существо того, что пожирает государства. Нам нужно понять закон централизации и концентрации капитала, в применении к государственным органам и государственным организациям, потому что только такая постановка вопроса может объяснить нам то, что совершается сейчас в мировом масштабе. Раньше всего программа рассматривала общее капиталистическое хозяйство, не конкретно, реально существующее, но—как одно сплошное целое. Теперь этого абсолютно не достаточно. Тогда это было достаточно потому, что даже вопросы внешней политики почти совершенно не вставали перед пролетариатом. Для русских марксистов старого типа важно было определить, в какую сторону будет развиваться хозяйство России,—им нужно было доказать, что оно пойдет по капиталистическому пути. С горизонта даже наших революционеров, даже самых крайних наших передовых партий не сходил капитализм—капитализм мировой и капитализм Англии, Германии или какой-нибудь другой страны только для того, чтобы на этих примерах иллюстрировать будущую судьбу русского капитализма. Сейчас дело в корне изменилось. Сейчас каждый крестьянин, солдат, рабочий, каждый, кто желает, в силу необходимости занимается вопросами внешней политики,—его мысль сейчас не должна останавливаться на том классе, к которому он принадлежит, и на том государстве, в котором он живет:—его мысль должна непременно выходить за пределы данного государства. Он должен знать непременно все то, что совершается во всем мире. И такая ориентация необходима: она не может уложиться в старой теоретической программе.

Вот почему мне кажется необходимым изменить старую программу и в корне ее переработать. Вот почему мне казалось, что

необходимо прямо заменить это радикально, переделать старую программу, но никакого отказа от старого наследия, никакой измены марксизму нет по той причине, что требования марксизма заключаются в том, чтобы брать быка за рога, исторического быка за исторические рога, заниматься главным образом исследованием того, что присуще данной исторической полосе. Марксизм есть высоко-историческое учение, и Маркс чрезвычайно едко и зло издевался над теми, кто рассуждал вообще. Он требует конкретного анализа данной исторической полосы. Совершенно естественно, что программа да практика должны ориентироваться в первую голову на данную историческую полосу. Вот почему, конкретно говоря, я предлагаю в теоретической части программы сохранить общую характеристику капитализма, но логический центр тяжести перенести в характеристику империализма и эпоху разложения капиталистических отношений эпохи социалистической революции.

Товарищи, это еще не все. В связи с этим стоит другой вопрос; поскольку для нас социализм был раньше определенным регулятивным принципом социализма, который куда-то запикивали в крайний угол, который был лампочкой, который светил из страны далеской, совершенно естественно, что у нас не было ничего конкретного относительно самого социализма. Сейчас он спускается с небес на землю, и, как совершенно правильно говорит тов. Ленин, он стал практической задачей в порядке дня. Поэтому мы должны в нашей теоретической части сказать, что такое социализм.

Мало сказать - экспроприация, нужно написать социалистический строй, вернее говоря, коммунистический строй, нужно дать ему характеристику не только в смысле обобществления средств производства, а более или менее конкретный вид. Можно возразить, что это утопическая вещь и прочее, что всегда Маркс и Энгельс говорили, что мы не рисуем картин будущего; нет, товарищи, если бы они жили теперь, они посмотрели бы на это дело иначе. Теперь это для марксиста не кажется страшно отдаленным будущим, а для нас это вопрос практики. Поэтому, товарищи, мне кажется, что необходимость эта вызывается прямой потребностью жизни дать характеристику социалистического строя в его развернутом виде, дать характеристику коммунизма, а отсюда, если после этого у нас будет система переходных мероприятий, в сущности говоря, та система, которую наметил тов.

Ленин,—я, так сказать, против этой системы ничего не возражаю.

Еще одно, против чего я возражаю. Мне кажется, что за излишними доказательствами этих переходных мероприятий к социализму гоняться мы не должны, не можем. У нас жизнь идет таким бешеным темпом, что то, что мы поставим в эту программу в качестве деталей, может быть через 2 недели сделается нецелесообразным. Нам нужно с этим считаться, нам нужно дать систему переходных мероприятий в их схематическом виде, отнюдь не детализируя до каждой капельки; нужно строго учесть, что является более твердым, более постоянным, то, от чего нам не придется отказаться через 2 недели. Нам нужно выделить самое существенное. Это не значит, что там будет пустое место. Сейчас существует столько же практических наших революционных дел, столько наводящих идей, столько наводящих линий, что здесь достаточно материала для нашей программы. Вот из этого, в свою очередь, вытекает еще одна потребность, из которой нам необходимо, кроме программы партии, выработать через известный период определенную тактическую платформу, которая диктуется прямо-таки бешеным темпом развития революции. Мы одно время перед Учредительным Собранием все чрезвычайно остро испытывали эту потребность: мы идем на выборы, у нас нет ничего. С другой стороны, тов. Ленин в своей статье согласился с моим возражением, что я указывал в марте, особенно после 1-й апрельской конференции, я говорил, может быть сегодня есть, а завтра не будет, в программу мы вводить не можем, надо вводить в нашу тактику. Прежде всего это может быть изменено общерусской конференцией каждый месяц. Тов. Ленин (он согласился с этим), жизнь показала, что нужно было согласиться, но точно так же в таком положении, как мы находимся сейчас, этот вопрос не только в области политики, но в любой области, в области финансов, экономики, какой-нибудь мы можем встретиться с тем же самым, что мы напихиваем массу невозможных вещей в программу, а она оказывается излишней. С другой стороны, нам необходимо в каждый данный момент иметь более детализированную систему, действительно систему мероприятий в самом детальном виде. Для этого необходима тактическая платформа, которая не связывает нас на долгий срок.

Вот в общих чертах те соображения, которые я имел высказать.

Председатель. Слово имеет тов. Феништейн.

Тов. Ф е н и г ш т е й н. Товарищи, несмотря на все серьезные вопросы, которые стояли на 6-м Съезде и не могли быть обсуждены, все-таки приходится сказать только то, что мы сейчас не в состоянии рассматривать вопрос о программе на нашем Съезде. Дело в том, что вопрос слишком серьезен, он может разрешиться только тогда, если бы мы рассматривали заранее хотя бы какой-нибудь проект в тех партийных организациях, которые представлены на Съезде. Съезд ни в коем случае не сумеет сегодня решиться на то, чтобы принять какой-нибудь проект программы. Я вношу предложение создать комиссию здесь, на Съезде, которой передать все имеющиеся материалы, в данном случае представленный тов. Лениным проект. Комиссия обязана будет выполнить свою задачу в кратчайший срок и проект программы объявить на следующем Съезде. Мы после обсудим уже готовый проект программы и сумеем его принять. Конечно, мое предложение не противоречит предложению тов. Ленина об изменении названия партии, думаю, что с этим предложением мы сумеем все единогласно согласиться.

Председатель. Итак, товарищи, имеется предложение сейчас дальнейших прений,—да и записавшихся больше нет,—по вопросу о пересмотре программы не вести, а избрать специальную комиссию на данном Съезде, которой поручить выработку самой программы.

Тов. Л е н и н. Товарищи, позвольте мне огласить проект резолюции, которая формулирует несколько иное предложение, по существу несколько, однако, схожее с тем, что говорил предыдущий оратор. Я бы предложил вниманию Съезда следующую резолюцию. (Читает.)

Товарищи, это предложение отличается тем, что я хотел бы сначала защитить мою мысль об ускорении издания программы и поручить прямо Ц. К. издать ее или поручить ему создание особой комиссии.

Темп развития такой бешеный, что нам откладывать дело не следует. При трудностях настоящего времени мы получим программу, в которой будет много ошибок, но это не беда,—следующий Съезд исправит ее, хотя это будет слишком быстрое исправление программы, но жизнь шагает так быстро, что если нужно будет сделать ряд исправлений программы,—сделаем. Теперь наша программа будет строиться не столько по книжкам, сколько из практики, из опыта Советской власти. Поэтому я думаю, что в наших интересах, чтобы мы обратились к междуна-

родному пролетариату не с горячими призывами, с увещательными митинговыми речами, не с приказами, а с точной конкретной программой нашей партии. Пусть программа будет менее удовлетворительна, чем та, которая получилась бы при обработке в нескольких комиссиях, при утверждении Съездом.

Я бы хотел надеяться, что эту резолюцию мы сможем принять единогласно, потому что я обошел то разглашение, на которое указывает тов. Бухарин; я формулировал его так, что оставил вопрос открытым. Мы можем надеяться на то, что если не произойдет слишком крупных изменений, то мы в состоянии будем получить новую программу, которая будет точным документом для всероссийской партии, и не получится того гадкого положения, в котором я себя чувствовал, когда на предыдущем Съезде один левый швед меня спрашивал: «а какая программа вашей партии, — такая же, как у меньшевиков?» Надо было видеть, какие большие глаза сделал этот швед, который ясно понимал, как мы гигантски далеко ушли от меньшевиков. Такое чудовищное противоречие мы оставить не можем. Я думаю, что это принесет практическую пользу для международного рабочего движения, и то, что мы завоеваем, будет несомненно выше того, что программа будет наделена ошибками.

Вот почему я предлагаю ускорить это, несколько не боясь того, что Съезду ее придется исправлять.

Председатель. Слово по поводу предложения тов. Ленина имеет тов. Урицкий.

Тов. Урицкий. Я полагаю, что предложение тов. Ленина следует принять, но только со следующей поправкой, чтобы комиссия выбиралась на Съезде, а не назначал Ц. К. партии. Работа настолько ответственна, что каждый из нас желал бы узнать тех лиц, которых мы будем выбирать для изменения этой программы. Я думаю, что тов. Ленин против этой поправки ничего не имеет.

Тов. Ленин. Я готов согласиться на эту поправку.

Председатель. Тогда позвольте не голосовать двух имеющих предложений. Тов. (пропуск в стенограмме) вы снимаете свое предложение?

Тов. (пропуск в стенограмме). Я согласен с резолюцией тов. Ленина, только чтобы комиссия была избрана на Съезде.

Тов. (пропуск в стенограмме). Не знаю насколько это демократично, но я предложил бы, чтобы помимо этой работы была проделана еще одна работа, чтобы несколько крупных наших

организаций до опубликования нашей программы,—Московская, Киевская, Харьковская, чтобы они просмотрели и дополнили ее. Это гарантировало бы нас от всяких возможных трений.

Тов. Ленин. При тех условиях, в которых Россия находится сейчас,—в состоянии гражданской войны, открамсывания частей, это недопустимо. Само собой разумеется, что при малейшей возможности комиссия, которая будет исправлять, будет печатать немедленно, и всякий раз местные организации могут высказаться, должны высказаться, но формально связывать себя тем, что на будущее время будет неосуществимо, будет еще большей оттяжкой, чем Съезд.

Тов. Ларин. Я хочу до голосования вставить в название партии слово «рабочей». Если тов. Ленин согласен, тогда я не буду мотивировать. Я считаю необходимым по соображениям принципиального свойства и по соображениям практического и политического свойства, чтобы партия сохранила в своем названии слово «рабочей». Можно сказать, что коммунистическая партия в современном историческом периоде обязательно должна быть рабочей партией, что это само собой разумеется, но, однако, то же самое можно было сказать и о прежнем названии нашей партии, когда она называлась с.-д. партией. Однако название было дополнено. Почему тогда мы считали необходимым дать название с.-д. «рабочей» партии. Эти же доводы в полной мере сохраняют свою силу и теперь. Ведь мы живем в такой стране, где типа непролетарских элементов к партии пролетариата чрезвычайно велика. Наша партия является в основе своей именно партией рабочего класса, класса наемных рабочих. Это качество мы никоим образом не желаем скрыть. Пускай к нашей точке зрения, к нашей программе социальной революции примыкают отдельные лица, слои, круги, которые победило наше движение, но только как движение наемных рабочих; но основная идея является идеей 4-го сословия, как то было сказано когда-то, и она должна быть выражена в названии нашей партии. Практическое исключение из ее названия слова «рабочая» будет, несомненно, использовано как некоторый поворот в сторону общенародной, в сторону общенациональной, в сторону того, что мы как бы сходим с той основы, с того базиса группировки, при котором мерилом является момент социальной принадлежности к определенному классу, и переходим на мерло идеалистическое. Между тем, до сих пор мы стояли на другой точке зрения, мы считали партию

выразителем, авангардом определенного класса, к которому могут примыкать те или другие лица. Поэтому я решительно не представляю, какие есть соображения за то, чтобы удалить слово «рабочая» из названия нашей партии, и решительно поддерживаю оставить это слово.

Тов. Ленин. Товарищи, я согласен с тов. Лариным в том, что использование изменения названия и выкидывание слова рабочей партии действительно будет, но считаться с этим нельзя. Тогда мы слишком впадем в мелочи, если с каждым злом будем считаться. Ведь мы возвращаемся к хорошему старому образцу, который всемирно известен. Мы все знаем манифест коммунистической партии, его знает весь мир, ведь исправление не в том состоит, что пролетариат есть единственный до конца революционный класс, что все остальные классы, в том числе трудящееся крестьянство, могут быть революционными, лишь поскольку они переходят на точку зрения пролетариата. Это такая основа, такое всемирно известное положение коммунистического манифеста, что тут сколько-нибудь добросовестных недоразумений не может быть, а с недобросовестными, за кривотолками все равно не утонишь. Вот почему надо вернуться к старому хорошему безусловно правильному образцу, который сыграл свою историческую роль, обойдя весь мир, все страны; мне кажется, отступить от этого лучшего образца нет оснований.

Председатель. Позвольте поставить на голосование поправку тов. Ларина. (Так как резолюция имеется одна, я буду голосовать все поправки сначала с тем, чтобы затем проголосовать ее в целом. (Поправка Ларина отклоняется.)

Слово для поправки имеет тов. Соловьев.

Тов. Соловьев. Я предлагаю с названия партии, которое предлагается—«Российская Коммунистическая Партия», — снять слово «Российская», оставив только «Коммунистическая Партия», и этим подчеркнуть интернациональный характер нашей партии.

Председатель. Тов. Крестинский против поправки.

Тов. Крестинский. Товарищи, я считаю, что нам в нашем названии нужно сохранить слово «Российская» не только для того, чтобы это было исторически приемлемое название, чтобы было видно, что партия, действующая в России, но потому, что слово «Российская» является указанием на то, что партия объединяет различные отряды пролетариата различных наций, живущих и действующих в России. Теперь, когда наша страна в значительной

мере нашествием германского империализма разбита на известные части, нам отбрасывать сейчас этого названия не следует.

Председатель. Итак, позвольте голосовать. Поправка отклоняется. Слово против перемены названия партии имеет тов. Стеклов.

Тов. Стеклов. Товарищи, нам предлагают изменить название нашей партии. Те аргументы, которые выдвигались в пользу этого, а именно, то обстоятельство, что слово «социал-демократическая» изгажено тем употреблением, которое сделали из него оппортунисты всех стран,—этот аргумент не выдерживает критики. Я напому вам, что если вы вообще начнете вдаваться в исторический анализ разных терминов и слов и станете рассматривать с классовой точки зрения, вы тогда рискуете впасть в колоссальную ошибку, потому что слово получает свое значение от дел. Возьмем, например, слова «социализм» и «коммунизм». Раньше социалистами назывались только умеренные элементы, но с течением времени слово «социализм» как раз начало выражать ту тенденцию, которую когда-то называли коммунизмом. И если мы начнем подходить к словам с той точки зрения, что слово изгажено или происходит из нечистого источника, то мы должны будем переделать весь свой язык. Такое слово, как «благородный», мы употребляем часто, и никому не придет в голову отвергать его только потому, что это чисто дворянское слово.

Теперь вы подумайте, что мы сделаем, если выкинем слово «социал-демократическая» из названия нашей партии. Мы просто оставим это слово в жертву господам меньшевикам и всем подобным оппортунистам. Рабочая масса, наш пролетариат, и масса крестьянства привыкли в с.-демократах видеть истинных выразителей своих нужд и стремлений. Массы привыкли видеть в Р. С.-Д. Р. П. свой первый авангард. Под знаменем Р. С.-Д. Р. П. рабочий класс дал самодержавию и буржуазии свои первые славные бои. Если вы теперь это слово перемените на новое слово «коммунистическая», то для маленьких групповых элементов, для руководителей это будет сколько-нибудь говорить,—для масс это будет минус. Я смею вас уверить, что вы никому не доставите торжества, меняя это славное название партии, кроме Мартова и его друзей. Нам придется переучивать всю ту массу, которая привыкла в этом слове видеть выражение своей собственной партии. Многие из нас возмущаются, видя на меньшевистских газетах вроде «Нового Луча» и т. п. титул соц.-дем. партии, на

«Единстве» мы видим то же, но это другой вопрос. Мы можем принять известного рода моральные, а, может быть, и не моральные меры, чтобы запретить этот политический маскарад, чтобы не позволять группам, явно враждебным идеям соц.-демократии прикрывать этим словом свои грязные делишки. Это другое дело. Но отказаться от старого титула «социал-демократия» только потому, что слово опошлено, отказаться от такого почетного названия, только потому, что слово запачкано, я не вижу никакого основания. Я подтверждаю, что политически мы страшно потеряем от такой замены, что не скоро приучим массу забыть, что такое была соц.-демократия.

Я поэтому решительно протестую против перемены названия и предлагаю оставить наше старое славное название «Рос. Соц.-Дем. Рабочая Партия». Но считаясь с правильным желанием ввести в наше партийное название термин «коммунистический», связывающий нас с родоначальниками революционного социализма, с нашими учителями Марксом и Энгельсом, я предлагаю прибавить его к старому названию партии. Мы имеем подзаголовок в скобках: «большевиков». Название «большевики» носит чисто исторический характер: оно случайный факт, что на 2-м Съезде партии представители революционного крыла оказались в большинстве. Это слово можно из названия партии опустить, заменив его словом «коммунисты». Таким образом наша партия получила бы название: «Р. С.Д.-Р. П. (коммунистов)». Мы сохранили бы старое историческое название партии, подчеркнув новым прибавлением то, что нас отделяет от умеренных элементов Интернационала.

Председатель. Слово за сохранение Российской Коммунистической Партии имеет тов. Бухарин.

Тов. Бухарин. Товарищи! Дело в том, что, мне кажется, тов. Стеклов прежде всего неправ в своей критике этого предложения о перемене названия партии. Если тов. Стеклов утверждает, что, так сказать, славные победы, которые мы совершали, будут страдать от этого, то это совершенно не верно. Сама жизнь совершенно отмела название социал-демократ. Славные победы мы одержали, как большевики. И всякий это знает. Сейчас любой крестьянин, любой пролетарий в самых захолустных городах не говорит о социал-демократах, говорит о большевиках, как революционерах, и меньшевиках, как о предателях. Это для старых партийных работников и для занимающихся историческими изы-

92

сказаниями могут существовать соображения тов. Стеклова. Для широких масс, а особенно о широких массах говорил тов. Стеклов, эти соображения не имеют ни малейшего значения.

Вопрос заключается в том, что слово «большевик» глупое слово, которое потеряло всякий смысл, и оставлять это слово нет резона. Его следует пока сохранить, чтобы масса, которая не разбирается во всех тонкостях дела, не была озадачена, что это за партия, так как не каждый будет читать резолюции нашего Съезда. Но название «коммунистическая», это старое, славное название, в тысячу раз более славное, чем истасканное название социал-демократия, которым именуется любой социал-предатель. И совершенно неправ тов. Стеклов, предлагая меньшевиков заставить перестать именоваться социал-демократами. Это было бы смешно. Выход отсюда только один — переменить это название. Еще одно замечание. Поверьте, что вы неправы, думая, что по поводу перемены будет большой барабанный бой. Мы уже имели один случай, когда за границей издали сборник «Коммунист». Не без злорадства думали, что если придерутся к этому названию, то они не рады будут. И оказалось, что нападки были минимальные, так что принимать бой на этом чрезвычайно невыгодно. Мне кажется потому, все соображения тов. Стеклова не выдерживают критики.

Председатель. Итак, товарищи, имеется два предложения: одно наименование — Российская Коммунистическая Партия (большевиков) и другое название тов. Стеклова — Российская социал-демократическая рабочая партия (коммунистов). Большинство голосов принимается первое название.

Тов. Смирнов. Я просил бы все-таки зафиксировать, что название «большевиков» сохраняется до первого Съезда партии.

Председатель. На следующем Съезде партии можно рассмотреть вопрос о выкидывании «большевиков». Тов. Смирнов не настаивает на своем предложении? Поступило предложение выбросить из резолюции тов. Ленина напоминание о возможном использовании форм парламентарной борьбы.

Тов. Пельше. Я полагаю, что напоминание об использовании форм парламентарной борьбы это излишнее. Само собой разумеется, что в случае необходимости мы от этой формы борьбы не откажемся, но в данную минуту, когда мы говорим о нашем поражении, не о нашем сокрушении, говорить о парламентарной борьбе в старой форме — это значит быть отброшенными совер-

пешно назад, значит быть сокрушенными. Правда, мы говорим о поражении, но не о нашем сокрушении, а напоминание о возможном сокрушении—это в психологию масс внесет некоторый надлом, который, по моему мнению, не нужен.

Председатель. Против поправки тов. Ленина.

Ленин. Мне кажется, что предыдущий оратор не прав. Массы не такие дети и понимают, что борьба чрезвычайно серьезна. Они видели, как раньше нас отбрасывали назад, хотя бы в июле. Выкинуть эти слова невозможно. Ни в коем случае не следует делать вид, будто бы мы буржуазных парламентарных учреждений совершенно не ценим. Они громадный шаг вперед по сравнению с предыдущим. Так что, выкидывая эти слова, мы создаем впечатление того, чего еще нет,—абсолютной прочности достигнутой ступени. Мы знаем, что этого еще нет. Это будет, когда международное движение поддержит. Я готов вычеркнуть слова «ни в коем случае», можно вставить слова «партия не откажется от использования», но открывать дорогу чисто анархическому отрицанию буржуазного парламентаризма мы не можем. Это ступени, непосредственно связанные одна с другой, всякое отбрасывание назад может вернуть нас к этой ступени. Я не считаю, чтобы у масс это вызвало надлом. Если понимать под массами совершенно политически необразованных людей—они не поймут, а члены партии и сочувствующие поймут это, поймут, что мы не считаем завоеванные позиции окончательно укрепленными. Если мы гигантским напряжением воли разовьем энергию всех классов, укрепим эту позицию, тогда мы прошлого не станем вспоминать. Но для этого нужна поддержка Европы. А теперь сказать, что мы можем работать при худших условиях—никакого надлома масс не получится.

Поправка тов. Пельше голосуется и большинством голосов отвергается.

Председатель. Тов. Бухарин вносит поправку о том, чтобы дополнить программу партии характеристикой социализма.

Бухарин. Я, товарищи, предлагаю, чтобы в резолюции Ленина имелось место, которое гласило бы, что предлагается дополнить или изменить теоретическую часть программы в сторону характеристики империализма и прочего и затем в сторону характеристики социалистического строя. Мне кажется, что это необходимое дополнение. Потому, что раз мы полагаем, что социалистический строй, развернутый социалистический строй, в котором

нет государства, как органа насилия, который является в сущности коммунистическим строем, в особенности имея в виду, что мы переименовали себя в коммунистическую партию, которая низвергает всякое насилие и гнет, необходимо это сказать полностью. Вот в каком отношении необходимо это. Нам предстоит рано или поздно вести борьбу с анархистами. Старые социал-демократы оппортунисты, некоторые чрезвычайно даже резко, вроде Каутского, все время ведут борьбу с анархистами не так, как следует. Мы должны критиковать их не справа, а слева. Мы не должны становиться на ту точку зрения, что у нас сохраняется социалистическое государство—это чепуха, которая отвергалась и Марксом и Энгельсом. Заслуга книги тов. Ленина заключается в том, что там все это блестяще проведено. Это нужно сказать в программе. Значит—характеристика социалистического строя с экономической стороны и уничтожение всякой политической надстройки.

Председатель. Против поправки тов. Ленин.

Тов. Ленин. Я никак не могу согласиться с поправкой тов. Бухарина. Программа характеризует империализм и начавшуюся эру социальной революции. Что эра социальной революции началась—это абсолютно точно установлено. Что же хочет тов. Бухарин?—характеризовать социалистическое общество в развернутом виде, т. е. коммунизм. Тут неточности у него. Мы сейчас стоим безусловно за государство, а сказать—дать характеристику в развернутом виде социализма, где не будет государства—ничего тут не выдумаешь, кроме того, что тогда будет осуществлен принцип—от каждого по способностям, каждому по потребностям. Но до этого еще далеко и сказать это—значит ничего не сказать, кроме того, что сказать, что почва слаба под ногами. К этому придем, в конце концов, если мы придем к социализму. То, что мы сказали, над этим поработать хватит с нас. Если бы мы это сделали, это было бы гигантской исторической заслугой. Дать характеристику социализма мы не можем, каков социализм, когда достигнет готовых форм, мы этого не знаем, этого сказать не можем. Сказать, что эра социальной революции началась, что мы то-то сделали и то-то сделать хотим—это мы знаем, мы скажем, и это покажет европейским рабочим, что мы, так сказать, не преувеличиваем свои силы нисколько: вот что мы начали делать, что собираемся сделать. Но чтобы мы сейчас знали, как будет выглядеть законченный социализм—мы этого не знаем. Теоретически, в теоретических сочинениях, в статьях, в речах, в лекциях мы будем развивать те

мысли, что борьба против анархистов ведется Каутским неправильно, но в программу мы ставить этого не можем, потому что зет еще для характеристики социализма материалов. Кирпичи еще не созданы, из которых социализм сложится. Дальше ничего мы сказать не можем, и надо быть как можно осторожнее и точнее. В этом будет состоять, и только в этом, обаятельная сила нашей программы. А если мы малейшие претензии заявим на то, чего мы не можем дать—это ослабит силу нашей программы. Они будут подозревать, что наша программа—это только фантазия. Программа есть характеристика того, что мы начали делать, и следующие шаги, какие хотим сделать. Дать характеристику социализма мы не в состоянии, и эта задача формулирована была правильно.

Тов. Бухарин. Товарищи, дело в том, что здесь одно существенное недоразумение. Тов. Ленин, мне кажется, не понял того, что я говорил. Я не говорил, что мы не должны дать характеристику текущего момента, как коммунистической революции. Я согласен, что ударный пункт для настоящего момента заключается в создании пролетарского государства, возможно более сильного. Но я вот что говорю. Деление на программу-максимум и программу-минимум уничтожается. Но где же программа-максимум? Она исчезает. Это не есть констатирование того, что совершается,—а наша программа-максимум. Вот с этой точки зрения я вношу предложение. Значит сперва идет, так сказать, характеристика капиталистического развития и теперешнего периода этого развития, затем идет наше основное требование — программа-максимум—это коммунизм, дальше идет диктатура пролетариата, и разворачивается вся система переходных мероприятий с ударением на пролетарском государстве, так что никто не может заподозрить, что мы для момента диктатуры распускаем государство; но должна быть программа-максимум потому, что тов. Ленин не может сказать, что система его мероприятий есть программа-максимум. Нужно сказать, в чем состоит наша программа-максимум. Уничтожение определенной постановки производства, определенной постановки распределения плюс уничтожение политической власти, как таковой. Это есть наша программа-максимум в качестве основного регулятивного принципа нашей деятельности, в качестве самой общей нормы. Вот, что я хотел сказать.

Председатель. Я предоставил слово тов. Бухарину, потому что он настаивал, что тов. Ленин не так его понял. Я принужден предоставить слово тов. Ленину.

Тов. Ленин. Так как формулировки не были в письменной форме, то недоразумение, конечно, возможно. Но тов. Бухарин меня не убедил. Название нашей партии достаточно ясно выражает, что мы идем к полному коммунизму, что выставляем такие абстрактные положения, что каждый из нас будет работать по способностям, а получать по потребностям, без всякого военного контроля и насилия. Об этом сейчас говорить рано. Когда еще государство начнет отмирать? Мы до тех пор успеем больше, чем два Съезда собрать, чтобы сказать—смотрите, как наше государство отмирает. А до тех пор слишком рано.

Председатель. Большинством голосов поправка тов. Бухарина отклоняется.

Тов. Милутич. Я предлагаю вставить слова—международной социальной революции, там где говорится—начавшейся эрой социальной революции, необходимо вставить слово—международной. Я думаю это мотивировать не-зачем, но представляется чрезвычайно необходимым добавить, что при развитии этого пункта особое внимание надо обратить на то, что социальная революция наша может победить только как международная революция. Не может она победить только в России, оставивши в окружающих странах буржуазный строй. Это должно быть подчеркнуто, что социальная революция может быть укреплена только как международная революция. Я предлагаю во избежание недоразумений вставить это.

Председатель. Тов. Ленин принимает эту поправку, так что не-зачем голосовать.

Резолюция тов. Ленина голосуется. Принимается единогласно.

Председатель. Решено создать комиссию. Из скольких? Называются числа 7—5. Принимается 7.

Тов. Соловьев. Я предлагаю в комиссию следующих товарищей: Ленина, Бухарина, Троцкого, Зиновьева, Сокольников, Сталина и Смирнова. Эти товарищи работали по вопросу о пересмотре программы. Было бы целесообразно комиссию в числе 7 лиц утвердить.

С мест называются: Радек, Надежда Константиновна, Оболенский.

Тов. Соловьев. Тот список, который я прочитал, включает тех, которые больше всего работали по вопросу о пересмотре программы и больше всего выступали с статьями и исследованиями по этому вопросу. Называть дополнительно фамилии—это называть всех товарищей, которые прикосновенны к этому вопросу, а Съездом

принят состав комиссии из 7 человек. Мне казалось бы целесообразным утвердить комиссию в этом составе.

Председатель. Есть предложение голосовать весь список целиком

Тов. Урицкий. Мне, по крайней мере, неизвестны программные статьи ни Сталина, ни Зиновьева, но Радека хорошо известен. Поэтому предлагал бы включить Радека вместо Сталина.

Председатель. Сталин писал по национальному вопросу, кто читал — знает. Дело не в этом. Раз поступили возражения, буду голосовать поименно.

(Производится голосование.)

За Лешина—37.

« Бухарина—36.

« Сокольникова—25.

« Троцкого—37.

« Зиновьева—30.

« Сталина—21.

« Смирнова—32.

« Радека—19.

« Оболенского—7.

Избраны: Ленин, Троцкий, Бухарин, Смирнов, Сокольников, Сталин, Зиновьев.

Председатель. Кто за утверждение всего списка.

(Список утверждается.)

Вопросы, стоящие еще в порядке дня — вопросы организационные. Позволю себе, товарищи, предложить вам этот вопрос снять с порядка дня по следующим причинам: организационный вопрос несомненно интересен тем товарищам, которым приходится вести практические работы. Но нужно сказать, что теперь выплывает несколько новых фактов. С другой стороны, крайне трудно подвести итоги, дать точный отчет того, что сделано партией в организационном отношении за весь период, прошедший со времени прошлого Съезда. Кроме того, Съезд нужно закончить как можно скорее, я бы сказал, сегодня же. 12 числа в Москве предстоит Съезд Советов. Необходима огромная подготовительная работа по созыву этого Съезда. Каждому из нас приходится принимать в ней участие. Кроме того, многие из нас, работающие на Съезде, обременены советской практической работой. Поэтому позволю себе предложить снять организационные вопросы с порядка дня и перейти непосредственно к выборам Центрального Комитета нашей

95
4
21
партии. Имеются ли возражения против снятия организационных вопросов с порядка дня? Возражений нет. Позвольте считать это принятым.

Позвольте, товарищи, перед тем, как приступить к голосованию членов Центрального Комитета и выборам в Центральный Комитет предложить вам внести маленькое изменение в численный состав самого Центрального Комитета партии. До прошлого Съезда, во время апрельской конференции, нами был избран Центральный Комитет из ~~9~~ человек. В процессе работы на практике мы убедились, что такой состав оказался чересчур небольшим, не способным выполнить всей работы, выпадавшей на Центральный Комитет партии. Тогда, считаясь с опытом до-июльского Съезда, мы решили избрать Центральный Комитет из 21 человека с тем, что часть товарищей должна работать на местах, а весь Центральный Комитет для постоянной работы выделяет из своего состава 11 человек. Опыт показал нам, что 21 человек оказывается нормою также совершенно не жизнеспособною и ничемною. Фактически у нас ни одного заседания, даже чуть ли не с самых выборов, не было в количестве 21 человека. Максимальное количество присутствующих на заседаниях, мне кажется, было 17—19 человек, обычно же на заседаниях Центрального Комитета было 15—16 человек,—уже в октябрьский период у нас дошло до того, что нормою стало 9—12 человек.

Исходя из чисто практических соображений, из того, что товарищи, работающие на местах, фактически не могут принимать участия во всех работах Центрального Комитета партии, я бы предложил вам, товарищи, понизить число членов Центрального Комитета с 21 до 15 и наряду с этим ввести еще один маленький пункт в наш устав. В нашем уставе указывается, что от съезда до съезда проходит 1 год, съезд происходит ежегодно. Мы выкинули конференции, исходя из того, что у нас в Центральном Комитете всегда будет часть его членов работать на местах, сохраняя непосредственную связь с областными организациями, и потому, на пленарном заседании Комитета, мы предложили установить один раз в месяц фактически законченную конференцию. Я бы предложил 15 человек считать нормой наиболее удобной и наиболее жизнеспособной, с другой стороны, я бы предложил включить в наш устав пункт о том, что каждые 3 месяца Центральный Комитет созывает обще-русскую конференцию в составе — Центрального Комитета, по два представителя от каждой

областной организации, независимо от того, будут ли они избираться соответствующей областной конференцией или же непосредственно областным комитетом. Таковы, товарищи, предложения, которые считаю необходимым сделать перед тем, как приступить к выборам Центрального Комитета партии. Угодно по этому вопросу кому-нибудь высказаться? Никому неужодно. Имеются ли возражения против сделанного мною предложения? Тогда позвольте его голосовать. Кто за то, чтобы в число членов Центрального Комитета избрать 15 человек? Принято.

Кто за то, чтобы в уставе было указано, что Центральный Комитет собирает обще-русскую конференцию в составе из Центрального Комитета и по два представителя от каждой области— прошу поднять руки. Принято.

Тов. Мгеладзе. Это очень хорошо, но в Поволжье нет областной организации. Сколько раз мы не пытались создать ее там, это не удавалось потому, что все товарищи страшно обременены работой. Как в таком случае быть? Может быть нам не удастся создать этой областной организации и тогда придется оставить свою область без представительства,— область, имеющую весьма крупные организации. Это едва ли целесообразно. Необходимо это принять во внимание, выработать какой-нибудь модус. Я лично полагаю, что такое представительство и такая конференция едва ли целесообразны. Если нас интересует, чтобы в каждый данный момент мы знали мнения местных организаций, местных работников, то представительства от областных организаций едва ли в данном случае могли дать полное такое мнение. Если созывать конференцию, то нужно, чтобы действительно были представители от каждой крупнейшей организации. Я предлагаю принять за основу 3 тысячи, и такую конференцию созывать через каждые 3 месяца. Такой только состав может представлять полную гарантию в том отношении, что мы будем знать через каждые три месяца мнение партии, а не верхов, очень часто оторванных от низов: ведь чем выше организация, тем легче она отрывается от масс.

Тов. Ломов (Оппоков). Вся речь Мгеладзе— блестящее доказательство того, что необходимо создать обще-русскую конференцию, и тогда, может быть, волгари соберут свою область, наконец.

Председатель. Я позволю себе голосовать предложению тов. Мгеладзе. (Баллотировкой отвергнуто.)

Итак, мы решили избрать Центральный Комитет в количестве 15 человек. Я думаю, что как и на прошлом Съезде, и на конфе-

репции при избрании Центрального Комитета мы прибегнем к подаче записок. Я прошу назвать кандидатов.

Тов. Соловьев. Я предлагаю следующий список кандидатов в члены Центрального Комитета: Ленин, Свердлов, Зиновьев, Троцкий, Сталин, Сокольников, Смилга, Шмидт, Лашевич, Стасова, Владимирский, Сергеев, Юрестинский, Дзержинский, Бухарин и кандидатами: Киселев, Иоффе, Винтер, Урицкий, Стучка, Петровский, Ломов, Шляпников.

Тов. Урицкий. От имени группы, голосующей за резолюцию Бухарина против резолюции Ленина, и от имени Бухарина, которого против его воли поставили в этом списке, мы заявляем, что мы в Центральный Комитет входить не будем по следующим причинам: мы считаем, что Центральный Комитет должен быть однородным.

Тов. Ленин заявил, что он себе руки связывать не желает даже в таком вопросе, как вопрос о мире с Винниченко. Мы, не желая брать на себя за это ответственности, должны будем заявить, что мы выходим из Центрального Комитета. Сейчас, при данной обстановке, мы не можем входить в него ни как члены Центрального Комитета, ни как кандидаты.

Председатель. Право товарищей снимать свои кандидатуры никогда никем не оспаривались. Но в данном случае немножко странно, что не сам тов. Бухарин делает это заявление. Так как это касается Бухарина, то никто не имеет права отказываться от его имени.

Тов. Урицкий. Уходя, он поручил мне сделать это заявление.

Тов. Зиновьев. Я бы с своей стороны предложил Съезду высказать пожелание, чтобы группа товарищей, намеченных здесь, не отказывалась от постов. Мне кажется, что ход Съезда показал, и это чувствуется до самого последнего момента, что нет серьезных опасностей для раскола. Не надо создавать искусственно организованных попыток нарушить это единство. Конечно, отказ группы товарищей войти в Центральный Комитет партии может создать положение, которое будет облегчать раскол.

Поэтому ошибку, мне кажется, делают те товарищи, которые пытаются создать раскол. Само собой разумеется, никого нельзя насильно впрягать, и что Съезд может и оказать моральное давление на товарищей и, в свою очередь, сделать все возможное, чтобы список, здесь намеченный, включал и тех товарищей, которых мы хотим видеть в своей среде.

Тов. Ломов. Я думаю, что те аргументы, которые развивал тов. Зиновьев, совершенно неубедительны. Дело в том, что у нас, повидимому, благодаря той международной ситуации, которая создавалась, очевидно никаких расколов не создалось. И я утверждаю, что раскол все равно с правой или с левой стороны не обнаружится. Мы все время заявляем, что мы не стремимся к расколу. И мы все время являемся оппозицией к тому курсу, который здесь устанавливается. Но вы не поколебали ни одного из положений тов. Урицкого, т.-е. того, что когда будете подписывать договор с Винниченко,—от чего вы сейчас не можете отказаться,—вы будете считать этот договор необходимым, и может создаться такая ситуация, при которой мы можем выйти из Ц. К.—при таком условии совершенно не целесообразно. Тов. Ленин указывал на необходимость в данный момент на однородность Центрального Комитета. Я был убежден в этом, и лично меня доводы Зиновьева абсолютно не могут поколебать.

Тов. Урицкий. Я, как и тов. Бухарин, не исключаю возможности, что ближайшие наши пути вновь сойдутся. Думаю, что мы вместе с Лениным будем вести ту же самую революционную войну, о которой мы все время говорим. Сейчас мы стоим перед опытом, который у нас был. Мы слишком дисциплинированная партия. Я не позволю себе нарушить дисциплину. Но сейчас мы не должны себя связывать и не можем брать на себя ответственности за то, что мы считаем гибельным для России. Против морального давления, который может оказать Съезд, мы ничего не можем сказать. Но мы думаем, что Съезд не может нас насильствовать.

Тов. Ленин. Ломов чрезвычайно остроумно сослался на мою речь, в которой я требовал, чтобы Центральный Комитет был способен вести однородную линию. Это не означает, чтобы все в Центральном Комитете имели одно и то же убеждение. Так считать, значило бы идти к расколу, потому я предложил Съезду не принимать такого заявления, чтобы дать возможность товарищам, посоветовавшись с своими местными организациями, обдумать свое решение. Я тоже был в Центральном Комитете в таком положении в то время, когда принималось предложение о том, чтобы мира не подписывать, и молчал, несколько не закрывая глаза на то, что ответственности я за это не принимаю. У каждого члена Центрального Комитета есть возможность сложить с себя ответственность, не выходя из сего состава и не устраивая скандала.

Конечно, при известных условиях это, товарищи, допустимо, иногда это неизбежно, но чтобы это было необходимо теперь при этой организации Советской власти, которая дает нам возможность проверять себя, поскольку мы не теряем контакта с массами, в этом я не сомневаюсь. Я думаю, что если возникнет вопрос о Вилличенко, товарищи могут защищать свою точку зрения не выходя из Центрального Комитета. Если мы будем стоять на точке зрения подготовки к революционной войне и на точке зрения маневрирования, то для этого нужно войти в Центральный Комитет, можно заявить, что разногласия возникли снизу, заявить об этом имеем абсолютное право. Нет и тени опасности, что история возложит ответственность на Урицкого и Ломова за то, что они не отрекутся от звания членов Центрального Комитета. Нужно сделать попытку найти некоторую узду, чтобы вывести из моды выход из Центрального Комитета. Нужно сказать, что Съезд выражает надежду на то, что товарищи будут формулировать свое несогласие своими протестами, но не выходом из Центрального Комитета, и, считаясь с этим своим заявлением, отклонят снятие кандидатур группы товарищей и произведут выборы, приглашая их взять свои заявления обратно.

Председатель. Позвольте решить вопрос просто голосованием. Записать тех, кого из товарищей считаете возможным и нужным избрать. Само собой разумеется, право отказаться от избрания остается за товарищами. При чем, так как у нас намечены кандидаты, они могут заменить тех, которые, может быть, уйдут. Своими выборами покажете, как вы смотрите на решение этого вопроса. Теперь я позволю себе приступить к голосованию так, как это было решено раньше. Других кандидатов не называется.

Тов. Фенигштейн. Я предлагаю сделать перерыв на 10 минут, чтобы этот вопрос был обсужден теми делегатами на Съезде, которые стоят на нашей позиции.

Председатель. Вопрос для нас настолько важен и серьезен, что я бы полагал необходимым согласиться на перерыв. Возражений не имеется. Я бы только просил тех т-щев, которые не примут участия в этом совещании, остаться здесь, не расходиться. Товарищей, уходящих для совещания, покорнейше просил бы как можно скорее покончить с этим делом. Максимально 15—20 минут, чтобы больше не ждать. Объявляю перерыв.

Председатель. Слово для заявления имеет тов. Ломов.

Тов. Ломов. Товарищи, обсудив этот вопрос, наши товарищи постановили тем не менее, несмотря на возражения тов. Зиновьева и желание Ленина, чтобы мы вошли в Ц. К. или, вернее, преимущественно в качестве кандидатов, не входить. Мы находили в данных условиях свое решение правильным и считаем невозможным связывать себя вхождением в Ц. К. Мы полагаем, что Съезд, если бы он применял какие-либо меры насилия, не сумеет на это положение рассчитывать. Поэтому я полагаю, что лучше всего принять отставку и за нас не голосовать. (Голоса: раскольники.)

Председатель. Мне предлагают поставить на голосование резолюцию, внесенную перед перерывом тов. Лениным. (Читает резолюцию). Резолюция принята.

Я должен еще раз указать, что за каждым из товарищей остаются все его права.

Тут выражались определенные пожелания, с которыми каждый из товарищей будет считаться, поскольку он найдет возможным.

Тов. Ларин. Дело в том, что я воздерживался от голосования, ибо у нас было постановлено воздерживаться от голосования по вопросу о выборах в Ц. К.

Председатель. Но другие не воздержались; перед тем, как приступить к голосованию самих членов Ц. К. слово по мотивам голосования имеет тов. Сапронов.

Тов. Сапронов. Ввиду того, что наша группа решила не входить в Ц. К. и ответственности за решения Ц. К. на себя не берет, она решила от голосования воздержаться.

—Тов. (пропуск в стенограмме). Я желал бы спросить членов партии, которые отказываются брать на себя ответственность за действия партии, желают ли они оставаться в партии?

Председатель. Позвольте сделать разъяснение. Никто не говорил о том, что они не берут ответственность за всю деятельность партии. Каждый член партии несет свою ответственность за деятельность партии в целом. Это само собой разумеется. Поскольку не было сделано никакого заявления, говорящего о том, что данный член партии или одна организация снимают всякую ответственность за деятельность партии, постольку вопрос ставить об этом невозможно.

Тов. Аванесов. Тов. Сапронов заявил, что он выходит.

Председатель. Было заявлено о невеступлении в Ц. К. Если мое разъяснение было неправильно, то было бы заявление

со стороны товарищей. Поскольку этого заявления нет, я считаю его правильным. Никто из т-щей из группы не протестует против моего заявления? Нет. Тем самым вопрос снимается.

Тов. Зиновьев. Резолюция, прочитанная тов. Лениным, несколько устарела, потому что отказ участвовать в выборах Ц. К. есть более агрессивный шаг по отношению к большинству Съезда. Это гораздо более решительный шаг, чем то, что мы имели 5 минут назад. Если товарищи передумали, то ничего нельзя сделать, но тогда в нашей резолюции надо вставить осуждение того, что группа т-щей отказывается участвовать.

Председатель. Угодно высказаться по поводу предложения тов. Зиновьева? Таковых нет. Позвольте поставить на голосование предложение тов. Зиновьева о добавлении к резолюции осуждения тех т-щей, которые решили не принимать участия в выборах Ц. К., с тем, что этот протест доводится до сведения организаций, пославших их. (Принято большинством против 1 при 5 воздержавшихся.) Позвольте приступить к голосованию.

Тов. Соловьев. Вот список предлагаемых товарищей. (Читает.)

Председатель. Имеются другие кандидатуры? Нет. Угодно будет, товарищи, обсуждать каждую кандидатуру или перейти к непосредственному голосованию, путем записок.

Принято голосовать непосредственно путем записок.

Председатель. Ввиду того, т-щи, что группа, заявившая о том, что она не будет участвовать в голосовании, согласна снять это заявление, я предлагаю снять и нам только что принятую резолюцию, предложенную тов. Зиновьевым. Возражений не имеется? Нет.

Тов. Бухарин. Группа товарищей уполномочила меня заявить следующее. Решение относительно невхождения в Ц. К., решение остается в силе, но ввиду того, что заявление относительно неучастия в голосовании было истолковано большинством Съезда как шаг к расколу в то время, как оно не имело такого характера, мы это заявление снимаем. В соотношении с этим снимается резолюция тов. Зиновьева.

Тов. Соловьев. Комиссия в составе Аванесова, Алешина, Соловьева и Шелавина произвела подсчет. Разрешите огласить результаты. Всего было подано 39 записок. 5 товарищей воздержались от голосования, подали белые записки. Остальные распределены следующим образом: Ленин—34, Троцкий—34, Свердлов—33, Зиновьев—33, Бухарин—32, Сокольников—32, Сталин—32, Кре-

стинский—32, Смилга—29, Стасова—28, Лашевич—27, Шмидт—26, Дзержинский—26, Владимирский—24, Сергеев—23.

Остальные кандидаты получили: Урицкий—3, Ломов—3, Петров—3, Иоффе—3, Киселев—3, Оболенский—2, Петерсон—2.

В кандидаты Ц. К. результаты подсчета следующие: Иоффе—24, Киселев—20, Винтер—20, Урицкий—19, Стучка—24, Петровский—23, Ломов—21, Шлятников—22, Сергеев—1, Владимирский—1.

Таким образом избраны в члены Ц. К. (*читает список*), в кандидаты (*читает*).

Тов. Бухарин. Согласно общему заявлению, которое я сделал только что, я заявляю, что отказываюсь войти в Ц. К., и предлагаю Съезду заменить соответствующим кандидатом по числу получивших голосов.

Тов. Урицкий. От своего имени и от отсутствующего тов. Ломова заявляю, что мы отказываемся и предлагаем Съезду выбрать взамен дополнительных кандидатов.

Председатель. Позвольте, т-щи, произвести соответствующие пополнения из имеющихся у нас кандидатов и новых не выставлять.

Тов. Сокольников. Товарищи, ввиду того, что те заявления, которые были сделаны перед выборами, были взяты обратно, ввиду того, что состоялись выборы Ц. К., я предлагаю: все те заявления, которые выбранные нами товарищи имеют сделать, они сделают на 1-ом заседании Ц. К. В настоящем заседании выборы кончены, и никакие заявления больше приняты быть не могут.

Председатель. Позвольте, т-щи, разъяснить, что тут никаких прений не может быть. Каждый имеет право делать заявление; как мы будем относиться к этому, это—вещи совершенно различные. Избранные товарищи будут приглашены, их право не притти.

Тов. Ленин. Значит замещение отложить до Ц. К.

Председатель. Предложение о том, чтобы пополнить, имеются? Нет. Итак, товарищи, позвольте перед закрытием Съезда сказать несколько слов, во-первых, о тех задачах, которые стоят в настоящее время перед нашей партией, во-вторых, о создавшемся кризисе внутри нашей партии. Что касается задач партии, то мне казалось крайне необходимым подчеркнуть перед вами, товарищи, то, по-моему, чрезвычайно важное обстоятельство, что на местах придется гораздо больше внимания, чем до сих пор,

уделять партийной организации, как таковой. До сих пор в своей работе наибольшее внимание обращалось на советские организации, работой в Советах должны были закрепиться те завоевания, которые были достигнуты Октябрьской революцией. Те же самые задачи закрепления этих завоеваний, их углубления остаются в настоящее время перед нами, но мы всю свою душу, все свои главные силы вливаем поныне в советскую работу. Совсем нельзя это ставить в вину как отдельным работникам, так и всей партии, — это вытекало из положения вещей.

Но теперь перед партией стоят новые задачи, перед партией стоят задачи проделать значительную часть работы, которую проделывали до сих пор Советы.

Мы, например, как это вытекает из подписанного нами договора, который мы должны в скором времени ратифицировать на Съезде, неизбежно вытекает, мы, в качестве прав-ства, в качестве Советской власти, не сможем вести той широкой международной агитации, которую мы до сих пор вели, но это совсем не значит, что мы хотя бы на йоту стали меньше заниматься такой агитацией. Но нам придется теперь сплошь да рядом такую агитацию вести не от имени С. Н. К., а от имени Ц. К. нашей партии, нам придется на местах вести целый ряд работ, которые до сих пор выполняли советские организации, как организации власти, которые теперь принуждена будет взять на себя наша партия. Обращая внимание товарищей на эту сторону дела, я бы хотел указать, что раз перед партией стоят такие новые задачи, то необходимо повести всяческое оживление в самых партийных организациях. Необходимо, чтобы т-щи, которые приедут с этого Съезда, перед своими организациями выяснили, какое положение вещей, что именно и как именно приходится сейчас делать на местах в этом отношении. Вопрос, например, о вооружении: мы несколько не сомневаемся в том, что партийные организации принимали большое участие, может быть, очень большое в вооружении рабочих. Быть может, сейчас нам придется в отдельных случаях это вооружение проводить точно так же через наши партийные организации, может быть, целый ряд работ придется делать через парт. организации. Было бы чрезвычайно важно, чтобы т-щи ютдали себе отчет в том, что новая ноша, тяжелая ноша ложится на нашу партию.

С полным сознанием того, что мы должны во что бы то ни стало эту работу вести, мы должны в партийной ор-

гаанизации, ведя одновременно работу в Советах, вести эту работу.

Что касается кризиса, который переживает, повидимому, в настоящее время партия, то тут еще имеются две возможности: или этот кризис в ближайший момент будет изжит в силу объективных условий, потому что самый материал для разногласий исчезнет, или возможен другой исход, та передышка, о которой мы здесь говорили, которую мы пока получили на короткое время, может затянуться, оказаться затяжной. Мы можем оказаться вынужденными выковать оружие для дальнейшей борьбы. Тогда материал для разногласий останется.

В этой перспективе должны понимать т-щи на местах, что интересы партии в целом выше интересов каждого члена партии. Я позволю себе выразить уверенность в том, что масса партийных организаций, масса членов партии, ни в коем случае никогда не одобрит никакого шага, направленного к расколу. Если на этом Съезде у нас неоднократно подчеркивалось двумя сторонами, что мы все стремимся к единению, если мы видели, что со стороны товарищей из оппозиции раздавались голоса о том, что они точно так же против раскола, то мы должны помнить, что не нужно не только говорить, но не нужно принимать никаких шагов к расколу, не нужно делать раскола. В Москве были сделаны известные шаги к расколу, московская городская конференция осудила эти отдельные случаи раскола.

Я бы просил всех товарищей помнить, что никакие попытки раскола не должны иметь места нигде. Я позволю себе выразить уверенность в том, что до следующего Съезда наша партия станет цельной, единой. На нем мы встретимся, вероятно, в качестве одной общей семьи, в качестве членов одной и той же партии—«Российской Коммунистической Партии».

Я несколько не сомневаюсь в том, что широкие круги пролетарских масс, входящие в нашу партию, будут свято блюсти стремление к единству всех членов партии, которое высказывалось на этом Съезде, не сомневаюсь в том, что попытка к расколу будет во всяком случае пресечена в самом начале.

Позвольте на этом закрыть наш Съезд. *(Рукоплескания.)*

Съезд закрывается в 12 ч. 20 мин. ночи.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Резолюции VII съезда Р. К. П.

О войне и мире.

Съезд признает необходимым утвердить подписанный Советской властью, тягчайший, унижайнейший мирный договор с Германией, ввиду неимения нами армии, ввиду крайне болезненного состояния деморализованных фронтовых частей, ввиду необходимости воспользоваться всякой, хотя бы даже малейшей возможностью передышки перед наступлением империализма на Советскую Социалистическую Республику.

Исторически неизбежны в настоящий период начавшейся эры социалистической революции многократные военные наступления империалистских государств (как с Запада, так и с Востока) против Советской России. Историческая неизбежность таких наступлений, при теперешнем крайнем обострении всех внутригосударственных классовых, а равно и международных отношений, может в каждый, самый близкий момент даже в несколько дней привести к новым империалистическим наступательным войнам против социалистического движения вообще, против Российской Социалистической Республики,—в особенности.

Поэтому Съезд заявляет, что первейшей и основной задачей и нашей партии, и всего авангарда сознательного пролетариата, и Советской власти Съезд признает принятие самых энергичных, беспощадно решительных и драконовских мер для повышения самодисциплины и дисциплины рабочих и крестьян России, для разъяснения неизбежности исторического приближения России к освободительной, отечественной, социалистической войне, для создания везде и повсюду строжайше связанных и железной единой волей скрепленных организаций масс, организаций, способных на сплоченное и самоотверженное действие как в будничные, так и в особенно критические моменты жизни народа,—наконец, для всестороннего систематического всеобщего обучения

взрослого населения, без различия пола, военным знаниям и военным операциям.

Съезд видит надежнейшую гарантию закрепления социалистической революции, победившей в России, только в превращении ее в международную рабочую революцию.

Съезд уверен, что с точки зрения интересов международной революции шаг, сделанный Советской властью, при данном соотношении сил на мировой арене, был неизбежен и необходим.

В убеждении, что рабочая революция неуклонно зреет во всех воюющих странах, готовя неизбежное и полное поражение капитализма, Съезд заявляет, что социалистический пролетариат России будет всеми силами и всеми находящимися в его распоряжении средствами поддерживать братское революционное движение пролетариата всех стран.

Тезисы о войне и мире, предложенные парт-съезду группой противников заключения мира.

1. Империалистская война повсеместно вызывает уже разложение капиталистических производственных отношений, обостряя до крайности социальные противоречия, разлагая буржуазные группировки, выключая целые страны из числа жизнеспособных капиталистических организмов (Австрия). Все это вместе взятое является базисом назревающей социалистической революции, первыми ласточками которой на Западе были стачки и частичные восстания в Австрии и Германии.

2. Борьба империалистических коалиций может быть рассматривается сейчас с двух точек зрения: либо коалиции пришли к негласному временному соглашению друг с другом за счет России, либо они готовы еще продолжать борьбу. И в том, и другом случае нам предстоит пережить попытки раздела России со стороны международного капитала, нападающего на нас со всех сторон; во втором случае Германия как раз потому, что продолжение войны возможно для нее лишь при условии использования русского хлеба и сырья, будет неизбежно стремиться сокрушить Советскую власть во что бы то ни стало.

3. Таким образом, и момент классовой борьбы, и момент империалистической эксплуатации в теперешних условиях делают невозможными мирное сожительство Советской России с империалистской коалицией центральных держав.

4. Это положение вещей чрезвычайно ярко проявилось в условиях мира, которые были выставлены Германией и которые фактически означают полный подрыв Советской власти не только в ее внешней, но и в ее внутренней политике.

5. Эти условия отрезают центры революции от питающих промышленность производительных областей, разъединяют очаги рабочего движения, убивая ряд крупнейших его центров (Латвия, Украина), подрывают экономическую политику социализма (вопрос об аннулировании займов, социализации производства и т. д.), сводят на-нет международное значение русской революции (отказ от интернациональной пропаганды), превращают Советскую республику в орудие империалистской политики (Персия, Афганистан), наконец, пытаются разоружить ее (требование демобилизации старых и новых частей). Все это не только не даст возможность передышки, но ставит борьбу пролетариата в худшие условия, чем раньше.

6. Не давая никакой отсрочки по существу, подписание мира разлагает революционную волю пролетариата к борьбе и задерживает развитие международной революции. Поэтому единственно правильной тактикой могла бы быть тактика революционной войны против империализма.

7. При полном разложении старой армии, остатки которой являются лишь вредным балластом, революционная война в своей начальной стадии может быть только войной партизанских летучих отрядов, втягивающих в борьбу как городской пролетариат, так и беднейшее крестьянство, и превращающая военные действия с нашей стороны в гражданскую войну трудящихся классов с международным капиталом. Такая война, какие бы она поражения ни сулила вначале, неизбежно разлагала бы силы империализма.

8. Кроме того, в условиях распада пролетариата, как производительного класса из-за связи с безработицей и общей экономической разрухой, мобилизация пролетарской армии удерживала бы пролетариат от распада и закрепляла бы кадры безработных, как солдат пролетарской революции.

9. Поэтому, основной задачей партии является ясная тактическая линия войны с империализмом и интенсивнейшая работа по организации обороны социализма в процессе этой войны. Именно в этом процессе непосредственного столкновения создается боеспособная социалистическая армия.

10. Между тем (политика руководящих учреждений партии была политикой колебаний и компромиссов)—политикой, которая объективно мешала делу подготовки революционного отпора и постоянными колебаниями деморализовала даже те передовые отряды, которые с энтузиазмом шли в бой.

11. (Социальной основой такой политики был процесс перерождения нашей партии из чисто пролетарской в «общенародную» что не могло не происходить при ее гигантском росте. Солдатская масса, желавшая мира во что бы то ни стало, при всех и всяких условиях, не считаясь даже с социалистическим характером государственной власти пролетариата, наложила свой отпечаток, и партия вместо того, чтобы поднимать до себя крестьянские массы, спустилась сама до их уровня, из авангарда революции превратилась в «средняка».)

12. А между тем даже крестьянство при дальнейшей борьбе с международным империализмом будет неизбежно вовлекаться в эту борьбу, так как ему угрожает громадная опасность потерять землю.

13. При таких условиях задач партии и задач Советской власти является:

1. Анулирование договора о мире.
2. Усиленная пропаганда и агитация против международного капитала, разъясняющая смысл этой новой гражданской войны.
3. Создание боеспособной Красной армии; вооружение пролетарского и крестьянского населения и правильное обучение его военной технике.
4. Решительные социальные мероприятия, добывающие буржуазии экономически, сплавляющие пролетариат и поднимающие энтузиазм масс.
5. Беспощадная борьба с контр-революцией и соглашательством.
6. Самая интенсивная международно-революционная пропаганда и привлечение в ряды Красной армии добровольцев всех национальностей и государств.

Об изменении названия партии и партийной программы.

1. Съезд постановляет именовать впредь нашу партию Р. С.-Д. Р. П. («большевиков») Российской Коммунистической Партией с добавлением в скобках «большевиков».

2. Съезд постановляет изменить программу нашей партии, переработав теоретическую часть или дополнив ее характеристикой империализма и начавшейся эры международной социалистической революции.

3. Затем, изменение политической части нашей программы должно состоять в возможно более точной и обстоятельной характеристике нового типа государства, Советской Республики, как формы диктатуры пролетариата и как продолжения тех завоеваний международной рабочей революции, которые начаты Парижской Коммуной.

4. Программа должна указать, что наша партия не откажется от использования и буржуазного парламентаризма, если исход борьбы отбросит нас назад на известное время, от этой превзойденной теперь нашей революцией, исторической ступени. Но, во всяком случае, и при всех обстоятельствах, партия будет бороться за Советскую Республику, как высший по демократизму тип государства и как форму диктатуры пролетариата, свержение ига эксплуататоров и подавление их сопротивления.

5. В том же духе и направлении должна быть переработана экономическая, в том числе и аграрная, а равно педагогическая и прочие части нашей программы. Центр тяжести должен состоять в точной характеристике начатых нашей Советской властью экономических и других преобразований с конкретным изложением ближайших конкретных задач, поставленных себе Советской властью и вытекающих из сделанных уже нами практических шагов экспроприации экспроприаторов.

6. Съезд поручает особой комиссии из семи человек (в состав ее избраны: Ленин, Бухарин, Зиновьев, Троцкий, Сталин, Сокольников и В. Смирнов) составить, по возможности безотлагательно, на основании изложенных указаний, программу нашей партии и утвердить ее как программу нашей партии.

Черновой набросок проекта программы, предложенный тов. Лениным.

Взять за основу мой проект ¹⁾ (брошюра, стр. 19 и след.). Теоретическую часть оставить, выкинуть последний абзац первой

¹⁾ Название партии про то: «Коммунистическая партия (без добавления «Российская») и в скобках («партия большевиков»).

части (стр. 22 брошюры) со слов «На очередь дня» до слов «со-
держание социальной революции», т.-е. 5 строк воп.

В следующем абзаце (стр. 22), начинающемся со слов: «Вы-
полнение этой задачи» внести изменение, указанное в статье «К
пересмотру партийной программы», «Просвещение» (№ 1—2, сен-
тябрь—октябрь 1917 г., ст. 93).

В этом же абзаце два раза поставить вместо «социал-шовинизм»:
1) оппортунизм и социал-шовинизм; 2) «между оппортунизмом и
социал-шовинизмом, с одной стороны, и революционно интерна-
ционалистической борьбой пролетариата за осуществление со-
циального строя,—с другой».

Дальше придется переделать все, примерно, следующим образом:

Революция 25 октября (7 ноября) 1917 года осуществила в
России диктатуру пролетариата, поддержанного беднейшим крестьян-
ством или полупролетариатом.

Эта диктатура ставит перед коммунистической партией в Рос-
сии задачу довести до конца, завершить начатую уже экспроприа-
цию помещиков и буржуазии, передачу всех фабрик и заводов,
железных дорог, банков, флота и прочих средств производства и
обращения в собственность Советской республики.

Использовать союз городских рабочих и беднейших крестьян,
давший уже отмену частной собственности на землю, и закон о той
переходной форме от мелкого хозяйства к социализму, который со-
временные идеологи, ставшего на сторону пролетариата крестьянства,
назвали социализацией земли, для постепенного, но неуклонного
перехода к общей обработке земли и к крупному социалистиче-
скому земледелию.

Закрепить и развить дальше федеративную республику Советов,
как неизмеримо более высокую и прогрессивную форму демокра-
тии, чем буржуазный парламентаризм, и как единственный тип
государства, соответствующий на основании опыта парижской ком-
муны 1871 года, а равно опыта русских революций 1905 и 1917—
1918 г.г. переходному периоду от капитализма к социализму, т.-е.
периоду диктатуры пролетариата.

Всемерно и всемерно использовать зажженный в России
факел всемирной социалистической революции для того, чтобы,
парализуя попытки империалистических буржуазных государств,
вмешаться во внутренние дела России или объединиться для пря-
мой борьбы и войны против социалистической Советской республики,
перенести революцию в более передовые и вообще во все страны.

10 тезисов о Советской власти.

Укрепление и развитие Советской власти.

Укрепление и развитие Советской власти как формы, опытом проверенной, массовым движением и революционной борьбой выдвинутой формы, диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства (полупролетариев).

Укрепление и развитие должны состоять в осуществлении (более широком, всеобщем и планомерном осуществлении) тех заданий, которые исторически на эту форму государственной власти, на этот новый тип государства ложатся, именно:

1. Объединение и организация угнетенных капитализмом трудящихся и эксплуатируемых масс и только их, т.-е. только рабочих и беднейших крестьян, полупролетариев, при автоматическом исключении эксплуататорских классов и богатых представителей мелкой буржуазии.

2. Объединение наиболее деятельной, активной, сознательной части угнетенных классов—их авангарда, который должен воспринимать поголовно все трудящееся население к самостоятельному участию в управлении государством не теоретически, а практически.

3. Уничтожение парламентаризма (как отделение законодательной работы от исполнительной), соединение законодательной и исполнительной государственной работы. Слияние управления с законодательством.

4. Более тесная связь с массами всего аппарата государственной власти и государственного управления, чем прежние формы демократизма.

5. Создание вооруженной силы рабочих и крестьян, наименее оторванной от народа (Советы—вооруженные рабочие и крестьяне). Организованность всенародного вооружения, как один из первых шагов к полному осуществлению вооружения всего народа.

6. Более полный демократизм в силу меньшей формальности, большей легкости выбора и отзыва.

7. Тесная связь (и непосредственная) с профессиями и с производителями экономическими единицами (выборы по заводам, по местным крестьянским и кустарным округам). Эта тесная связь дает возможность осуществлять глубокие социалистические преобразования.

8. (Отчасти, если не целиком входит в предыдущее)—возможность устранить бюрократию, обойтись без нее, начало реализации этой возможности.

9. Перенесение центра тяжести в вопросах демократизма с формального равенства буржуазии и пролетариата, бедных и богатых на практическую осуществимость пользования свободной (демократией) трудящейся и эксплуатируемой массой населения.

10. Дальнейшее развитие Советской организации государства должно состоять в том, чтобы каждый член Совета обязательно нес постоянную работу по управлению государством, наряду с участием в собраниях Совета, а затем в том, чтобы все население поголовно привлекалось постепенно к участию в Советской организации (при условии подчинения организациям трудящихся), так и к несению службы государственного управления.

Выполнение этих задач требует:

а) В области политической развить Советскую республику: Прерогативы Советов («Просвещение» стр. 13—14); (шесть пунктов).

Распространение Советской конституции по мере прекращения сопротивления эксплуататоров на все население.

Федерация наций как переход к сознательному и более тесному единству трудящихся, научившихся добровольно подниматься выше национальной розни.

Обязательно беспощадное подавление сопротивления эксплуататоров; нормы «общей» (т.-е. буржуазной) демократии подчиняются этой цели, уступают ей:

«Свободы» и демократия не для всех, а для трудящихся и эксплуатируемых масс, в интересах их освобождения от эксплуатации; беспощадное подавление эксплуататоров.

Центр тяжести передвигается от формального признания свобод (как было при буржуазном парламентаризме) к фактическому обеспечению пользования свободами со стороны трудящихся и свержающих эксплуататоров, напр., от признания свободы собраний—к передаче всех лучших зал и помещений рабочим, от признания свободы печати—к передаче всех лучших типографий в руки рабочих и так далее.

Краткий перечень этих «свобод» из старой программы-минимум...

Вооружение рабочих и разоружение буржуазии.

Переход через Советское государство к постепенному уничтожению государства путем систематического привлечения все большего числа граждан и поголовно всех граждан к непосредственному и ежедневному несению своей доли тягот по управлению государством.

б) В области экономической:

Социалистическая организация производства в общегосударственном масштабе,—управляют рабочие организации (профессиональные союзы, фабрично-заводские комитеты и так далее) под общим руководством Советской власти, единственно суверенной.

Тоже транспорт и распределение (сначала государственная монополия «торговли», затем замена, полная и окончательная, «торговли» планомерно организованным распределением через союзы торгово-промышленных служащих) под руководством Советской власти—принудительное объединение всего населения в потребительско-производительные коммуны.

Не отменяя (временно) денег и не запрещая отдельных сделок купли-продажи отдельным семьям, мы должны прежде всего сделать обязательным, по закону проведение всех таких сделок через потребительские коммуны.

Немедленный приступ к полному осуществлению всеобщей трудовой повинности с наиболее осторожным и постепенным распространением ее на мелкое, живущее своим хозяйством без наемного труда крестьянство.

Первой мерой, первым шагом к всеобщей трудовой повинности должно быть введение потребительски-рабочих (бюджетных) книжек (обязательное введение) для всех богатых лиц с доходом свыше определенной суммы 500 рублей в месяц, затем для владельцев предприятий с наемными рабочими и для семей с прислугой и пр.

Купля-продажа допустима и не через свою коммуну (при поездках, на базарах и т. д.), но с обязательной записью сделки, если она выше известной суммы, в потребительско-рабочие книжки.

Полное сосредоточение банковского дела в руках государства и всего денежно-торгового оборота в банках. Универсализация банковых текущих счетов: постепенный переход к обязательному ведению текущих счетов в банках, обязательное держание денег в банках и переводы денег только через банки.

Универсализация учета и контроля за всем производством и распределением продуктов, при чем учет и контроль должны осуществляться сначала рабочими организациями, затем поголовно всем населением.

Организация соревнования между различными (всеми) потребительно-производительными коммунами страны для неуклонного повышения организованности дисциплины, производительности труда, для перехода к высшей технике, для экономии труда и продуктов, для постепенного сокращения рабочего дня до 6 часов в сутки, для постепенного выравнивания всех заработных плат и жалований во всех профессиях и категориях.

Неуклонные, систематические меры к переходу, к замене индивидуального домашнего хозяйства, хозяйничанья отдельных семей общим кормлением больших групп семей.

в) В области педагогической—старые пункты.

г) В области финансовой:

Замена косвенных налогов прогрессивным подоходным и имущественным налогом, а равно отчислением (определенного) дохода от государственных монополий. В связи с этим, перевод натурой хлеба и др. продуктов рабочим, занятым за счет государства определенными видами общественно-необходимых работ.

Международная политика.

Поддержка революционного движения социалистического пролетариата в передовых странах в первую голову.

Пропаганда, агитация, братание.

Беспощадная борьба с оппортунизмом и социал-шовинизмом.

Поддержка демократического революционного движения во всех вообще странах, особенно в колониях и в зависимых.

Освобождение колоний. Федерация как переход к добровольному слиянию.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2-ое.

1. Список делегатов с решающим голосом.

Ф а м и л и я.	О р г а н и з а ц и я.
1. Аванесов В. А.	Фракция Ц. И. К.
2. Бокий Г. И.	Петроградская Общегородская Конференция.
3. Володарский В.	Петроградский Комитет.
4. Владимирский М. Ф.	Московская.
5. Гуревич.	Донбасс.
6. Еремчук.	Уральская.
7. Зиновьев Г. Е.	Петроградский Комитет.
8. Крестивский Н. Н.	Уральская.
9. Лашевич М. М.	Фракция Петроградск. Совета.
10. Масков.	Уральская.
11. Матрозов.	Кронштадская.
12. Мгеладзе (Вардин) И. В.	Саратовская.
13. Невский В. И.	Петр. Воен. Организ.
14. Нейбут.	Дальневосточная.
15. Оппоков (Ломов) Г. И.	Московская Областная.
16. Пельше Р. А.	Московская.
17. Радек К.	Петроградская Общегородская Конференция.
18. Рогов А. Е.	Сибир. Обл. Сьезд.
19. Сапронов Т. В.	Московск. Окружная.
20. Свердлов Я. М.	Уральская.
21. Сергеев (Артем) Ф. С.	Донбасс.
22. Смилга И. Т.	Финляндская.
23. Смирнов В. М.	Московская Областная.
24. Соловьев В. И.	Московская.
25. Сольц А. А.	Московская.
26. Стожок.	Донбасс.
27. Стучка П. И.	Литовская Организ.
28. Фенигштейн (Далецкий) Я. Г.	Петроградская Общегородская Конференция.
29. Шелавин К. И.	Петроградская Общегородская Конференция.

2. Список делегатов с совещательным голосом.

1. Бубнов А. С.	Член Ц. К.	5. Ленин В. И.	Член Ц. К.
2. Бухарин Н. И.	" " "	6. Сокольников Г. Я.	" " "
3. Иоффе А. А.	" " "	7. Троцкий Л. Д.	" " "
4. Коллонтай А. М.	" " "	8. Урицкий М. С.	" " "

3. Список товарищей, присутствовавших на съезде с неустановленным представительством или правом пользования голосом.

1. Алешин.	14. Медников Н. И.	23. Серебров, Петр.
2. Бобинский С. Я.	15. Милютин В. П.	Общегор. К-ция.
3. Бобылев А. А.	16. Наумов, Петр.	24. Стеклов Ю. М.
4. Гневич.	Общегор. К-ция.	25. Ткачев С. Н.
5. Голощекин Ф. И.	17. Оболенский	26. Ульянова
6. Горбунов Н. П.	(Осинский) В. В.	(Крупская) Н. К.
7. Грушинский.	18. Перстова.	27. Усачев.
8. Долбилкин.	19. Равич С. Н.	28. Федоров И.
9. Звягинцев.	20. Розонов, Яро-	29. Цукербер.
10. Кондаков.	славская.	30. Шмидт В. Ф.
11. Копяткевич.	21. Рязанов Д. Б.	31. Шумайлов.
12. Левский Ю.	22. Савельев.	32. Юхневич Р.
13. Либерсон.		

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловие	1

Первое заседание.

Открытие съезда. Выборы президиума и мандатной комиссии. Утверждение регламента. Утверждение порядка дня съезда	7
Отчет Ц. К. Партии в его организационной части.	10

Второе заседание.

Отчет Ц. К. Партии в его политической части

Доклад тов. <i>Ленина</i>	14
" " <i>Бухарина</i>	32

Третье заседание.

(Прения по отчету Ц. К.).

Речь тов. <i>Урицкого</i>	51
" " <i>Зимовьева</i>	55
" " <i>Бубнова</i>	60
" " <i>Смилги</i>	64
" " <i>Радека</i>	69
" " <i>Сокольников</i>	73
" " <i>Троцкого</i>	77
" " <i>Рязанова</i>	86
" " <i>Свердлова</i>	91
" " <i>Оболенского</i>	97
" " <i>Сергеева</i>	100
" " <i>Коллонтай</i>	103
" " <i>Шелавина</i>	105

Четвертое заседание.

Приветствие предст. Финляндской С.-Д. партии	107
Ответ председателя тов. <i>Свердлова</i>	109

(Продолжение прений по отчету Ц. К.).

Речь тов. <i>Стожжа</i>	110
" " <i>Рязанова</i>	113
" " <i>Маскова</i>	115

	Стр.
Речь тов. Сапронова	116
„ „ Шулайлова	—
Заключительное слово тов. Бухарина	117
„ „ Ленина	126
Доклад мандатной комиссии	131
Голосование резолюций: общее	139
„ „ поименное	145
Резолюция тов. Крестинского о тактике тов. Троцкого в Вресте	146
Заявление тов. Троцкого	147

(Прения по заявлению тов. Троцкого).

Речь тов. Зиновьева	148
Резолюция тов. Зиновьева	149
„ „ Радека	—
Голосование резолюций	150

Пятое заседание.

(О пересмотре программы и названия партии).

Доклад тов. Ленина	158
Речь „ Бухарина	169
„ „ Фенигштейна	175

(Прения по докладу).

Речь тов. Ларина	177
„ „ Ленина	178
„ „ Крестинского	—
„ „ Стеклова	179
„ „ Бухарина	180
„ „ Ленина	182
„ „ Бухарина	—
„ „ Ленина	183
„ „ Бухарина	184

Выборы комиссии для выработки программы партии	185
Доклад тов. Свердлова о выборах Ц. К.	187
Заявление группы левых коммунистов	189
Выборы Ц. К.	—
Речь тов. Свердлова перед закрытием съезда	190

Приложение.

I. Резолюции съезда	197
II. Список делегатов	209